О. ПЯТНИЦКИЙ

Записки большевика

О. ПЯТНИЦКИЙ

О. ПЯТНИЦКИЙ

Записки большевика

Издание пятое

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва • 1956

Пятницкий Иосиф Аронович
ЗАПИСКИ БОЛЬШЕВИКА

Редактор *В. Игнатьева*

Оформление художника *А. Соколова*
Художественный редактор *Н. Симагин*
Технический редактор *Н. Трочновская*
Ответственные корректоры *М. Минорская* и *Н. Эйдман*

Сдано в набор 13 июня 1956 г. Подписано в печать 4 сентября 1956 г. Формат $84 \times 108^1/_{32}$. Физ. печ. л. $7^1/_8$+1 вклейка $^1/_{16}$. Условн. печ. л. 11,78. Учётно-изд. л. 11,64. Тираж 75 тыс. экз. А-08881. Заказ № 1641. Цена 4 р. 30 к.

Государственное издательство политической литературы.
Москва, В-71, Б. Калужская, 15.

Министерство культуры СССР. Главное управление полиграфической промышленности. Отпечатано во 2-й типографии „Печатный Двор“ им. А. М. Горького. Ленинград, Гатчинская, 26, с матриц Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова. Москва, Ж-54, Валовая, 28.

ОТ ИЗДАТЕЛЬСТВА

Пятницкий Иосиф (Осип) Аронович, старейший деятель Коммунистической партии, родился 17(30) января 1882 г. в семье рабочего-столяра. С 13 лет он начал свою трудовую деятельность, сначала в качестве ученика в портняжной мастерской, а затем в качестве портного.

16-летним юношей О. Пятницкий вступил в ряды РСДРП, с ранних лет стал профессиональным революционером и целиком отдался революционной деятельности.

До революции О. Пятницкий работал во многих районах страны и за рубежом, часто меняя место жительства. Последние два года перед революцией он находился в ссылке в Енисейской губернии. В марте 1917 г. О. Пятницкий вернулся из ссылки и принял активное участие в подготовке и проведении Октябрьской революции.

После победы Октябрьской революции он был секретарём Московской партийной организации, членом Центрального Комитета, работал в Коминтерне, являясь одним из секретарей ИККИ, последнее время работал в ЦК ВКП(б).

О. Пятницкий погиб 30 октября 1939 г. в возрасте 57 лет. С юношеских лет и до самой смерти он оставался преданным делу партии коммунистом, неразрывно связавшим свою жизнь с её жизнью и деятельностью.

Н. К. Крупская в своём приветствии в честь пятидесятилетия О. Пятницкого, опубликованном в газете «Правда» от 31 января 1932 г., писала:

«20 лет проработал Пятницкий (или «Пятница», «Фрейтаг», как мы его называли) в подполье. Он был типичным революционером-профессионалом, который всю свою жизнь, всего себя отдавал партии, жил только её интересами. Пятница был убеждённый большевик, цельный,

у которого никогда слово не расходилось с делом, на которого можно было положиться. Таким его считал Ленин».

В приветствии работников Коминтерна в честь пятидесятилетия О. Пятницкого, опубликованном 30 января 1932 г. в газете «Правда», говорилось, что т. Пятницкий «всегда активно боролся и борется за чистоту ленинского учения, отстаивая каждую его позицию, прекрасно владея искусством применять его на практике... Учёба профессионального революционера под руководством Ленина сказывается в каждой детали всей его работы... Тов. Пятницкий является ревностным бойцом против всякого расхождения между словом и делом, бойцом за революционное проведение вынесенных решений. Поэтому его речи и литературные работы отличаются всегда не только конкретной ясностью постановки вопроса, но и ударной силой, которая всегда обнажает и улавливает самую суть.

Наш тов. Пятницкий — твердокаменный большевик, образцовый руководитель международного коммунистического движения».

Воспоминания О. Пятницкого «Записки большевика» охватывают период возникновения Коммунистической партии и её развития до февраля 1917 г. Они изложены в исторической последовательности и насыщены богатым фактическим материалом.

«Записки мои,— писал О. Пятницкий в предисловии к третьему изданию этой книги,— изложены по годам моей партийно-революционной деятельности; в них описаны относящиеся к этому периоду события, с которыми я так или иначе был связан, организации и органы, в которых я работал, товарищи, с которыми я работал вместе, и, наконец, упомянуты злейшие враги партии — провокаторы, которые в некоторых случаях парализовали мою работу и приносили большой ущерб нашей партии».

Воспоминания О. Пятницкого представляют ценный вклад в историко-партийную литературу. Они дают яркую картину боевой революционной работы большевистской партии.

Данная книга печатается, с некоторыми уточнениями, по четвёртому изданию, выходившему в 1936 г.

Памяти
Павла Александровича Вомпе,
друга и товарища по совместной работе
в железнодорожных организациях и в Коммунистическом Интернационале, скончавшегося в ночь на 2 августа 1925 г.,
посвящаю эту книгу.

НЕСКОЛЬКО ЗАМЕЧАНИЙ К МОИМ ВОСПОМИНАНИЯМ

Во время чистки в 1921 г. все старые члены нашей партии должны были подать районным комиссиям по чистке свою партбиографию в письменном виде. Попытка составить её мне не удалась, ибо вместо биографии вышли воспоминания о вступлении в партию и о партработе далёких времён.

Летом 1922 г. после выполнения ряда поручений Московского истпарта я довёл начатые мною воспоминания до начала 1904 г. Ввиду перегруженности работой и за недостатком свободного времени я смог закончить воспоминания лишь летом 1924 г., во время отпуска. Для составления моих записок у меня не было ни писем, ни документов. Переезды из России за границу и обратно, нелегальное проживание в России и за границей, тюрьма и ссылка не давали мне возможности сохранять письма и документы. К тому же из-за отсутствия времени я не мог просмотреть многочисленные журналы и отдельные издания товарищей по истории нашей партии. Все воспоминания за 1896—1917 гг. я целиком написал по памяти, что не могло, конечно, не отразиться на их содержании и полноте. Многое из написанного было мною показано товарищам, с которыми я работал в разных городах и в различные периоды. Они подтвердили изложенные мною факты.

После того как были закончены воспоминания, я был вынужден проверять даты и разыскивать настоящие имена и фамилии товарищей, которые мне были известны лишь по кличкам. Это мне удалось восстановить почти полностью.

Если молодые члены нашей партии и юные ленинцы получат из моих записок хоть малейшее представление о том, в каких условиях приходилось работать старым членам большевистской партии (в таких условиях, в каких мне приходилось, работало немало большевиков; многим из них, пожалуй, пришлось работать в гораздо худших условиях), и если хоть один штрих из моих записок может быть использован для истории нашей партии, то я буду считать, что время, потраченное мною на воспоминания, не пропало даром.

НАЧАЛО МОЕЙ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
1896—1902 гг.

Город Вилькомир, в котором я родился, имел 14 тысяч жителей. Там кроме бесчисленных ремесленных мастерских было два или три небольших кожевенных завода, несколько мелких фабрик по обработке щетины и большая слесарная мастерская. Среди рабочих этих промышленных заведений были и такие, которые уже побывали в крупных городах.

На большие праздники обыкновенно приезжали к родным рабочие и работницы из Ковно, Вильно, Двинска, Варшавы. Городок тогда оживлялся. Приезжие вместе с передовыми рабочими Вилькомира устраивали в лесу или на квартирах за городом спектакли, собрания или вечеринки с речами, тостами, революционными песнями и т. д. (То же самое я наблюдал в 1906 г., когда очутился после долгого перерыва в родном городе. Организация Бунда в Вилькомире существовала, наверно, с 1900—1901 гг. Летом 1906 г. там была уже большая организация РСДРП, куда входили русские, еврейские, литовские и польские рабочие и батраки из ближайших крупных имений.)

В 1896 г., будучи учеником в портновской мастерской, я часто слышал разговоры между рабочими и работницами о социалистах, высланных из разных городов России в наш город. Из мимолётных разговоров я узнал, что ссыльные, которых в городе все знали, собираются с местной интеллигенцией и рабочими, обучают последних грамоте, дают им книжки и пр. Кроме того, в мастерской часто говорили о тайных собраниях, которые устраивались в губернских городах — Вильно, Ковно и Варшаве,

и об арестах, происходивших в них. Меня это сильно интересовало, но узнать что-либо подробнее мне не удавалось.

В конце 1896 г. на праздники приехали два моих брата. Велико было моё удивление, когда я увидел у нас в доме высланных, представителей местной интеллигенции, рабочих и даже работниц, с которыми я работал в одной мастерской. Оба мои брата оказались связанными с теми пионерами рабочего движения, которые были высланы на родину или приехали домой на праздники.

Мне хотелось возможно скорее сделаться самостоятельным. Как раз в это время мне предложили работу в уездном городе Поневеже, Ковенской губернии. Обрадовавшись предложению, я поехал туда против воли своих родных.

В Поневеже в мастерской, куда я поступил, работало человек 15—17. Рабочий день продолжался 15—18 часов. Темнота среди рабочих и работниц была невообразимая, заработная плата — ничтожна, но рабочие и работницы переносили всё это безропотно. Моё положение было ещё хуже: я не имел своего угла и спал в мастерской на столе. После длинного и трудного рабочего дня негде было отдохнуть, так как хозяин мастерской начинал кроить на том самом столе, где я должен был спать. Подобной эксплуатации я в последующие годы уже не испытывал. Уезжая из родного города, я мечтал не о такой работе и не о таких рабочих. Я искал организацию, кружковые чтения, собрания, но найти их не мог, да к тому же сильно тосковал по родному городу. Всё это вынудило меня по получении приглашения от родных вернуться обратно домой.

Но моё пребывание в родном городе оказалось недолгим. В конце 1897 г. я уже был в Ковно. Работал там в мастерской, где получал 3 рубля в неделю, и жил у одного из братьев.

Мои братья были по профессии столярами, поэтому и я вращался среди столяров гораздо больше, чем среди товарищей по своей тогдашней профессии. Столяры молчаливо приняли меня в свою среду, а товарищи по работе считали меня ещё слишком юным, чтобы признать меня равным себе. Да и я лично, пока был слушателем, наблюдателем, предпочитал иметь дело со столярами, ибо это были солидные, взрослые рабочие.

У моего брата очень часто собирались товарищи для совместного чтения. Кто-то читал и объяснял им прочитанное. Часто читки затягивались за полночь. Иногда приходившие к брату товарищи громко, резко и сердито спорили между собой. Позже я сообразил, что собрания, на которых происходила читка, представляли собой не то кружок самообразования, не то собрания политического кружка, другие же были просто организационными собраниями профсоюза столяров. Сколько ни напрягаю память, не могу припомнить, чтобы на всех этих собраниях бывали рабочие других профессий.

Вначале во время читок, собраний, дискуссий и пр. меня выгоняли из комнаты, но потом я вошёл как «полноправный», хотя и молчаливый, член всех этих собраний, читок.

Вскоре после моего приезда в Ковно начались обыски и аресты. Активные члены кружка самообразования и нелегального профсоюза столяров, собиравшиеся у моего брата, стали давать мне конспиративные и ответственные поручения: отвозить литературу из Ковно в Вильно, передавать пакеты с литературой и со шрифтом товарищам в разных частях города и т. д.

На совещаниях и заседаниях профсоюзного центра столяров, на которых я иногда присутствовал, определялась недельная или дневная заработная плата для разных категорий рабочих-столяров, ниже которой никто не должен был брать за работу. Для столяров существовала биржа труда на улице (дело было летом), куда приходили подрядчики и хозяева нанимать рабочих. Кажется, в то лето столяры крупных стачек не проводили, но рабочие других профессий бастовали (рабочие гильзовых фабрик, портные и т. д.).

На общих собраниях столяров я не бывал. Не знаю, созывались ли они вообще. Рабочие всех профессий собирались на общей бирже (биржа сначала помещалась на Алексотском мосту, а потом была переведена к дому губернатора), а в плохую погоду в чайной общества трезвости. Собрания эти не носили того характера, к которому мы теперь привыкли: не было ни председателя, ни секретаря, ни порядка дня, был просто беспорядочный обмен мнений по разным вопросам.

Активные товарищи из союза столяров нередко устраивали вечеринки. На них произносились краткие речи, и

каждый по очереди должен был произнести тост вроде: «Долой капитализм!», «Да здравствует социализм!» и т. п. Особенно запомнились мне двое рабочих-столяров: один молодой, лет 20—21, другой уже старик. Первый был очень энергичен, быстро схватывал суть вопроса, к тому же говорил хорошо и красиво. Его любили и уважали рабочие. Имя его было Зундель. Когда он отправился в воинское присутствие на призыв, многие товарищи с нетерпением ждали целый день около присутствия, чтобы узнать, приняли ли его в солдаты (в 1905 г. я его встретил в Берлине; он был сторонником большинства в РСДРП и собирался в Россию по поручению редакции «Вперёд»). Второй приехал не то из Англии, не то из Америки, где он был служащим в партийном клубе или библиотеке. Он много рассказывал о заграничных собраниях и, будучи очень начитанным, часто говорил о книгах. Его слушали со вниманием и уважением. К сожалению, я забыл его имя.

Солидарность среди рабочих разных профессий была очень велика. Во время стачек рабочих других профессий столяры не только помогали деньгами и советом, но и агитировали среди бастующих рабочих и работниц, задерживали штрейкбрехеров около мастерских и фабрик, не допуская их туда. Во время всеобщей стачки щетинщиков Кибарты, Вильковишек, Сувалок и других городов пограничной с Германией полосы фабриканты пытались оказывать давление на забастовщиков, местных жителей этих городов, через их родных. Профсоюз щетинщиков направил тогда забастовщиков в Ковно, и передовые ковенские рабочие очень охотно принимали в свои убогие жилища бастовавших щетинщиков.

Очень часто происходили при этом между штрейкбрехерами и пикетами стачечников столкновения, результатом которых бывали аресты среди последних. Должен отметить, что к арестованным отношение рабочих было великолепное, можно даже сказать, что к ним относились с благоговением. Помню, как вскоре после моего приезда в Вильно, в 1899 г., мы, рабочие мастерских, узнали, что одного сапожника, по имени Мендель Гарб, и других товарищей высылают в Сибирь. Рабочие бросили работу, побежали на железнодорожный путь и, когда показался арестантский вагон, встретили его криками приветствия в честь высылаемых и проклятиями царскому режиму.

Насколько я могу теперь судить, эта демонстрация произошла совсем стихийно. Это был не единственный случай. Ещё раньше, во время еврейских осенних праздников, когда Вилькомир был полон приезжими рабочими из крупных городов черты оседлости, стало известно, что этапным порядком должен прибыть из Ковно сидевший там в тюрьме рабочий-портной. Громадная толпа рабочих поджидала его много часов. Когда же он, наконец, очутился на свободе, рабочие таскали его к себе из квартиры в квартиру: каждый хотел чем-нибудь выразить своё тёплое отношение к нему.

Так как арестованных избивали в участках, то было опасение, как бы они на допросах невольно и бессознательно не назвали своих товарищей. Поэтому активные и сознательные товарищи вели энергичную агитацию по вопросу о том, как нужно держать себя на допросах и при аресте (позже была издана даже специальная книжка об этом) [1]. Тех, кто плохо держался на допросах, изгоняли из рабочей среды и сторонились, как зачумлённых. С теми же, кто сознательно выдавал, расправлялись немилосердно. (Помню случай, когда в Вильно на бирже распространился слух, что приехал предатель из Риги. Его тотчас разыскали, заманили в глухой переулок около биржи и там избили до смерти.) Так как на квартире у брата, где я жил, обыски бывали по всякому поводу, то науку о том, как держать себя во время ареста, я усвоил основательно ещё до своего первого ареста.

В середине 1898 г. я стал против воли старшего брата (который хотел, чтобы я учился, прежде чем войти в революционное движение) полноправным и активным членом и участником кружков, массовок, биржи и нелегального профсоюза портных. Это и был момент моего фактического вхождения в социал-демократическую организацию.

В Ковно рабочие, с которыми мне приходилось тогда встречаться, работали главным образом в мелких и средних мастерских. Организованы они были в нелегальные профсоюзы по профессиям. Главная борьба шла за сокращение рабочего дня до 12 часов и повышение заработной

---

[1] В 1900 г. Заграничным союзом русских социал-демократов была издана брошюра Бахарева (В. Акимова-Махновца) «Как держать себя на допросах».

платы. Методы работы — групповая и одиночная агитация за эти требования, стачки. К штрейкбрехерам кроме воздействия словом применялось и насилие, а у хозяев, у которых нельзя было устроить забастовки из-за несознательности работающих, били стёкла. Это очень помогало. К таким же методам прибегал и союз, членом которого я состоял. На собраниях рабочих и работниц читались книжки: Дикштейна «Кто чем живёт?» и Лафарга «Право на лень». Первая усваивалась очень легко, вторая оказалась более трудной.

Был какой-то центр, который занимался доставкой литературы из-за границы, из Питера и других городов России, организацией политкружков, чтением и обучением грамоте и общим образованием тех рабочих, с которыми центр (или центры) был связан.

Центром иногда устраивались массовки, маёвки и просто праздники в ближайших, прилегающих к городу лесах, которых тогда было в изобилии около Ковно. Там собиралось порядочно народу. На таких собраниях произносили речи, тосты, а иногда что-либо читали. Вспомнить содержание этих речей я не могу. На эти собрания участники приходили поодиночке. Проходя мимо патрулей, приходилось называть условные пароли, после чего патрули указывали место собрания. Зато обратно из лесу выходили все вместе и до города шли, обыкновенно распевая революционные песни, с красными флагами. Около города опять расходились поодиночке. Через рабочих, участников кружков самообразования и политкружков, центр (или центры) влиял на нелегальные профессиональные союзы.

Как активного члена профсоюза, как «нигилиста» и «стачечника», меня не брал в конце 1898 г. на работу ни один дамский портной, поэтому я был вынужден поехать в Вильно. Связи к виленским товарищам мне дали, и по приезде я сейчас же нашёл работу и стал зарабатывать 5 рублей в неделю; вступил сразу в нелегальный профсоюз дамских портных и вскоре сделался секретарём и кассиром его, но работы в мастерской не оставил.

Профессиональные союзы существовали тогда уже во всех профессиях: среди металлистов, столяров, маляров, мужских портных, дамских портных, белошвеек, модисток и т. д. В то время союзы в Вильно ещё не были между собою организационно связаны. Но изредка представители профсоюзов созывались, очевидно центром Бунда, для ре-

шения вопросов о демонстрации 1 Мая, о каком-нибудь другом революционном празднике и т. д. В этом, пожалуй, и не было необходимости, ибо каждый день все маломальски активные элементы союзов встречались на Завальной улице, на бирже, которая существовала очень долго, несмотря на то, что полиция пыталась несколько раз разогнать её. Сейчас же после работы рабочие и работницы со всех улиц устремлялись на Завальную и там, гуляя, устраивали все свои дела. Биржа играла в то время большую роль, о чём свидетельствует, например, такой случай. В июне 1900 г. в одной из слободок Вильно — Новом Городе, недалеко от биржи, по доносу были арестованы три товарища — две женщины и мужчина (Э. Райцуг, Р. Зак и С. Лейфер) с прокламациями. Об этом узнала биржа. Без какого бы то ни было призыва рабочие устремились к полицейскому участку. К рабочим биржи присоединились рабочие слободки. Вся эта масса потребовала освобождения арестованных, в чём ей было отказано. Тогда были перерезаны телефонные провода, произошло форменное сражение, участок был разгромлен. При взятии участка несколько рабочих было ранено. Арестованные сидели в верхнем этаже. Ворвавшиеся в нижний этаж рабочие должны были подняться вверх по лестнице, но наверху стояли полицейские и рубили направо и налево шашками. Тогда нападающие рабочие взобрались на крышу, оттуда — на чердак и стали бросать камнями в полицейских. Последние были вынуждены оставить площадку, толпа снизу ворвалась на верхний этаж и освободила арестованных. Рабочие захватили раненых с собой. Наутро все дороги из слободки в город были оцеплены, там хватали всех, на кого указывали полицейские и шпики. Несмотря на то что жертв было много больше, чем освобождённых, я не помню, чтобы кто-либо из рабочих — участников нападения высказывал в мастерских или на бирже сожаление о случившемся. Этот эпизод характерен для тогдашних настроений рабочих.

Недели две спустя мне предложили сопровождать сначала одну, потом другую из освобождённых работниц до границы, на что я, конечно, тотчас же согласился.

Мы благополучно выехали из Вильно и прибыли на место. Я тогда гордился тем, что на меня возложили такое ответственное поручение.

чения 1 Мая и рассказать, почему нужно демонстрировать на улице (до сих пор 1 Мая праздновалось в лесу или на квартирах). Это было нелегко, ибо вся работа тогда заключалась в экономической борьбе с хозяевами, на стороне которых стояла полиция. Об этом только и знали члены тогдашних союзов. Насколько помнится, я тогда на собрании мотивировал необходимость демонстрировать на улице тем, что стачки за последние два года нам, рабочим, ничего не дали и что нужно показать высшему чину правительства в городе — губернатору, что рабочие недовольны своим положением и что они протестуют. Собрание единодушно решило принять участие в демонстрации. Тут же были назначены десятники. Каждый из них должен был явиться 1 Мая (18 апреля) [1] вечером, после работы, в один из переулков, прилегающих к Большой улице (главной улице Вильно), на которой была назначена демонстрация, вместе с девятью демонстрантами.

В назначенный срок я явился с девятью товарищами. К моменту выхода на Большую улицу все были в сборе. Главная улица сразу наполнилась рабочими и работницами, которые смешались с гуляющей буржуазной публикой. Конные казаки и полиция учуяли, что на улице присутствует в большом количестве необычная публика, и насторожились. Вдруг был выкинут красный флаг. В разных местах неуверенно запели. Началась суматоха. Магазины спешно закрылись, а гуляющая публика шарахнулась в сторону. Казаки и полиция бросились на демонстрантов, и нагайки хлестали направо и налево. Это было, пожалуй, первое боевое крещение для виленских рабочих.

В следующем, 1900 г. майская демонстрация приходилась на праздничный день. Год от одной демонстрации до другой не прошёл даром. Уже не ставился вопрос о том, где проводить 1 Мая — в лесу, на квартирах или на улице. По всем союзам было объявлено, что будет демонстрация, и каждому союзу были указаны сборный пункт и час. Сборный пункт был назначен в саду, в конце Большой улицы. На демонстрацию явилось немало народу и без тех мер, которые предпринимались год назад.

Когда демонстранты вышли из сада, налетели казаки и стали их избивать. В результате оказалось много избитых и арестованных.

---

[1] В Варшаве, Ковно, Вильно и других городах Западного края 1 Мая праздновалось 18 апреля (по старому стилю).

Для более сознательных и активных рабочих в Вильно, так же как и в Ковно, существовали в профессиональных союзах политические кружки, руководили ими интеллигенты. Так, в союзе дамских портных было два кружка. Один кружок занимался политической экономией, а другой — вопросами об иностранных рабочих партиях, о колониальной политике великих держав и пр.

Кружки посещались аккуратно, и слушатели действительно получали в них первоначальные политические знания. Я тоже был слушателем этих кружков. Спустя некоторое время после того, как я начал посещать кружки, мне пришлось наблюдать картину отправки войск из Вильно в Китай, кажется, для подавления боксёрского восстания. Солдат с плачем провожали жёны, матери, старики и дети. Наблюдая эти картины, я тогда уже благодаря занятиям в кружках ясно понимал, что солдаты посылаются на убой не в интересах народов России и Китая. Кружки тогда существовали почти во всех профессиональных союзах.

Для чтения у меня оставалось очень мало времени, я мог читать только по ночам. Хорошие книги достать было очень трудно: заработок мой был слишком скуден, чтобы покупать книги, а библиотеки или ещё не были организованы, или мы не знали об их существовании. Когда мне попадались хорошие легальные или нелегальные книги, я их прочитывал залпом. Огромное впечатление произвели на меня «Андрей Кожухов» Степняка-Кравчинского и одна книжка (названия я не помню) о Парижской Коммуне. С нетерпением я дожидался следующей ночи, чтобы продолжать чтение.

Однажды в апреле 1899 г. на бирже мне сказали, что меня ждут на одной квартире на окраине города. Я немедленно направился туда. Там происходило собрание представителей союзов с участием одного товарища — интеллигента. Обсуждался вопрос о праздновании 1 Мая. Вопрос ставился так: собраться ли в день 1 Мая на квартирах, в лесу или на улице? После долгих прений решено было организовать демонстрацию на главной улице. Каждый союз должен был собрать перед 1 Мая всех своих членов и поставить перед ними вопрос о демонстрации. На каждом из этих собраний должен был присутствовать «интеллигент». Мною было созвано большое собрание членов союза. Мы долго ждали интеллигента-оратора, но он не явился. Пришлось мне выступить с объяснением зна-

Если бы меня тогда спросили, к какой социал-демократической организации я принадлежу, я бы не мог ответить с такой точностью, как каждый ответил бы на этот вопрос теперь.

Работа в профсоюзах заключалась тогда главным образом во втягивании в нелегальный союз всё большего числа рабочих и работниц данной профессии, в борьбе за сокращение рабочего дня и за повышение зарплаты. Какие-то организации присылали руководителей кружков из членов союза. Несомненно, что перед демонстрациями представители союзов созывались тоже какой-то организацией, но, насколько я могу припомнить, нас этот вопрос тогда не интересовал.

У меня на квартире была свёрнутая типография «Рабочего знамени» (эту типографию у меня взял Моисей Владимирович Лурье, который был одним из организаторов группы «Рабочего знамени», издававшей нелегальную газету того же названия). В то же самое время я ездил в Ковно за литературой и привозил её в Вильно для организации Бунда благодаря личным связям, которые у меня сохранились ещё из ковенских кружков.

Наконец, летом 1901 г., когда я уже крепко был связан с организацией «Искры», в один из моих приездов в Ковно по делам «Искры» местные бундовцы предложили мне принять участие в организации и ведении стачки рабочих по сплаву леса в Германию по реке Неману. Я, конечно, согласился.

В этой стачке принимали участие рабочие, по возрасту солидные, но очень несознательные. Их впервые организовал мой старший брат. Держались они очень дружно, бастовали несколько недель. Не могу не отметить симпатий остальных рабочих Ковно к бастующим. Мы знали, что забастовка будет выиграна, ибо хозяева не захотят упустить сезон, но необходимо было оказать бастующим материальную помощь, а денег, конечно, не было. Тогда мы на бирже предложили рабочим дать нам часы, кольца и другие вещи для заклада в ломбард, чтобы вырученные деньги пошли бастующим. Рабочие откликнулись, и забастовка была выиграна, после чего участники её возвратили деньги. Среди забастовщиков были произведены аресты, но толпа ворвалась в участок слободки и всех освободила.

В кружках мы, слушатели, воспитывались в духе социал-демократического интернационализма. Поэтому ду-

маю, что в союзе дамских портных, секретарём которого я был, велась работа центром Виленской организации РСДРП. Нам рассказывали о заграничных социалистических партиях. У меня было тогда такое представление, что русским рабочим будет очень трудно добыть себе такие свободы, которые уже имеются у заграничных рабочих, что последние придут нам на помощь и вместе с ними нам удастся ввести такой строй, при котором можно было бы читать, что хочешь, не боясь арестов за хранение революционной литературы, при котором полиция не вмешивалась бы в стачки и не избивала бы в участках. Получилось совсем наоборот: спустя 18—20 лет ни в одной капиталистической стране рабочий класс не добился того немногого, о чём я тогда мечтал, зато рабочий класс России покончил с капиталистическим строем в своей стране и завершает построение бесклассового социалистического общества.

Я не помню, чтобы в тот период где-либо в кружках заговаривали о Бунде или ППС, которые появились на сцене. Помню только, что нередко появлялись прокламации, которые я, как и другие активные рабочие из союзов, распространял по заранее намеченному плану. Группа товарищей являлась в определённое место, и там каждый получал пачку прокламаций для распространения на одной или нескольких улицах. Выполнив поручение, он должен был явиться в условленное место и заявить об исполненной им работе. Таким образом, центр знал всегда, где случалось что-либо и где удалось распространить литературу.

Кто издавал прокламации, за подписью какой организации они были, меня тогда не интерсовало. Я знал, что это нужно для пролетариата, для дела, значит, можно идти на риск, на арест, на избиение — на всё.

1900 г. прошёл уже в дискуссии между представителями Бунда, РСДРП и ППС. Бунд и кружки РСДРП завладели нелегальными профсоюзами еврейских рабочих (а может быть, они и организовали их). ППС стала конкурировать с Бундом и кружками РСДРП. Расчёты на профсоюзы провалились, ибо за несколько лет профсоюзы ничего не добились от хозяев. Во время сезона хозяева шли на уступки рабочим, но, как только наступал так называемый мёртвый сезон, т. е. время года, когда количество заказов уменьшалось, хозяева отбирали всё обратно.

Ещё до первого моего ареста (март 1902 г.) я понял, что не только сезонная работа у ремесленников заставляла профсоюзы топтаться на одном месте. Причины были глубже. Тогда в Вильно, да и в других городах Западного края, не существовало ни одного союза, куда бы входили все рабочие какой-нибудь профессии без различия национальностей. Это, конечно, мешало бороться с хозяевами. Чуть ли не все политические партии имели свои союзы — литовские социал-демократы, польские социал-демократы и др. Даже майские демонстрации устраивались обособленно различными организациями и в разные дни. Виноваты в этом были бундовские организации. В момент возникновения Бунда очень легко было работать одновременно среди всех рабочих Западного края.

В 1903 г. я встретил в Берлине руководителя одного виленского кружка, слушателем которого я был. Он за границей примкнул к Бунду. Я спросил его, почему Бунд обособляется от рабочих других национальностей, ведь еврейские рабочие этого не хотят. На это он мне ответил: ««Искра» не спрашивает, чего хотят рабочие, а проводит линию, которую она, «Искра», считает правильной и нужной для рабочих. То же делает и Бунд».

ППС выступила со своей программой политической борьбы против царской России, за отделение Польши от России и пр. Нам, нескольким лицам, это очень импонировало, но мы уже получили интернациональное социал-демократическое воспитание в кружках, поэтому ППС уже не могла нас привлечь.

В это время появился в Вильно слесарь Файвчик (его фамилия, как и фамилии многих других товарищей, нам не была известна и осталась неизвестной). Он приехал из Парижа, где был членом группы «Освобождение труда». Я стал горячим сторонником этой группы, после того как т. Файвчик изложил мне её программу. В начале 1900 г. Файвчик познакомил меня с братом Мартова — Сергеем Цедербаумом (Ежовым). Последний был уполномоченным от группы товарищей, которые подготовляли издание газеты «Искра». Я стал искровцем.

Не оставляя мастерской, воспользовавшись связями от прежних кружков и связями с членами Бунда, я вначале помогал налаживать для «Искры» транспорт литературы из-за границы в Россию и отправку людей за границу (транспорт литературы и связи с Россией для газеты

«Искра», которая выходила за границей, были в то время насущной задачей).

Спустя некоторое время, когда Ежову начали давать из-за границы сведения, куда направлялся транспорт литературы и где его нужно получить, Ежов стал меня посылать за литературой на границу. Это на продолжительное время отрывало меня от работы в мастерской, а так как такие отрывы почти всегда совпадали с сезонной работой, то после сезона мне отказывали в работе. Приходилось бедствовать и даже голодать.

После переезда из Ковно в Вильно я заключил с одним хозяином договор на целый год на условиях оплаты по 5 рублей в неделю. Перед рождеством хозяин уволил одного рабочего. Тогда мы все забастовали — в самое горячее для хозяина время. Забастовку мы выиграли; когда же начался мёртвый сезон, он быстро нашёл случай, чтобы разделаться со мной, как с «руководителем» забастовки. В это лето (1900 г.) меня несколько раз посылали в Ковно с освобождёнными из участка товарищами и позже на границу с товарищами, которые ехали по делам «Искры». Воспользовавшись моими частыми отъездами, хозяин уволил меня в такое время, когда невозможно было найти работу. Без работы я пробыл до зимы. Мне пришлось отказаться и от обедов и от квартиры (или, лучше сказать, мне отказали и в квартире и в обедах). Зато работы в союзе было по горло. Как секретарю союза мне приходилось читать и объяснять устав союза вновь вступавшим членам, бороться против ухудшения условий труда в мастерских.

Но тут произошёл случай, ещё более ухудшивший моё положение. Одним бундовцам или вместе с другими социал-демократическими организациями однажды вздумалось праздновать не то день рождения Гутенберга, не то годовщину изобретения им печатного станка (политические организации в Западном крае очень часто прибегали к подобным методам работы, которые давали хорошие результаты, ибо праздники сплачивали собравшихся). Представители нескольких союзов, в том числе и я, отправились по Либаво-Роменской железной дороге в дачный район, близ того места, где устраивался праздник. В одной из дач мы остались ночевать с расчётом быть в лесу рано утром, чтобы там всё подготовить к празднику. С нами была одна женщина. Мы уступили ей комнату

внутри дачи, а сами разделись в передней и пошли спать на террасу. Все мы проснулись очень рано, но, увы, не могли двинуться с места. Воры забрали все наши вещи — от ботинок до шляп. Положение было скверное, не в чем было даже пойти на соседние дачи за помощью. Как на зло, никто не приходил на дачу, ибо все остальные товарищи были заняты приготовлениями к празднику. В таком положении мы пробыли до середины дня, когда, наконец, к нам заглянула знакомая работница, которая, узнав, в чём дело, пошла по дачам собирать для нас одежду. Мне достался такой костюм, в котором днём ходить по улицам было невозможно: сюртук (ещё сносный) и рабочие брюки маляра, ботинки были — один мужской, а другой женский. Костюмы остальных оказались не лучше. У меня кроме костюма украли паспорт и взятые с большим трудом в долг 50 копеек. Заявлять о пропаже мы не могли, ибо почти у всех были с собой прокламации, нелегальные книжки и другие запрещённые вещи. Для меня вся эта история была тяжёлым ударом и сильно ухудшила моё и без того трудное материальное положение. Я влез в долги, от которых освободился только к концу зимы.

Но бедствия и лишения не могли заставить меня бросить партийную и революционную деятельность. Осенью получил, наконец, работу.

В марте 1901 г. Ежов направил меня за границу сопровождать т. Коппа и заодно нащупать почву насчёт получения литературы «Искры». Когда я был уже в Вильковишках (около границы), ко мне обратились товарищи бундовцы, лично мне знакомые, с просьбой помочь им отвезти большой транспорт литературы в Вильно или Двинск. Я согласился — не ехать же обратно пустым. Но этот транспорт где-то сильно задержался, и мы, несколько человек, вынуждены были ждать две-три недели в маленьком городке Мариамполе. Наконец, всё было готово, и мы поехали по направлению к Вильно по железной дороге. На станции Пильвишки к нам в вагон должны были внести литературу. На платформе мы видели чемоданы и товарища, который должен был организовать подачу их. Но поезд тронулся, а чемоданы остались. Позже мы узнали, что транспорт провалили: жандармы только и ждали, чтобы кто-нибудь дотронулся до чемоданов.

По возвращении в Вильно я опять потерял работу, и снова начались мытарства.

Мне удалось кроме отправки за границу товарищей получить из-за границы два транспорта с искровской литературой, из которых один был в 3 пуда, а другой — в 10 пудов.

Не лишне указать на затруднения, с какими получалась в то время литература. В августе или сентябре 1901 г. я получил первый транспорт искровской литературы в 3 пуда в местечке Кибарты, на самой границе с Германией. Там у меня были товарищи по профсоюзу щетинщиков, которые перенесли литературу из Германии. Эту границу я сам организовал для получения «Искры». Из Кибарт литературу я не мог везти по железной дороге: на станциях около границы вещи тщательно осматривались, поэтому приходилось пользоваться наёмными каретами, которые курсировали между Кибартами, Мариамполем и Ковно. Возницы, чуя, что мы везём «контрабанду», через каждые несколько вёрст останавливались и повышали плату за проезд. Наконец, мы добрались до Ковно. На мосту перед въездом в Ковно стояли таможенные чиновники. Литературу везли мы вдвоём, причём условились заранее, что в случае задержки литературы я скажу, что это моя литература, а спутник мой должен держаться так, как будто он меня совсем не знает. На мосту нас остановили. Карета уехала, мой товарищ также, и я остался один. При вскрытии корзины там обнаружили «Искру» (до 7-го номера) и разные брошюры, в том числе и «Классовую борьбу во Франции» Карла Маркса. Что это за «контрабанда», чиновник не понимал, так как до тех пор ему приходилось иметь дело только с мануфактурой, чаем и т. д., поэтому он не знал, что ему с таким «товаром» делать, но всё же меня не отпускал. Он пытался прочитать заглавия газет и книг, зажигая спички (я был задержан ночью), но ветер, который дул с Немана, не давал ему возможности читать. В конце концов эта процедура мне надоела, я сунул чиновнику свои последние деньги (золотую пятёрку) и потребовал, чтобы он меня немедленно отпустил, иначе ему придётся отвечать за причиняемый мне убыток, так как газеты должны утром поступить в Ковно для продажи их в киосках. Чиновник в первый раз видел эти газеты и хотел продержать меня до утра, когда он смог бы прочесть их, но я предложил ему скорее помочь мне взвалить на плечи корзину, что он и сделал, предварительно потребовав у меня номер газеты и брошюру. Брошюру я ему дал, газету

же дать отказался (нельзя было допустить, чтобы стало известно, каким путём поступает «Искра»). Груз был тяжёл, извозчика поблизости не было, да и денег у меня не было: всё, что было, я отдал вознице и чиновнику. Я свалился. С трудом мне удалось, перекатывая корзину с боку на бок, добраться до набережной, где за 15 копеек (я их случайно нашёл в кармане) я нанял извозчика и таким образом добрался до нужного дома. У ворот этого дома я встретил своего товарища, с которым расстался на мосту. Мы оба были настолько возбуждены случившимся, что не могли уснуть. Вдруг раздался стук в дверь. Мы оба замерли. Неужели выследили? Но этого не могло случиться, так как я не поехал прямо на квартиру, а отправился предварительно в маленькую гостиницу, но там не мог достучаться и, лишь убедившись, что кругом никого нет, решился поехать на условленную квартиру. Пока стучали, я пережил несколько мучительных минут, так как если бы меня выследили, то кроме меня и моего товарища арестовали бы и хозяев квартиры, которые даже не знали, что я привёз литературу: мы заехали к ним просто, как к хорошим знакомым моих родных. К счастью для всех нас, стучали подёнщицы, которые пришли убирать квартиру перед праздником.

Оставаться в городе я боялся: а вдруг чиновник покажет «товар», который он пропустил,— «Классовую борьбу во Франции» К. Маркса — своему начальству? Между тем у меня не оставалось ни копейки, чтобы двинуться дальше — из Ковно в Вилькомир. Меня вывела из затруднительного положения конкуренция между владельцами карет, которые возили пассажиров между вышеназванными городами. Я потребовал от них залог в том, что они нам оставят хорошие места. Получив залог, мы смогли ещё сделать кое-какие закупки. Таким образом мы благополучно добрались сперва до Вилькомира, а оттуда в Вильно, откуда литература была разослана по всей России.

Вернувшись в Вильно, я опять поступил на работу. Ежов познакомил меня со многими из интеллигентов, сплотившихся вокруг представителя «Искры». Тогда же я познакомился с А. А. Сольцем, у которого бывал несколько раз на квартире.

Недолго я работал в мастерской. Нужно было поехать с Ежовым в Ковно и там приготовить квартиру для при-

ёма большого транспорта. Ежов также поселился в Ковно. Вскоре явились крестьяне с извещением, что у них есть для нас литература, и я поехал с крестьянами за нею. Это было в декабре 1901 г.

Была сильная вьюга. Нам пришлось по дороге остановиться на ночёвку у крестьян. Мы ехали несколько дней, но куда, я и сам не знал, так как местность была незнакомая, а крестьяне молчали. Только очутившись возле границы, я увидел, что мы находимся приблизительно возле немецко-русской границы, в Юрбурге. Приехали ночью, остановились в большой грязной избе, уставленной скамьями вдоль стен. Здесь же находился и скот, а все люди спали на печи. Спать я не мог: мне было страшно, и я чутко прислушивался ко всему, что творилось вокруг.

К утру мы уже тронулись с литературой в обратный путь. Без инцидентов (если не считать остановок у каждой монопольки, где возницы за мой счёт пили водку, сколько могли) мы добрались до Ковно.

Литература была благополучно доставлена на приготовленную квартиру. Это было в пятницу утром. Мне нужно было расплатиться с крестьянами, но так как денег у меня не было, то я побежал в гостиницу, где меня должен был ожидать Ежов (в то время он назывался Ступиным). На окне его комнаты имелся условный знак, и я смело вошёл в гостиницу—маленький дрянненький домик. Около дверей меня остановил прислуживавший в гостинице криком: «Зачем вы сюда пришли? Сейчас же уходите, ведь здесь ждут». Оказалось, что Ежов арестован и в его комнате устроена полицией засада. Я вышел из гостиницы незамеченным, но оказался без денег и без связей.

За этой литературой из Вильно должны были приехать «военные»[1]. Это меня сильно беспокоило: я боялся, что они явятся в гостиницу, где была засада, предупредить же их не было возможности. Раздобыв взаймы денег, я расплатился с крестьянами. Я не знал размера провала, поэтому взял двух земляков — литейщика Соломона Рогута и щетинщика Саула Каценеленбогена, с которыми раньше часто встречался на бирже, в чайной общества трезвости в Ковно и в励илькомире на праздниках, и

[1] В Вильно тогда существовала военная искровская организация, во главе которой стоял военный врач т. Гусаров. Товарищи из этой организации и развозили нелегальную литературу по России.

послал с ними литературу в тот же день в село Яново, с тем чтобы оттуда её отправили на квартиру моих родных в Вилькомир; я же должен был остаться для восстановления связей, потерянных из-за ареста Ежова. До Янова мои земляки добрались благополучно. Но в тот час, когда они в воскресенье прибыли в Вилькомир, исправник со всей местной знатью выходили из церкви. К дуге упряжки лошади, которая везла моих товарищей, был привязан большой колокольчик, привлёкший внимание исправника, и он велел задержать извозчика, так как согласно изданному исправником приказу с колокольчиками могли ездить только пожарные и сам исправник.

Один из ехавших товарищей — Каценеленбоген взял с собой пакет и ушёл, а Соломон Рогут пошёл вместе с возницей в полицейский участок, где пакеты были вскрыты. Вся полиция была поднята на ноги, ища второго, ушедшего товарища. Соломона Рогута били до потери сознания, голым таскали из участка на допрос, требуя от него выдачи товарищей и указания, где он взял литературу. Потом его отправили в Ковно.

Когда я узнал об аресте Соломона Рогута и об издевательствах жандармов над ним, я был потрясён. Я считал себя виновником ареста товарища, который не был искровцем и не входил в нашу организацию.

Возницу арестовали и отправили в Петербург, где уже сидели Ежов и, кажется, Сольц. Как я после узнал, возницу держали около года. От него жандармы хотели узнать маршрут, по которому возили «Искру», и всех лиц, причастных к делу транспорта, но он, если бы даже хотел, не мог удовлетворить их требований, ибо он действительно не был причастен к этому делу. А Соломона Рогута отправили в ковенскую тюрьму, и через месяц мы узнали, что он повесился. Не удалось установить, покончил ли он сам с собой или был избит до смерти. В 1908 г. я сидел в той же тюрьме, и надзиратель показывал мне его камеру. Надзиратели мне рассказывали, что после допросов в жандармском управлении его привозили в таком состоянии, в котором он мог повеситься, чтобы избавиться от тех мук, каким его подвергали. Смерть этого товарища, виновником которой я себя считал, произвела на меня удручающее впечатление. Тогда я принял твёрдое решение, что моя жизнь отныне принадлежит только революции.

ПЕРВЫЙ АРЕСТ. В КИЕВСКОЙ ТЮРЬМЕ. ПОБЕГ
1902 г.

Узнав о смерти т. Рогута в тюрьме, я бросил работу на предприятии и поехал в Вилькомир за оставшимся пакетом с литературой и для выяснения обстоятельств ареста. Там при содействии местной организации Бунда мы выпустили прокламацию к населению об аресте и убийстве товарища, ибо среди населения распространялись разные слухи о причинах его ареста, не соответствовавшие действительности. Несмотря на то что в Вилькомире были поднадзорные политические — рабочие и интеллигенты, первый политический арест в самом городе Соломона Рогута, бешенство и дикость жандармов и полиции (его зимой вели по улице голым) произвели на жителей ошеломляющее впечатление. Объяснить причины ареста было возможно лишь выпуском листка, но, несмотря на то что в Вилькомире существовала бундовская организация, листовка по поводу ареста до моего приезда не была выпущена. Да и мне лишь с большим трудом удалось выпустить листовку. В Вилькомире нельзя было достать ни химических составов для гектографа, ни нужных чернил. Пришлось вызвать товарища (пепеэсовку Блюму) из Ковно со всеми принадлежностями для размножения листовки. Текст листовки был составлен коллективно несколькими товарищами и вышел очень удачным. Листовка объясняла сущность самодержавия, причины бесправия народа, нищеты крестьян и горькой доли рабочих. Были подробно описаны причины ареста т. Рогута, зверство полиции и т. д. Листовка была разбросана по квартирам и наклеена у входа во всех синагогах в пятницу ночью.

Любо было смотреть, как должностные лица синагог разгоняли читающую публику и соскабливали листовки. Листовка произвела в городе фурор. Несколько дней только о ней и говорили.

Через несколько дней мне стало известно, что полиция и местные жандармы расспрашивают жителей, в городе ли я и где я живу. Вследствие этого мне пришлось оставить городок и поехать обратно в Вильно. Там я заметил за собой слежку. Это обстоятельство вынудило меня потребовать от товарищей, с которыми меня познакомил Сергей Цедербаум (Ежов) перед своим арестом, чтобы мне прислали поскорее заместителя, дабы я мог переменить место работы. В первых числах марта 1902 г., наконец, явился мой заместитель под кличкой Маркс — Василий Петрович Арцыбушев (фамилию его я узнал уже после революции 1917 г.).

В начале марта 1902 г. я и Маркс отправились на вокзал, чтобы ехать в Ковно, откуда мы должны были попасть на самую границу для личной передачи Марксу всех имевшихся тогда у меня связей. Мы сели в один вагон, но на разные скамейки. Перед третьим звонком в вагон вошёл шпик, который, как я давно уже заметил, следил за мной. За несколько часов до отхода поезда я его встретил в городе, но отделался от него. Знал ли он, что я еду в тот день, или случайно очутился на вокзале, где он меня увидел, осталось для меня неясным. Вслед за шпиком в вагон вошёл жандарм. Последний прямо направился ко мне и спросил паспорт и билет. Я ему подал и то и другое. Тогда он спросил: «Где ваши вещи?» На мой ответ, что у меня их нет, он предложил мне следовать за ним. Мы вышли, и поезд ушёл. Меня крайне обрадовало то обстоятельство, что моего спутника — т. Маркса они не заметили. Меня привели к высшему жандармскому чину на вокзале, и начался допрос: «Ваша фамилия?» Я отвечаю: «Хигрин» (у меня была с собой новенькая фальшивка на имя Хигрина; так как меня разыскивали и за мной была установлена слежка, то свой настоящий паспорт я бросил). На это жандарм мне заявил: «Ваша фамилия такая-то» (он назвал мою настоящую фамилию). В таком роде продолжался весь допрос. Он рассказал мне всё, вплоть до местонахождения моих родных. Я же держался фальшивки, выдумывая имена родных. В комнате, куда меня ввели и где происходил допрос, кроме допрашивавшего был ещё

какой-то чин, который предложил отправить меня к становому приставу, который-де заставит меня говорить больше посредством побоев (тогда в Вильно страшно избивали арестованных в участках), на что допрашивающий меня ответил: «Вы ошибаетесь, он (тут он указал на меня) и там ничего не скажет, он принадлежит к искровской организации». Благодаря этой фразе для меня стала ясна связь моего ареста с арестом брата Мартова — Сергея Цедербаума, который сидел в Петропавловской крепости. Я ожидал, что и меня отправят туда же, но ошибся. С вокзала меня отправили в губернское жандармское управление. Так как стало совершенно бесполезным держаться фальшивки, тем более что им была известна моя настоящая фамилия, то я подтвердил в жандармском управлении, что моё имя действительно не Хигрин. Тут меня держали недолго и вскоре отправили в виленскую крепость (эту крепость почему-то называли «номером 14»), где я просидел с неделю. После этого меня отправили в неизвестном мне направлении в сопровождении двух жандармов (несмотря на мои требования, мне не говорили, куда меня везут).

В тюрьму я попал впервые. Режим в крепости был тогда строгий. Прислуживали не то солдаты, не то жандармы, которые входили в комнату несколько раз в день по двое и даже по трое. Как только меня заперли в камере, сейчас же начался стук в стену с обеих сторон, но я не мог отвечать на условный стук, так как не знал тюремной азбуки для перестукивания. Так как я не отвечал, то со двора стали бросать куски хлеба ко мне в окно. Я стал думать, как бы подняться, чтобы посмотреть в окно (окно было очень высоко, у самого потолка). Тут-то я заметил надписи на всех языках о том, как нужно поступать, чтобы добраться до окна. Я взял не то стул, не то парашу, поставил на стол и очутился у окна. Едва я успел завязать связь с соседями, как в мою камеру вошёл комендант крепости. Он вошёл так быстро и бесшумно, что я не успел спрыгнуть со стола. Только благодаря тому, что меня через несколько дней отправили дальше, я избежал карцера.

Наконец, по приезде к месту назначения я увидел, что нахожусь в Киеве. Мне показалось странным, что меня привезли в Киев, ибо в этом городе я никогда до того времени не был. Вскоре я узнал и причину, но об этом ниже.

Сопровождавшие жандармы сдали меня киевскому жандармскому управлению, которое, продержав меня больше недели в полутёмном, вонючем подвале, отправило в Лукьяновскую тюрьму. Попав в тюремную контору, я услышал громкие крики, пение революционных песен, и в контору влетели комья грязи. Мне и в голову не приходило, что всё это может быть внутри тюрьмы, ибо в виленской крепости и даже в полутёмном подвале Старокиевского участка, где помещалось жандармское управление и где я сидел до того, как попал в контору тюрьмы, было так тихо, что можно было думать, будто там совсем не было обитателей. У меня даже мелькнула мысль: не демонстрация ли это и не освободит ли она меня? Но эту мысль я отбросил сейчас же, так как тюремное начальство было совершенно спокойно и продолжало заниматься своей работой. Загадка скоро раскрылась. После окончания всех формальностей меня передали надзирателю по политической части Сайганову, который пошёл со мной в корпуса тюрьмы. Не успели мы войти в ворота, как толпа студентов подхватила меня и стала расспрашивать, кто я, откуда, где был арестован, за что был взят, и ставить множество других вопросов, которые задаются в таких случаях. Толпа меня поразила, она состояла почти сплошь из студентов. Это они, оказывается, шумели, пели, путешествовали из одного конца двора в другой со знамёнами, лозунгами, гиком и гамом.

В 1902 г. в России были студенческие волнения. В Киеве 2 и 3 марта того же года были массовые студенческие и рабочие демонстрации. Студентов массами арестовывали, и за эти демонстрации некоторые уже получили от губернатора до трёх месяцев административного ареста, а остальные ждали своей участи. Эти студенческие демонстрации в тюрьме продолжались на прогулках почти всё время.

Студенты сидели в третьем этаже уголовного корпуса. Вечером двери коридора запирались, но камеры после проверки открывались до 12 часов ночи. Вольности, существовавшие для студентов и политических заключённых, не могли не отразиться и на уголовных: и для них режим стал немного легче. Новому начальнику тюрьмы, который был назначен в апреле 1902 г., порядки в его вотчине не нравились, и он начал поход против вольностей для уголовных. У них начались обыски, и их стали прижимать.

Студенты и политические заключённые третьего этажа хорошо понимали, что если начальнику удастся сломить сопротивление уголовных, то после этого он сейчас же возьмётся и за студентов. Поэтому мы, сидевшие с уголовными в одном корпусе, принимали участие в обструкции, длившейся несколько дней, и производили такой адский шум и стук, что он привлёк к тюрьме массу народа, несмотря на то, что Лукьяновская тюрьма находится далеко от города. Во время обысков уголовные, находившиеся в верхних этажах тюрьмы, на верёвках спускали к нам всё, что у них было «запрещённого». Это заметили солдаты, которые стояли во дворе. По этой причине начался обыск и в нашем коридоре. Это вызвало такой протест (солдат просто выталкивали из камер, и им так и не удалось обыскать нас) со стороны заключённых и их родственников на воле, что губернатор, кажется Трепов, отменил эти обыски, и начальнику тюрьмы пришлось уступить.

Из сказанного читатели поймут, почему в Лукьяновке было так свободно и что способствовало проведению грандиозно задуманного побега, о котором речь впереди. Отношения с уголовными были хорошие, но это им не мешало пробовать на политических заключённых своё искусство, очевидно, чтобы не забыть его. Так, однажды уголовные, кажется ткацкой мастерской, которая находилась в подвальном этаже и выходила во двор, где гуляли студенты, подозвали, если память мне не изменяет, т. Сильвина и стали у него спрашивать разъяснения по какому-то вопросу, но когда он ушёл от них, то оказалось, что у него пропали карманные часы (главари уголовных часы вскоре нашли, но уже в разобранном и негодном виде).

Меня поместили в уголовном корпусе вместе со студентами, в 5-й камере, где помещались случайно арестованные. Так как у меня никаких вещей при аресте не было, а денег было тоже мало, то мне пришлось туго. Но никто на меня никакого внимания не обращал.

Через несколько дней после прибытия в тюрьму студент Книжник прочёл для немногочисленных рабочих лекцию о российском самодержавии, где случай с моим арестом фигурировал в качестве главного аргумента против самодержавия. Он с пафосом воскликнул: «Вот сидит мальчик (он указал на меня), который ехал искать заработка. Его вытащили из поезда, таскали, таскали по России и, наконец, привезли в Киев, за тридевять земель

от дому, где он никогда не был и где у него никого нет». Я внутренне смеялся над наивностью студента Книжника. Конечно, вся характеристика самодержавия была верна, но мой арест как аргумент он выбрал неудачно, о чём он, к своему удивлению, очень скоро узнал.

Однажды после проверки студентам стало скучно. Они начали стучать в двери и потребовали прокурора. Не успели ещё они устать от стука, как приехал товарищ прокурора Киевской судебной палаты Корсаков. Все разошлись по камерам, и Корсаков начал их обходить. В камерах заключённые спрашивали его, в каком положении их дело. (Меня поразила колоссальная память Корсакова. Он только спрашивал фамилию, после чего, не открывая памятной книжки и не заглядывая ни в какую бумажку, каждому говорил, что ему предстоит.) Дошла очередь и до моей камеры. Пришёл Корсаков, а за ним все заключённые со всего коридора. Все мои товарищи по камере спрашивали у него о своей судьбе, я же молчал. Тогда выступил Книжник с видом обвинителя и спрашивает: «Почему вы этого мальчика держите?» Корсаков спрашивает: «Как его фамилия?» Книжник называет мою фамилию. Тогда Корсаков, обращаясь к Книжнику, заявляет: «Этот мальчик будет сидеть больше, чем вы: он обвиняется в принадлежности к организации, именующей себя «Искрой». Ему инкриминируется организация транспорта людей и литературы организации «Искра», организация типографии и т. д». Все так и ахнули, а Книжник был настолько удивлён, что после ухода Корсакова стал меня расспрашивать, верно ли то, что товарищ прокурора сказал. Конечно, я успокоил Книжника, сказав, что это недоразумение, что они меня принимают, очевидно, за другого. Но мне в этот вечер было невесело, ибо Корсаков сказал, за малым исключением, правду, и я стал думать о том, откуда они всё это знают и почему меня отправили в Киев, а не в Питер.

После вышеописанного вечера судьба моя значительно улучшилась. Меня перевели в другую камеру, дали подушку, бельё, ванну и пр., что было очень кстати. Но долго мне не пришлось пробыть со студентами — будущими революционерами, буржуазными демократами и просто буржуями (среди студентов были и искровцы, но об этом я узнал позже).

Как-то вечером привезли одного товарища. У него стали спрашивать, как полагается, где он был арестован и т. д. Из его ответов выяснилось, что он был арестован на границе, где в его чемоданах с двойным дном обнаружена была газета «Искра». Присмотревшись к нему, я решил спросить его, где он достал газету «Искра», искровец ли он, кого он знает из заграничных искровцев и т. д. После этого он в свою очередь стал спрашивать, откуда я, кого я знаю в тех краях, где я работал, и в разговоре назвал мою кличку. Оказалось, что он знал о моём существовании, ибо он ведал транспортом литературы «Искры» из-за границы в Россию. Мне тоже была известна его кличка. Таким образом я установил связь с искровцами в тюрьме, ибо вновь арестованный оказался Иосифом Соломоновичем Блюменфельдом, который знал русских искровцев. А так как в Лукьяновской тюрьме их оказалось немало, то он легко связался с политическим корпусом, где сидело много видных искровцев, и я был туда сразу же переведён. В политическом корпусе была совсем другая жизнь.

В Киеве был жандармский генерал Новицкий. Ему удалось напасть на след Всероссийского совещания или конференции искровцев. Главным искровцем Новицкий считал тогда Крохмаля, который жил в Киеве и который, наверно, и созывал искровцев в Киев. Но не только за ним была установлена слежка. Жандармское управление перехватывало также переписку из русских городов и из-за границы, расшифровывало её и письма доставляло затем адресатам, откуда они уже попадали к Крохмалю. Поэтому жандармский генерал Новицкий был вполне в курсе всех дел (как я узнал из опубликованных после 1905 г. документов департамента полиции, мой адрес был также найден у Крохмаля). Насколько я помню, совещание искровцев разъехалось или, лучше сказать, разбежалось раньше, чем оно открылось. (Впрочем, все участники могли в Лукьяновке вполне свободно и безопасно, со всеми удобствами открыть конференцию искровцев, что они, наверно, и сделали.)

На это совещание съехались представители со всех концов России. Участники совещания, заметив слежку, стали разъезжаться, но всех их по дороге арестовали и привезли обратно в Киев (часть из них была арестована в Киеве).

Николай Бауман сел уже в поезд, но по дороге в город Задонск, Воронежской губернии, он заметил слежку за собой. Тогда он выпрыгнул из поезда и направился в село Хлебное, недалеко от Задонска. Так как местность ему была незнакома, он обратился к местному врачу Вележеву с просьбой предоставить ему убежище. Врач принял его, но сейчас же сообщил о нём полиции, и т. Бауман очутился в Лукьяновке.

Генерал Новицкий стал знаменит, и ему поручили вести громкое дело искровцев. Вот почему в Киев стали привозить искровцев из всех городов обширной России. Туда же возили и товарищей, арестованных на границах. Охранка, не удовлетворяясь активными работниками-искровцами, привозила также в Киев к Новицкому и лиц, которые только помогали искровцам, предоставляя им свои квартиры для явок и адреса для получения писем. Поэтому-то и меня привезли в Киев.

Политический и женский корпуса тюрьмы были полны арестованными по делу «Искры».

В небольшом политическом корпусе сидели искровцы и социалисты-революционеры (главным образом украинцы). Сторонников других партий там было очень мало. Камеры были открыты с утра до ночи, и все двери из корпуса во двор были также открыты, во дворе играли в разные игры, но политические заключённые занимались серьёзно и много. Тут были доклады на разные темы, совместные читки новейшей нелегальной литературы —«Искры», «Революционной России» и т. д.— и обсуждения прочитанного.

Я очутился в одной камере с Гальпериным (кличка его была Коняга). Меня сразу взяли в переделку, и со мной стал заниматься Иосиф Блюменфельд. Он мне преподавал основы марксизма. Под его руководством я стал читать серьёзные книги. Как я уже указывал выше, до киевской тюрьмы я работал в мастерской ежедневно по 12 часов и даже больше. После работы бывал занят в профсоюзе. Много времени уходило на разные дела в группах и организациях, которые тогда существовали в Западном крае, а позже тратил много времени на организацию транспорта «Искры». Поэтому читать приходилось мало и без всякой системы. Тюрьма для меня стала университетом. Я стал читать по определённой системе под руководством товарища, знавшего революционную и марксистскую литера-

туру. До ареста т. Блюменфельд был наборщиком группы «Освобождение труда». Обладая теоретическими познаниями, он был хорошо знаком и с рабочим движением на Западе и имел за собой большой стаж практической деятельности. Ему тогда могло быть 30—35 лет. Несмотря на то что я был моложе его, мы очень подружились. И теперь, несмотря на то что мы с ним очень скоро оказались в разных лагерях российского рабочего движения, я ему искренне благодарен за его тёплое отношение ко мне, а главное, за тот фундамент правильного понимания марксизма, который он в меня заложил.

Для меня время заключения летело совсем незаметно, но для активных работников искровской организации сидение в тюрьме было невыносимо. Это была пора, когда рабочие стачки, студенческие демонстрации и крестьянские волнения (в Харьковской, Полтавской и других губерниях) стали повседневными явлениями, а организаторы «Искры» в России вынуждены были сидеть в тюрьме, бездействуя, не имея возможности принимать активное участие в этой борьбе.

В середине лета 1902 г. в тюрьму опять явился как-то товарищ прокурора Корсаков и заявил нам, группе человек в 12—15 из политического корпуса, что мы можем устраиваться поудобнее на зиму, ибо будет создан процесс. С этого момента у многих из товарищей появилась мысль о побеге. Был составлен список товарищей, искровцев, которым следовало бы бежать. В этот список был включён и я. Из включённых в список согласились бежать 11 человек. Мы устроили совещание, на котором обсудили план побега и распределили роли для каждого в момент побега, который должен был совершиться через стену одной из клеток, где мы гуляли. Для этого нужно было обследовать поле перед тюрьмой, найти квартиры в Киеве, где можно было бы укрыться, и организовать отправку бежавших из Киева, найти паспорта, достать снотворный порошок, вино, якорь, верёвки для лестницы и деньги. Внутри тюрьмы надо было задерживать прогулки до поздней ночи и хранить все нужные для побега вещи после доставки их в тюрьму. Самое же главное — нужно было сохранить весь план в тайне, что было очень трудно, так как о нём много народу знало и в тюрьме и на воле.

Режим в тюрьме, как я уже отмечал, был свободный. Это объяснялось, с одной стороны, тем, что там сидело

много студентов, случайно попавших в тюрьму, которые по разным поводам «волынили», с другой стороны, чрезмерной скученностью: народу сидело значительно больше, чем в тюрьме имелось мест. Благодаря этой свободе заключённые имели своего старосту (в лице старого жильца тюрьмы т. Гурского); я не знаю, назначило ли его начальство или его выбрали заключённые, ибо все эти порядки я уже застал, когда меня привезли в тюрьму. Обед готовили для всех политических отдельно, а все передачи, которые получали политические заключённые, отправлялись в цейхгауз и делились между всеми на ужин. Туда же отправлялись и закупленные для них продукты. Заведующим цейхгаузом был т. Литвинов (тоже старый жилец тюрьмы). Все эти обстоятельства очень способствовали побегу. Тов. Гурский пользовался большой свободой передвижения внутри тюрьмы, между всеми корпусами и по части общения с внешним миром.

Готовясь к побегу, мы на прогулках устраивали опыты, сооружая пирамиду в несколько человек (руководил Гурский) такой высоты, какой была внешняя стена, и устраивали хороводы с битьём вместо барабана в какую-то жестяную банку (руководил ныне покойный Николай Бауман). Это было нужно для того, чтобы часовой, стоявший во дворе, где гуляли уголовные, привык к таким звукам, которые могли бы раздаться при перелезании через крышу стены, покрытой жестью. В цейхгаузе мы учились связывать воображаемого часового и затыкать ему рот так, чтобы он не задохнулся (руководил т. Сильвин).

Приготовления к побегу отняли много времени. Мы боялись, что товарищам станет холодно гулять по вечерам во дворе и они прекратят поздние прогулки. Администрация тюрьмы, воспользовавшись этим, стала бы запирать нас раньше, чем снимается часовой около внешней стены на поляне, через которую мы должны были бежать (этот часовой снимался с приходом вечерней смены часовых). Наконец, был получен порошок для усыпления (он действовал в вине). Порошок был испробован на одном из товарищей, который должен был бежать с нами, на Мальцмане. Действие было поразительное. Он спал куда больше, чем нужно было, и мы начали беспокоиться, не заметит ли кто-либо, что Мальцман слишком долго спит. К тому же его могли вызвать на допрос, и тогда могло бы возникнуть подозрение. Но дело кончилось благополучно.

Для того же, чтобы надзиратели привыкли пить вино вместе с арестованными, стали часто праздноваться именины и пр. Это тоже удалось.

Мы получили 12—15 паспортных книжек из Вильно (связи дал я), которые и заполнили соответствующим текстом. За деньгами остановки также не было, и, наконец, удалось обследовать поляну около тюрьмы и установить условные знаки между одним из окон верхнего этажа и поляной. Из этого окна должны были дать знать о том, что мы готовимся сегодня бежать, а с поляны должны были указать, можно ли пройти через поляну или нет. Квартиры в городе были найдены, был выработан маршрут выезда беглецов из Киева в тот же вечер, а также определено, кто на какую квартиру пойдёт и кто с кем поедет. Оставалось только раздобыть якорь и сделать лестницу, но и с этим быстро справились. Тов. Гурский обыкновенно имел личные свидания в конторе, и его почти не обыскивали. На одном из свиданий ему принесли огромный букет цветов, внутри которого был спрятан маленький якорь, лестницу мы сделали из грубого холста, который выдавался нам для простынь. Кажется, т. Литвинов скручивал полоски холста, из них получились верёвки. Два конца этой верёвки были прикреплены к якорю, а ступеньками служили нетолстые и недлинные крепкие палки. Продолжением лестницы была верёвка, верхний конец которой был прикреплён тоже к якорю со многими узелками, чтобы легче было спускаться по ту сторону стены. Когда всё было готово, устроили пробу. Все явились во двор с перечисленными принадлежностями (я явился с подушкой, в которой лежала лестница), и по первому сигналу все были на местах. Надзиратели всех коридоров политического корпуса поддались нашему влиянию благодаря угощениям вином и выдачам мелких сумм за доставку газет или писем, а кое-кто влиянию агитации. Исключение составлял один — бывший жандарм — старик Измайлов, которого мы очень боялись. Вначале было даже решено в его дежурство побега не устраивать. Но так как уже была середина августа и начались холодные и дождливые дни, то было решено двинуться и в его дежурство. Для этого нужно было чем-нибудь отвлечь его внимание и заставить сидеть в своём коридоре в корпусе. Меры для этого были приняты, но тут появилась неожиданная помеха: дежурный надзиратель, который стоял с ружьём у той внутренней

стены, через которую должен был совершиться побег, пришёл вдребезги пьяным. Как мы ни старались спрятать его от глаз Измайлова, последний всё же заметил его и, став вместо пьяного у стены, дал знать в контору, откуда прислали другого часового. От глаз старого жандарма не ускользнуло волнение, охватившее часть заключённых в этот вечер (как мы после узнали, он действительно доложил об этом в контору). Так или иначе, нас постигла неудача. Надо было всё спрятать на случай обыска, а спрятать было некуда. У каждого на руках был паспорт и 100 рублей, а у меня в кармане лежала лестница, на которой я спал вместо подушки, и во время обыска её, конечно, быстро нашли бы. Нервы у всех нас были очень натянуты. В случае обыска было решено сопротивляться до тех пор, пока все не успеют уничтожить паспорта, дабы нельзя было установить, кто хотел бежать. Тогда товарищи подняли вопрос, не взять ли у меня лестницу, так как в случае её обнаружения вся ответственность падала бы на меня и жандармы могли бы прибегнуть к пыткам, чтобы узнать, кто хотел бежать со мной. Но всё же было решено оставить её у меня, так как рассчитывали на то, что никому в голову не придёт искать её у меня, скромного мальчика, когда рядом находятся лидеры искровцев.

На рассвете одного из таких тревожных дней раздался внезапно стук открываемой двери нижнего коридора. Тут же послышались крики: «Обыск, товарищи!» К счастью, очень скоро выяснилось, что это не обыск, а привезли арестованного, так что никто из нас не успел ничего уничтожить.

Новый арестованный — т. Банин был взят на границе, его приказано было изолировать от других заключённых. Поэтому его посадили в камеру, постоянно запертую на замок, в то время как мы гуляли целый день и наши камеры запирались только на ночь. Мы решили, однако, не протестовать против того, что нового арестованного держат взаперти, ибо боялись, что у нас отнимут право гулять так поздно. К этому заключённому почему-то привязался вновь назначенный помощник начальника тюрьмы — заведующий политическим корпусом Сулима. Он стал ходить к нему в камеру, играть в шахматы и просто беседовать с ним. Однажды в разговоре этот помощник сказал заключённому т. Банину, что он накануне целую ночь ходил вокруг тюрьмы, так как к нему поступили сведения, что по-

литические арестованные собирались в ту ночь совершить побег. Вопрос о побеге встал остро: или надо было бежать сейчас же, или совсем оставить мысль о побеге. Решили бежать во что бы то ни стало. Тут же было решено избежать кровопролития, но если, после того как будет дан сигнал, кто-нибудь из конторы тюрьмы войдёт во двор политического корпуса, то с пришедшим не церемониться. Для этого случая было приготовлено несколько человек с широкими плащами, чтобы сразу оглушить пришельца, накинув плащ ему на голову. День побега был установлен, но тут опять возникла помеха. Мы ведь не могли обойтись без помощи части товарищей, которые оставались в тюрьме, и кое-кто из них знал о побеге. Мы обращались к представителям других партий, которым грозило долгое сидение и суд, с предложением присоединиться к побегу, но они все отказались бежать. И вот в последний день украинские социалисты-революционеры, помощь которых нам была очень нужна, потребовали, чтобы мы взяли с собой одного социалиста-революционера — Плеского. Нам, конечно, не жалко было, если бы и вся тюрьма ушла с нами, но Плескому нужно было дать паспорт, деньги, явки и пр., что в один день достать было невозможно. Однако и этот вопрос мы уладили: каждый из нас дал ему по 10 рублей, паспорт был написан наспех, он получил явку, и всё было в порядке. Вместо 11 теперь должно было бежать 12 человек.

18 августа 1902 г. вечером, перед сигналом к побегу, явился помощник начальника тюрьмы Сулима. Он направился к заключённому Банину и начал с ним играть в шахматы. Несмотря на это, сигнал был дан. Начался концерт, и т. Бауман колотил в барабан. В это время была построена пирамида, куда взобрался т. Гурский. Одновременно был связан часовой, которому заткнули рот, чтобы он не кричал; надзиратели уже спали в коридорах сном праведных. Я подал Гурскому лестницу, быстро сбросил с себя летний холщёвый тюремный костюм, который я одел поверх своего, и взобрался по лестнице, якорь которой т. Гурский зацепил с другой стороны стены за карниз. Когда я спустился вниз по верёвке, которая, кстати сказать, ободрала мне кожу с обеих рук так, что мне было нестерпимо больно, то верёвку держал т. Гурский, чтобы не отцепился якорь. Он мне её отдал, а сам куда-то исчез (было уже совсем темно). После меня спустился Басовский, у которого была больная нога (он в тюрьме

сломал себе ногу, что тоже немало нас задержало, но мы не хотели его оставить в тюрьме). Я ему верёвки не передал, а ждал, пока появится четвёртый товарищ. Всё шло благополучно, и я передал последнему верёвку, а сам бросился бежать, но тут я со всего размаху полетел кувырком вниз и попал в очень глубокий ров, о котором мы ничего не знали. Внизу я нашёл Басовского. Он шарил везде, ища свою шляпу, которую он потерял, когда летел кубарем вниз. То же самое случилось и со мной, но искать шляпу в такую темень было бесполезно. Я взял Басовского под руку, и мы с ним выбрались на поляну, быстро её пробежали и очутились на улице. Тут-то мы поняли, что без шапок на улице Киева появляться неудобно. К тому же ни один извозчик не хотел нас везти, говоря, что у нас, наверно, все деньги пропиты и нечем будет платить. Наконец, мы уплатили одному извозчику вперёд и поехали по направлению к той квартире, куда я и Басовский должны были явиться. Отпустив извозчика, мы направились к Обсерваторному переулку. Ищем дом № 10 и не находим, так как по этому переулку последний дом значится под № 8, а дальше шёл уже какой-то другой переулок. После некоторого раздумья мы решили зайти в дом № 8. Звоним, спрашиваем кого следует, но открывавшие нам дверь очень удивились нашему виду и заявили, что таких жильцов у них нет и не было. Вот история!.. Неподалёку от дома № 8 была лужайка. Туда мы и направились. Басовский стонал от боли, тихо приговаривая: «Если бы я знал, что «воля» даже не сумеет найти нам квартиру, я бы не бежал». У меня же было своё горе: страшно хотелось пить и сильно болели руки. Вдруг мы увидели, что кто-то быстро направился к дому № 8 и не менее быстро отскочил от дверей. Мы сразу узнали т. Гурского. Его также постигла неудача: на квартире, куда он направился, хозяева или выехали, или умерли, я уже не помню. Он знал адрес, куда мы должны были явиться, и тоже пришёл туда. Втроём мы стали обсуждать, что нам делать дальше. Увидев, что мы без шапок, он куда-то ушёл (он хорошо знал Киев) и через некоторое время принёс цилиндр, который надел Басовский. Тов. Гурский предложил нам поехать в какую-то Мокрую Слободку, к его родственнику, на что мы охотно согласились. Гурский поехал один, я же поехал вдвоём с Басовским. Последний выглядел в цилиндре очень солидно, но для

Слободки это была совсем неподходящая вещь. К счастью, на улице было темно, моросил дождик, и никто не заметил его цилиндра. Добравшись, мы очутились у одного очень гостеприимного поляка, который сразу поставил на стол водку и закуску и дал нам возможность отдохнуть, но предложил уехать от него, пока ещё темно, ибо его сосед по квартире, жандарм, может заметить присутствие у него чужих людей. Делать было нечего. Я получил от хозяина соломенную шляпу, и мы с Басовским, оставив дом, поехали к его знакомым, которых не оказалось дома: они ночевали на даче. Оставалось только одно — кататься на извозчиках из одной части города в другую. Хорошо ещё, что Басовский знал названия улиц и частей города, а без него и разъезжать на извозчиках было бы невозможно. Так мы и катались всю ночь, а утром разъехались в разные стороны, чтобы не быть задержанными вместе.

У меня было три возможности: либо остановить какого-нибудь симпатичного на вид студента и просить у него помощи, либо отправиться на вокзал или на пристань, либо разыскать одного заготовщика, с которым я сидел в одной камере в Лукьяновской тюрьме перед побегом. Я выбрал последнее, хотя знал только фамилию, ремесло отца заготовщика и название улицы, но номера дома, где он живёт, не знал. На всякий случай я поехал на Андреевский спуск и, к своей радости, увидел вывеску заготовщика с той фамилией, которую я искал. Я проехал дальше, отпустил извозчика и направился к товарищу. Он оказался дома и очень тепло принял меня.

Позже выяснилось, что дом № 10 находился на улице, которая была продолжением Обсерваторного переулка, что там нас ждали и всё было приготовлено для нас. Очевидно, так же было перепутано всё и для остальных товарищей. Для Гальперина и, кажется, Мальцмана должны были приготовить лошадей, чтобы их отвезти неподалёку от Киева, но лошадей не оказалось. Оба вынуждены были ночью идти пешком, а днём прятаться в сене. Однажды их как-то открыли, отправили к уряднику, но за 3 рубля им удалось освободиться. Блюменфельд и ещё кто-то должны были отправиться на лодке, но и лодки не оказалось. Нашли ли квартиры остальные товарищи, не помню.

Товарищу, к которому я явился, я сказал, что меня вы-

пустили из тюрьмы, взяв подписку о немедленном выезде из Киева, поэтому мне очень спешно нужно увидеть кого-нибудь из комитета РСДРП (искровского). Он меня отвёл в свою комнату, а сам пошёл искать комитетчика. Скоро он вернулся с новостью, которой был потрясён: как в партийных кругах, так и среди населения пошли разговоры о том, что вся тюрьма убежала, и в городе большой переполох. Мне, однако, не удалось выяснить у него, сколько и кто именно бежал. Тут же он резонно мне заявил, что, так как в городе идут, наверно, обыски по случаю побега, лучше мне у него не быть, а перебраться на другую квартиру, которую он нашёл для меня. Там я должен был ждать, пока он не свяжет меня с комитетом. Как только стемнело, мы отправились с ним в одну пекарню, где я переночевал и пробыл ещё целый день. На следующий день он пришёл и повёл меня на явочную квартиру, где я нашёл студента, с которым сидел вместе (в студенческом корпусе) в тюрьме. Теперь этот студент явился как представитель комитета. Так как он знал, что я один из бежавших, то долго не пришлось с ним объясняться: он указал мне квартиру, куда я должен был отправиться в сопровождении одного товарища, с которым я тоже вместе сидел. От этого представителя комитета я узнал, что успело бежать 11 человек, в том числе и социалист-революционер. Выходило, что один искровец остался, но, кто именно, он не знал. Впоследствии выяснилось, что всё шло так, как было намечено перед побегом. Только т. Сильвин (Бродяга), если не ошибаюсь, возившийся с часовым, услышал какой-то шум, показавшийся ему тревогой. Он тогда побежал к себе в камеру, уничтожил паспорт, спрятал деньги и вернулся во двор. Никакой тревоги в то время ещё не было, но у него не было уже ни паспорта, ни денег. Вместе с остальными гулявшими во дворе он отправился в камеру. Помощник начальника тюрьмы, игравший в шахматы, окончив игру, стал стучать, чтобы ему открыли (он был заперт в камере). Открывать же было некому, так как надзиратели все спали. Он поднял тревогу (кажется, даже стрелял), после чего побег и был обнаружен. Кстати, первоначальное следствие установило, что побег был произведён через калитку, что привратник нас всех пропустил, а лестница, спавшие надзиратели и связанный часовой — всё это только симуляция.

Отправившись по адресу, данному мне представителем комитета, я попал в квартиру, находившуюся за Днепровским мостом, т. е. уже в Черниговской губернии, где я обосновался в комнате на положении экстерна, который день и ночь зубрит перед сдачей экзаменов и сидит поэтому безвыходно дома. Через неделю мне сообщили, что я должен отправиться дилижансом в Житомир, но по дороге заехать в какое-то местечко, где жил еврейский цадик (еврейский духовный учёный). Там в синагоге я должен был встретиться с Басовским.

Приехав в местечко, я остановился в одной еврейской семье, где узнал, что имеется не один, а два цадика и две синагоги и что самих цадиков в настоящий момент вовсе нет в местечке. Побывав вечером в одной из синагог, я там Басовского не нашёл, но в то же время возбудил подозрение со стороны хозяев, у которых я остановился (я подслушал разговор хозяев между собой: «Не беглый ли он, ведь люди, едущие к цадику, знают, когда он дома и когда в отъезде»). Пережив неприятный день, я отправился в Житомир. Утром, уже перед самым Житомиром, мне показалось, что товарищ прокурора Корсаков едет в том же дилижансе. Меня это сильно испугало, но деваться было некуда, и я решил доехать до места назначения. Приехав в Житомир, я очутился на явке у бундовцев, ибо нашей организации в Житомире тогда ещё не было. С явки я попал на квартиру к одному видному бундовцу — Урчику, которого я хорошо знал по Западному краю. Так как у бундовцев было немного квартир, то мне пришлось жить некоторое время на их конспиративной квартире, где был устроен склад литературы и лежала свёрнутая типография.

Вследствие того что мне пришлось долго ждать, пока доставали связи для перехода через границу и явки к искровской организации за границей (всё это было у Басовского, которого я так и не мог найти), я поступил на работу в мастерскую по своей специальности и переселился к одному рабочему, с которым вместе работал. Однажды мы с ним отправились на базар покупать себе костюм и совершенно неожиданно я наткнулся на надзирателя Войтова, который был усыплён в день побега и в ведении которого находился тот коридор, где я сидел перед побегом. Я, конечно, дал стрекача, что сильно удивило моего квартирного хозяина. Одновременно я принял

энергичные меры к тому, чтобы поскорей покинуть город. В эти дни меня разыскал студент Блинов, с которым я сидел в студенческом коридоре тюрьмы. Он сообщил мне, что в Житомире находится Гальперин, который хочет меня видеть. Свидание было устроено в лесу. От Гальперина я получил нужные явки и в скором времени в сопровождении одной бундовки отправился в Каменец-Подольск, а оттуда — в какую-то пограничную деревню. Из деревни мы ночью прошли в сопровождении одного крестьянина через границу. Пришлось переходить вброд несколько речонок, после чего, миновав благополучно австрийских жандармов, мы очутились на австрийской территории. По дороге в Берлин нас задержали на австро-германской границе, но в тот же день отпустили, и мы благополучно прибыли в Берлин. Все 9 искровцев были уже за границей, и я прибыл последним. А одиннадцатый бежавший — Плеский, социал-революционер, из Киева направился в Кременчуг, и там совершенно случайно его арестовали. (Фамилия старосты на его паспорте была написана карандашом, её надо было обвести чернилами, что он забыл сделать. Заехав в гостиницу, он отдал паспорт для прописки; оплошность заметили, его привели в участок, и там, к удивлению пристава, он заявил, что он — Плеский, бежавший из киевской тюрьмы.) Так мне рассказывали в Берлине о подробностях его ареста.

Смелый и удачный побег вызвал тогда много толков как среди революционной России, так и в «обществе».

РАБОТА ЗА ГРАНИЦЕЙ
1902—1905 гг.

По приезде в Берлин я узнал, что редакция «Искры» назначила местом моего пребывания совместно с т. Гальпериным Берлин, возложив на нас организацию транспорта литературы и людей в Россию. Не успел я осмотреться, как пришлось уже ехать на германо-русскую границу, чтобы восстановить старые связи и заодно захватить т. Бабушкина для отправки его в Россию. Поездка оказалась удачной, и я скоро вернулся обратно.

Берлин — этот город-гигант со своими трамваями, городскими железными дорогами, огромными магазинами, ослепительным освещением, город, подобного которому я ещё не видал,— произвёл на меня ошеломляющее впечатление. Не меньшее впечатление на меня произвели берлинский Народный дом, он же Дом профсоюзов, типография, книжный магазин и редакция «Форвертса», а главное — немецкие рабочие. Когда я попал в первый раз на собрание и увидел хорошо одетых господ, сидящих за столиками с кружками пива, то мне показалось, что это собрание буржуев, ибо таких рабочих в России я не встречал. Но это оказалось партийным собранием. Что говорил оратор, я, не зная языка, конечно, не понял.

В это время мне и т. Гальперину пришлось сильно страдать из-за отсутствия квартир, где можно было бы поселиться без прописки, так как у нас обоих не было заграничных паспортов. Нас поместили в каком-то сыром подвале, где Гальперин сильно захворал — вероятно, от истощения во время долгого странствования от Киева до Берлина. Мне приходилось ухаживать за ним и работать

за двоих, не зная языка (Гальперин знал немецкий). Позже, освоившись с Берлином и завязав знакомства с немецкими товарищами, я раздобыл квартиры сразу для 20—30 товарищей.

В Берлине тогда работал представитель «Искры» Михаил Георгиевич Вечеслов и покойный П. Г. Смидович, который много потрудился в одной немецкой мастерской над опытом перевода оттиска с типографского набора посредством особой краски на отшлифованные цинковые пластинки. Он хотел найти способ печатания «Искры» в России прямо с пластинок, без набора и без стереотипа. Опыты удовлетворительных результатов не дали. Я часто бывал с т. Смидовичем в мастерской, где он производил эти опыты.

Берлинские искровцы, члены берлинской группы содействия русской революционной социал-демократии,— их было немало — часто собирались у Н. Р. и Н. Н. Бах (мать и дочь). У них бывали и беспартийные берлинские студенты и приезжая публика из других заграничных городов и из России. В первое время после приезда я у них часто бывал, ибо я не знал ни города, ни языка, а они (Бахи) обо мне заботились: показывали город и водили на собрания немецких рабочих. Чтобы на меня не обращали внимания их посетители, Бахи окрестили меня Михаилом Давидовичем Фрейтагом, а т. Смидович перевёл слово Фрейтаг на русский язык, после чего я превратился в Пятницу (кличка, которая привилась и осталась за мной на всю жизнь, отсюда и Пятницкий).

В конце февраля 1903 г. в Берлин приехал В. А. Носков. Клички его были Борис Николаевич и Глебов. На II съезде партии Носков-Глебов был избран в состав ЦК РСДРП. С ним вместе — по паспорту Петра Гермогеновича Смидовича (кличка его была Матрёна) — я отправился в Лондон, где встретился с создателями газеты «Искра», которая уже тогда была собирательницей разрозненных революционных элементов рабочего класса России. Там я застал Блюменфельда, набиравшего «Искру», там же я познакомился с Мартовым, Засулич и Дейчем. Все они жили на одной квартире. Потом я познакомился с Лениным и Надеждой Константиновной Крупской, которые жили отдельно. Всё время я проводил с Блюменфельдом, Мартовым и Засулич и сильно к ним привязался. Владимира Ильича и Надежду Константи-

новну я видел реже. Несколько раз Мартов, Засулич, Носков, Ленин, Надежда Константиновна и я обедали вместе.

Разговоры между редакцией «Искры» и Носковым велись главным образом о состоянии организации «Северного союза» (может быть, я путаю, но в памяти остался именно «Северный союз», от которого, кажется, Носков и приехал) и о созыве II съезда партии. Со мной же речь шла о том, что необходимо расширить связи на границах и в России, для того чтобы «Искра», журнал «Заря» и брошюры могли быть переброшены в Россию и там распространены. Кроме того, нужно было иметь границы для перехода людей.

Много времени я проводил в типографии, где набиралась «Искра». Типография принадлежала английской социал-демократической партии. Меня тогда сильно поразило то обстоятельство, что английская социал-демократическая партия имеет такую маленькую типографию и что она издаёт небольшой еженедельник, тираж которого был не больше, чем у «Искры». Русские социал-демократы в чужой стране, за тридевять земель от родной земли, издают газету не хуже той, что имеет английская легальная партия. Для меня тогда это было непостижимо, особенно после тех типографий, тиражей газет, домов, книжных магазинов, которые я видел у германской социал-демократии.

Несколько дней спустя после нашего приезда было собрание русских. На этом собрании читалась рукопись Дейча о его побегах. Там я встретился со многими товарищами, которых видел в Ковно, Вильно — в тюрьме и на воле,— в Киеве. Я их знал в России как бундовцев и социал-демократов, а некоторых — даже как примыкающих к искровской организации. В Лондоне они очутились, опасаясь ареста или после побегов. На меня сильно повлияло заявление почти всех их о том, что в Лондоне они сделались анархистами-индивидуалистами. Причиной этого явления, насколько мне тогда удалось выяснить, служило то обстоятельство, что эмигранты, попадая в Лондон, оказывались в положении соломинки среди бушующего моря: без друзей, без помощи, без денег, без знания языка и без работы. Политическая организация рабочего класса была слаба, профсоюзы хотя принимали всех, но помощь оказывали лишь после 9—10 недель пребывания в союзе, а бывшие друзья и знакомые сами еле перебивались и помогать

другим были не в силах. Несколько вечеров подряд я спорил с ними об анархизме, социал-демократии и парламентаризме. (Я тогда был горячим сторонником парламентаризма.) Немецкие социал-демократы— предшественники Шейдемана — готовились тогда к выборам в германский рейхстаг, я же был тесно связан с ними по роду своей работы.

Лондон произвёл на меня удручающее впечатление: дома были чёрные, закопчённые, погода скверная — всё время моросил дождь и стояли туманы. Впрочем, настоящего Лондона я, наверное, не видел, но то, что я видел, мне решительно не нравилось.

Дней через десять мы отправились в Берлин, и мне пришлось опять поехать на границу для расширения связей, так как предстояли отправки большого количества литературы в Россию и приезд из России делегатов на II съезд партии. На границу я поехал с Носковым и Поваром, он же Дядя (Фёдор Иванович Щеколдин). По приезде в Ширвинд или Нейштадт, на самой прусско-русской границе, я отправил Повара одного. Из окна дома, где мы остановились, было видно, как Повар шагал по направлению к кладбищу, которое лежало уже на русской стороне. Мы были уверены, что он благополучно переберётся, так как солдаты пограничной стражи были подкуплены. Тем больше были поражены, когда услышали выстрел в тот момент, когда Повар уже добрался до кладбища.

Как после выяснилось, Повар был задержан потому, что офицеру пограничной стражи вздумалось прогуляться по кладбищу. Когда солдат увидел офицера, ему ничего не оставалось делать, как поднять тревогу. Через несколько дней Повар получил на руки все документы о своём задержании, и в то время, когда отправлялся в уездный город этап, с которым должны были отправить и его, он сел в карету, добрался в ней до ближайшей железнодорожной станции, отстоящей довольно далеко от границы, откуда и поехал в Вильно, где должен был дожидаться Носкова. Его удалось выкупить за 15 рублей.

Пока мы ожидали отъезда Повара из пограничного русского городка, из России в конце марта 1903 г. приехала искровка Костя — Розалия Самсоновна Гальберштадт, член организационного комитета по созыву II съезда партии (после раскола она сделалась меньшевичкой, а в 1907 г. примкнула к ликвидаторам). После

свидания с Носковым она отправилась в редакцию «Искры», а Носков благополучно перешёл границу и добрался до Вильно. Таким образом, граница для переброски людей, которую я организовал после приезда в Берлин, в конце 1902 г., была испробована при переходах в Россию и из России.

Осталось наладить хорошие границы для переправы литературы, для чего я отправился в Тильзит и его окрестности, а оттуда вернулся опять в Берлин.

Дело пошло усиленным темпом. Тут со мной случился маленький казус. Перед поездкой в Лондон я снял комнату и прописался по паспорту американского гражданина, но паспорт я вынужден был сейчас же вернуть, ибо владелец паспорта уезжал в Америку.

По возвращении с объезда границ я явился к себе в комнату. Хозяйка заявила, что ко мне уже несколько раз приходили из полиции, как они ей объяснили, для выяснения того обстоятельства, что под одной фамилией со сходными сведениями оказались заявленными два человека. Моё счастье, что я был в отъезде, иначе я отведал бы берлинской Моабитской тюрьмы, ибо американец, владелец паспорта, вернулся неожиданно для меня во время моего отсутствия и прописался как ни в чём не бывало по тому же паспорту. Пришлось квартиру оставить и опять жить непрописанным до тех пор, пока один товарищ детства не прислал мне из Америки свой русский заграничный паспорт. Тогда я стал жить в Германии наравне с другими, легально выехавшими из России, по заграничному паспорту.

В России в это время вырастали во всех городах организации социал-демократов, внутри которых шла идейная борьба между искровцами и сторонниками «Союза русских социал-демократов». Во многих крупных городах существовали два социал-демократических комитета, которые яростно боролись между собой за влияние на пролетариат. Главная литература двух вышеназванных течений в РСДРП выходила за границей (у искровцев — газета «Искра», журнал «Заря» и брошюры, у «Союза русских социал-демократов» — «Рабочее дело»). Спрос на литературу «Искры» был в России настолько велик, что удовлетворить его из-за границы было немыслимо, и это заставляло искровцев напрягать все свои силы на транспортирование в Россию своей литературы разными способами.

(Русские организации «Союза русских социал-демократов», чтобы удержать своё влияние на рабочих, вынуждены были доставлять искровскую литературу. За границу являлись за литературой их представители. Среди них были и представители питерского комитета этой организации.) Влияние разрозненных социал-демократических кружков, групп и комитетов на рабочих в промышленных районах и городах сильно выросло за 1902 г. Социал-демократические организации устраивали массовые экономические забастовки и массовые политические уличные демонстрации (забастовка ростовских и тихорецких железнодорожников, грандиозные уличные митинги железнодорожников и рабочих других производств в Ростове-на-Дону, уличные демонстрации в Саратове, в Нижнем Новгороде в 1902 г., 20-тысячная уличная демонстрация в Ростове-на-Дону в начале 1903 г.). Социал-демократические организации руководили этим движением и расширяли связи среди рабочих. Чтобы закрепить эти связи, втянуть лучшие элементы в партию, необходимо было иметь не только агитационную, но и пропагандистскую литературу, которую могла тогда дать только заграница и главным образом «Искра», поэтому на нас, «транспортёров», давили со всех сторон.

Когда я был во второй или третий раз в Тильзите, я напал на след крупной литовской организации, перевозившей через границу религиозные книги на литовском языке [1]. С этой организацией мы связались и с её помощью стали перебрасывать через границу десятки и сотни пудов «Искры», «Зари» и брошюр. Для приёмки и распространения литературы в России работал целый ряд видных работников, поставленных на это дело т. Носковым,— Повар (Щеколдин), Сонин (кличку забыл), Гусаров, военный врач (он работал в виленской военной организации), и др. В Тильзите нам энергично помогал сапожник Мартенс, социал-демократ, которого рекомендовал мне руководитель Кёнигсбергской социал-демократической организации адвокат Гаазе.

Этот массовый «транспорт» имел хорошую и плохую стороны: он доставлял сразу много литературы, но доставка из Берлина в Ригу, Вильно и Питер продолжалась не-

[1] В России при царизме преследовались даже религиозные книги на литовском языке. Для печатания этой «запретной» литературы существовали в Тильзитском округе громадные типографии.

сколько месяцев; для религиозной литературы литовцев этот срок был невелик, для «Искры» же это было страшно долго. Нас (меня и Гальперина), в чьих руках был транспорт, дёргали с двух сторон: из России и из редакции «Искры». От нас требовали сокращения срока прохождения литературы от Берлина до России. Для этого Гальперин переехал в Тильзит, а я остался в Берлине. Это было летом 1903 г., когда редакция «Искры» уже переехала в Женеву.

Оттуда мы получали литературу в адрес немецкой социал-демократической газеты «Форвертс», в подвале которой был наш склад литературы. В этом складе я проводил ежедневно немало времени, раскладывая полученную литературу и упаковывая её для отправки на границу для переправы в Россию. Упаковывать было совсем не легко. Во всех пакетах должна была быть одинаковая литература: в случае, если один или несколько пакетов попадут в руки полиции, необходимо было, чтобы в других пакетах оставались те же номера газет или книги. Кроме того, внутрь больших пакетов необходимо было вкладывать по пять-шесть маленьких пакетиков с одинаковыми книгами и газетами, чтобы, как только большие пакеты попадут в Россию, они могли быть распакованы, а внутренние маленькие пакетики разосланы по России без сортировки и распаковки. К тому же необходимо было формат, вес и упаковку подогнать под литовские религиозные книги, а материал для упаковки должен был быть таким, чтобы литература не промокала во время дождя и пр. Для ускорения отправки литературы в Россию, хотя бы небольшими количествами, практиковались также чемоданы с двойным дном, куда вкладывалась литература. Ещё до моего приезда в Берлин одна небольшая фабрика изготовляла для нас в большом количестве такие стандартные чемоданы. Но на границах таможенные чиновники быстро пронюхали это, и произошло несколько провалов. Очевидно, они уже узнавали чемоданы, которые были все одного фасона. Тогда мы стали сами вделывать второе дно из крепкого картона в обыкновенные чемоданы, поверх 100—150 тоненьких свежих номеров «Искры». После оклейки внутри абсолютно нельзя было узнать, что в чемодане имеется литература. Вес чемодана тоже не намного увеличивался. Такие манипуляции мы проделывали над чемоданами всех отъезжавших студентов, студенток, которые сочувство-

вали искровцам, и над чемоданами всех товарищей, которые ехали легально и нелегально в Россию. Но и этого было мало — очень уж была велика потребность в свежей искровской литературе. Тогда мы изобрели «панцыри»: для мужчин сшивали нечто вроде жилета и туда вкладывали 200—300 экземпляров «Искры» и нетолстые брошюры, а для женщин — соответственные лифы, и, кроме того, зашивали литературу в юбки. Женщины могли брать с собой экземпляров 300—400 «Искры». Это называлось на нашем языке «транспорт-экспресс». Одевали мы в такие «панцыри» всех—от ответственных товарищей до простых смертных, которые только попадали к нам в руки. Нескольких товарищей я ещё до сих пор помню: Филиппа Голощёкина (он ужасно меня ругал за «панцырь»), Лёву — Владимирова, Батурина и др. Это действительно было варварством: пробыть в таком «панцыре» пять дней летом, в жару, было ужасно, но зато какая была радость, когда организации получали литературу! Кстати, не все меня ругали. Находились и такие, которым бывало жалко расставаться с «панцырями», женщины привыкали к «панцырям», которые делали их солидными и с хорошими фигурами. Когда мне удавалось «экспрессом» послать всю свежую литературу «Искры», на моей улице бывал праздник. Чтобы не возвращаться к этой теме, должен ещё прибавить, что, несмотря на все наши старания и несмотря на то, что в Россию попадала почти вся литература, которая печаталась за границей, это ни в какой мере не удовлетворяло российские организации. В России были организованы большие нелегальные типографии: в Баку, Одессе и в Москве, печатавшие «Искру» с матриц, которые мы им присылали из-за границы, а позже она набиралась в России по получении каждого нового заграничного номера «Искры».

Моя работа в Берлине за это время не ограничивалась только посылкой литературы в Россию. Ко мне попадали все товарищи, которые приезжали за границу из России по делу «Искры», и все, которые из-за границы ехали в Россию. На эти приезды и отъезды мною было истрачено немало сил и времени, ибо товарищи приезжали оборванные, усталые и не знали языка.

Переписка с Россией тоже велась отчасти через Берлин, и мне приходилось эти письма собирать, расшифровывать и отправлять по месту назначения.

До II съезда партии нас в Берлине было несколько человек; из них только я один занимался специально и целиком делом, о котором писал выше. После II съезда я остался один для всех дел, которые были в Берлине. Сравнивая работу, которую я делал тогда, с аналогичной работой в наших условиях, я прихожу к выводу, что теперь для такой работы понадобились бы, наверно, заведующий, заместитель заведующего, шифротдел, конторщики, машинистки, секретари и т. д. Тогда же никому и в голову не приходило привлекать для этой работы ещё постоянных работников.

Должен ещё прибавить, что в Берлине, как и в других городах Германии, Франции и Швейцарии, существовала группа содействия «Искре», членом которой был и я. В то время, до раскола партии, в берлинскую группу входили: П. Г. Смидович, Вечеслов, Никитин (при Керенском — московский градоначальник, а потом министр почт и телеграфов), Санин, Окулова, Рубинштейн, Шергов, Коняга (Гальперин), Лядов, Лядова, Н. Бах, Житомирский (оказавшийся провокатором) и др. Берлинская группа собирала деньги для партийных нужд, устраивала спектакли, лекции, дискуссии и т. д.

Несмотря на то что я был занят русскими делами, я понемногу втягивался в берлинское рабочее движение, ибо сталкивался со многими активными деятелями партийного профессионального и кооперативного движения. Совершенно незаметно для себя я стал читать немецкие партийные и профессиональные газеты без помощи учителя немецкого языка. В такой работе пролетела половина лета, и в Берлин стали приезжать в июле 1903 г. делегаты на II съезд партии. Они останавливались в Берлине на несколько дней и уезжали дальше. Из них помню т. Карташёва из «Северного союза» (недавно умер) и Кострова (Жордания, теперь обивающий пороги буржуазных министров и натравливающий их против Советского Союза), которых я до того времени не знал. В памяти у меня не осталось ничего о сделанных в Берлине подготовительных шагах к созыву съезда. Не помню также, устраивались ли собрания в Берлине для обсуждения порядка дня съезда. Некоторое время к нам совсем не поступало сведений о работах съезда. Мы же с напряжённым вниманием ждали вестей и ловили всякие слухи о заседаниях съезда. Мы были убеждены, что направление «Искры» возьмёт верх;

но насколько гладко пройдёт объединение разрозненных групп и организаций в единую партию, тогда было трудно себе представить, хотя насущная необходимость в объединении признавалась всеми.

Наконец, до нас дошли слухи о несогласиях среди самих искровцев. Мне эти слухи казались невероятными. Мы предполагали, что на съезде будут крупные разногласия с рабочедельцами и с теми, кто их поддерживал, но неожиданны были для меня лично разногласия среди искровцев, которых я привык рассматривать как однородное целое. Я тогда пережил тревожные дни. Наконец, в Берлин вернулись делегаты съезда. Мы заслушали доклады обеих сторон о съезде, и сразу же началась агитация за то и другое направления. У меня получилась раздвоенность. С одной стороны, мне было жаль, что обидели Засулич, Потресова, с которым я познакомился в Берлине, и Аксельрода, выкинув их из редакции «Искры». Ведь «Искра» так прекрасно редактировалась (тогда я не знал, кто пишет и кто не пишет из редакторов, не знал, что в редакции бывали разногласия и что принципиальные статьи посылали всем членам редакции, которые жили в разных странах, раньше чем они могли быть помещены в «Искре»). К тому же товарищи, с которыми я был так близок, Блюменфельд и др. оказались в лагере меньшевиков. С другой стороны, я целиком стоял за организационную структуру партии, предложенную Лениным. Логика моя была с большинством, чувства мои, если можно так выразиться,— с меньшинством. Тогда же меня поразило поведение Кострова (Жордания) на съезде: он всё время шёл вместе с большинством (с Лениным и Плехановым), но, после того как съезд решил закрыть все кустарные местные органы печати и оставить только газету «Искра» как ЦО партии, он обиделся за закрытие грузинского органа, редактором которого он был, и перешёл на сторону меньшинства съезда. Я никак не мог понять, как мог делегат съезда переменить свои взгляды из-за того, что решение съезда затронуло газету его организации. Жордания впоследствии сделался ярым противником большинства, заядлым меньшевиком.

Мне пришлось отправлять делегатов съезда в Россию. С некоторыми из них я сам ездил на границу. Вместе с Землячкой я поехал в Пруссию, в одну деревню на самой русской границе, в Ортельсбургском районе (около города Остроленка, который был тогда на русской сто-

роне). Тогда я впервые познакомился с Землячкой. Нам пришлось целый день прожить в деревне в ожидании унтер-офицера русской пограничной стражи, который за плату переправлял людей через границу, не зная, конечно, кто они такие. Я был связан с одним немецким крестьянином, а последний уже был связан с чинами русской пограничной стражи. Он повёл т. Землячку через границу лесом. В тот же день я узнал, что она благополучно перешла границу и направилась на станцию железной дороги. Тогда я двинулся на другие границы, где меня ждали другие делегаты. Вернувшись в Берлин, я застал уже раскол среди берлинских искровцев: Вечеслов сделался сторонником меньшевиков, П. Г. Смидович вначале колебался (лишь по приезде в Россию, куда он поехал после II съезда, он примкнул к большинству). Гальперин стал большевиком. Вчерашние друзья и единомышленники стали врагами — они перестали понимать друг друга. Мне было трудно разобраться в ворохе сплетен, извращений сторонниками меньшинства речей и докладов сторонников большинства, которые мешали уяснению действительных разногласий. Да к тому же было непонятно, почему небольшие, как мне тогда казалось, разногласия должны мешать совместной работе, тем более что после съезда открылось такое широкое поле для работы.

В октябре 1903 г. мы, члены Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, были вызваны в Женеву. Туда поехали Гальперин, я и Вечеслов. За границей существовали группы содействия «Искре» (раньше они, по всей вероятности, назывались группами содействия группе «Освобождение труда»), куда входили эмигранты — члены партии и учащаяся молодёжь, студенты и студентки. Из старых членов партии (эмигрантов или на время приезжавших за границу), членов групп содействия создалась Заграничная лига русской революционной социал-демократии. Когда искровцы, участники побега, приехали из Киева за границу, они все механически были приняты в члены лиги. Лига ничем себя не проявила до II съезда партии, хотя все члены редакции «Искры» состояли членами лиги. Политическое и организационное руководство как за границей, так и в России осуществляла только редакция «Искры». Лигой было выпущено несколько брошюр, и этим ограничилась вся её деятельность. Когда Мартов, Засулич, Потресов и Аксельрод

оказались в меньшинстве на II съезде партии, они с этим мириться не захотели и задумали созвать съезд Заграничной лиги русской революционной социал-демократии, который, очевидно, предполагалось противопоставить II съезду партии. На этот съезд мы и были вызваны. Выше я уже упомянул, что я очутился в двойственном положении: я работал с большинством, но не порывал личных связей с меньшинством, ибо среди последних были многие, с которыми я сидел в киевской тюрьме и с которыми бежал оттуда. По приезде в Женеву я отправился к Блюменфельду. Там я нашёл Мартова, Дана и многих других, мне уже знакомых людей. Блюменфельд немедленно взял меня в работу. В Женеве же тогда жил Николай Бауман, и до открытия съезда лиги я часто бывал у него — у него же я познакомился тогда с т. Орловским (Воровским). Однажды мне показали заявление-протест в бюро или президиум лиги, подписанный Бауманом, Гальпериным и другими, по поводу того, что сторонники большинства нарочно не вызывались на съезд лиги, между тем как лица, которые были известны как сторонники меньшинства, вызывались даже из Англии (у меня в памяти остался этот повод для подачи протеста). В нём было требование вызвать всех членов лиги. Я тоже подписал протест. Отчего мне было не подписать его? Не надо было быть большевиком, чтобы подписать протест, ибо обе стороны были заинтересованы в выяснении мнений членов лиги по поводу решений съезда партии, и незачем было механически создавать себе большинство. Так думал я, подписывая протест, но Блюменфельд, Дан и Мартов были другого мнения. Когда я явился к ним, на меня налетел Дан с упрёком, как это я так быстро определился и перешёл к большинству. На это я ему ответил, что организационные принципы у большинства съезда правильнее, чем у меньшинства, и что я ещё не примкнул ни к какому течению. Тут же я спросил его, почему он упрекает меня в скоропалительности решения, в то время как сам он, приехавший из России после съезда партии, уже определился. (Дан приехал в Берлин, и я с ним долго беседовал и информировал его о съезде и о разногласиях незадолго до съезда лиги.) На это он мне ответил, что он проводил определённый план построения партии в России и ему только нужно было определить, кто его проводил на II съезде партии — Ленин или Мар-

тов. Оказалось, что его план проводил Мартов, и поэтому он перешёл к меньшинству. Блюменфельд стал меня уверять, что я не понимаю того, что подписал, что меня ввели в заблуждение, и он от меня потребовал не больше и не меньше, как взять подпись обратно. Я, конечно, отказался это сделать.

Несмотря на то что в Женеву приехало много членов лиги, съезд не открывался по причине для меня неизвестной. Но вскоре я узнал, почему открытие съезда откладывается. Как-то вечером в один из дней, описанных мною выше, Блюменфельд позвал меня гулять. Хорошо мне врезались в память этот вечер и эта прогулка. Мы ходили по берегу Женевского озера. Вечер был тихий, ясный, но на душе было тяжело, очень тяжело. Мой старший товарищ — Блюменфельд, который помог мне стать сознательным марксистом, в этот вечер в интересах своей фракции толкал меня на путь беспринципности. Оказалось, что на съезд лиги приехала половина сторонников большинства и половина меньшинства, я же мог дать перевес тем или другим (в момент съезда приехал кто-то из Лондона, если я не ошибаюсь, с женой, тоже членом лиги, и у меньшевиков оказалось большинство), поэтому Блюменфельд требовал, чтобы я отказался от участия в съезде, в случае если я не буду поддерживать меньшинство. Обосновывал он своё требование тем, что я не понимаю, что кругом происходит. Большинство, по его мнению, своей тактикой погубит партию, поэтому необходимо дать меньшинству возможность издавать литературу, которая предупредила бы партию об опасных уклонах большинства. Если же, развивал он дальше свою мысль, на съезде лиги будет большинство большевиков, то прежние члены редакции (Мартов, Потресов, Засулич и Аксельрод) ничего не смогут издавать и для них это будет политической смертью (за правильность изложения смысла соображений Блюменфельда вполне ручаюсь). Так как я не согласился с его доводами и не отказался от участия в съезде лиги, то он мне заявил, что я этим совершаю преступление, а потому предложил мне поехать на несколько лет в Америку, пока я не разберусь в происходящих разногласиях. Я решительно отказался от этого предложения. На этом наш разговор и прекратился.

Открылся съезд лиги 26 октября 1903 г.; с одной стороны сидели меньшевики, с другой — большевики. Я

соображал, куда же мне сесть? Оказалось, что один только я твёрдо не примкнул ещё ни к одной стороне. Я сел с большевиками и голосовал с ними. 28 октября после гнусных выпадов Мартова в его содокладе против Ленина и против сторонников большинства II съезда партии большевики, кроме члена бюро и секретаря II съезда лиги (Ортодокса и Коняги), покинули в виде протеста съезд. Вместе с большевиками покинул съезд и Плеханов. Я остался на съезде. Для меня было ясно, что уход большевиков — большинства ЦК, ЦО и Совета партии — заставит меньшинство или подчиниться решениям II съезда, или же пойти на раскол. Но что я мог сделать? Ничего. Сидя на съезде лиги после ухода большевиков, я решил стать твёрдо и решительно на их сторону и также покинул съезд. После того как я прослушал возмутительную речь Троцкого, направленную против Ленина, зная, где большевики собираются, я отправился в ресторан, или кафе, Ландольта. Там действительно происходило собрание ушедших со съезда лиги, на котором Плеханов излагал план решительной борьбы с меньшевиками. После оживлённых прений собрание закрылось. Были приняты почти все предложения Плеханова. Однако через несколько дней я узнал, что Плеханов перешёл к меньшевикам и кооптировал прежних редакторов «Искры». 1 ноября 1903 г. Плеханов выпустил 52-й номер «Искры» со своей статьёй «Чего не делать», где он всячески ругал большевиков, называл их раскольниками и пр. Как же это случилось, думал я, что Плеханов, который был вместе с Лениным на съезде партии, вместе боролся за определённый организационный план строительства партии на съезде заграничной лиги, предлагал резолюцию против меньшевиков, потом перешёл к меньшевикам?

Действия Плеханова, Кострова, Блюменфельда и др. мне были непонятны. Над поведением их я много думал в те дни в неуютной комнатке в Женеве. Вернувшись в Берлин, я должен был работать за двоих, так как т. Гальперин уехал в Россию (он был кооптирован в Центральный Комитет). Одновременно я был вынужден энергично работать в берлинской группе содействия, так как из неё несколько человек перешли к меньшевикам и образовали группу содействия меньшевикам. Положение (или соотношение сил) в центральных органах и местных организациях партии после съезда лиги (в начале 1904 г.) было

такое: русский ЦК — Носков, Курц (Ленгник) и Клэр (Кржижановский), выбранные на II съезде в ЦК (последние два товарища на самом II съезде не присутствовали), и другие товарищи, кооптированные в члены ЦК, — должен был проводить линию съезда, что он вначале и делал. ЦО партии с переходом Плеханова на сторону меньшевиков и кооптацией им старых редакторов «Искры», не выбранных съездом, после выхода из редакции Ленина оказался в руках меньшевиков. И Совет партии, куда входили двое от русского ЦК, двое от редакции «Искры» и пятый — Плеханов, выбранный съездом, в своём большинстве тоже стал меньшевистским.

После II съезда все комитеты и группы социал-демократов, параллельно до этого существовавшие, слились в единую организацию. Однако решения II съезда не во всех организациях были приняты единодушно. В Центральной России почти все без исключения стали на сторону большевиков, на юге России и на Кавказе отдельные организации одобрили позицию меньшинства съезда.

Берлинский транспортный пункт партии остался после съезда в таком же виде, в каком он был раньше, с той лишь разницей, что он подчинялся теперь не редакции «Искры», а непосредственно русскому Центральному Комитету. Во главе берлинского (можно даже сказать, германского) транспортного пункта стоял фактически уже один я.

В общем и целом работа шла так же, как описано выше, только «Искра» была уже не прежняя, а «новая», меньшевистская по содержанию. Это уже был не грозный набат, не собирательница всех революционных элементов под знаменем РСДРП, а оппортунистическая газета.

Стала выясняться позиция русского Центрального Комитета. После ареста части членов ЦК и кооптации оставшимися на свободе членами ЦК новых товарищей — в члены ЦК были кооптированы: т. Красин (Никитич), Любимов (Марк), Землячка, Розенберг-Эссен (Зверь), Гальперин (Коняга), Карпов и др.— ЦК занял примиренческую позицию по отношению к меньшевикам и враждебную по отношению к большевистским организациям в России и за границей, отстаивавшим решения II съезда. Таков уж удел всех примиренцев, которые желают угодить и нашим и вашим. Русский ЦК хотел примирить

большевиков и меньшевиков, а фактически он стал на сторону меньшевиков. Должен отметить, что некоторые члены ЦК вышли из него, не будучи согласны с позицией ЦК (т. Землячка и ещё кто-то). Центральный Комитет послал за границу своим представителем Носкова, а после своего отъезда последний оставил вместо себя Сюртука (Коппа). Оба они пытались стать цензорами статей и брошюр сторонников большинства. Тов. Носков навязал мне помощника для работы в германском транспортном пункте, думая, что последний сможет заменить меня — «твердокаменного» большевика, но это ему не удалось: «помощник» скоро убедился, что связями германского транспортного пункта ему не удастся завладеть, и оставил работу по транспорту литературы.

Примиренчество ЦК, не встретившее сочувствия в России, получило полную поддержку среди студенческих групп содействия РСДРП за границей. До перехода ЦК фактически на сторону меньшинства за границей существовали группы содействия меньшинству и большинству почти в каждом городе, в том числе и в Берлине. Берлинская группа содействия большинству РСДРП в июле — августе 1904 г. сговорилась с меньшевистской группой об объединении обеих групп. Это было тогда, когда студенты — члены группы — уехали на каникулы. На этом собрании, где был решён вопрос об объединении, отсутствовали и т. Горин (по болезни) и я (я был в тот день сильно занят). Когда я и Горин узнали о решении объединиться с меньшевиками, мы потребовали созыва собрания группы для перерешения этого вопроса. Вместо удовлетворения нашего требования мы получили приглашение уже на совместное заседание двух групп. Мы туда пошли, но потребовали удаления меньшевиков, что было исполнено. Сколько мы ни доказывали большинству группы, что партийные комитеты в России в своём большинстве против редакции меньшевистской «Искры» и против примиренческого ЦК, тремя голосами против двух было принято решение объединиться с меньшевистской группой. Мы удалились, но нам не удалось сейчас же организовать группу содействия большинству партии, ибо фактически я остался один (Горин заболел тяжёлой нервной болезнью). Чтобы сохранить преемственность группы большинства, нам необходимо было иметь хотя бы трёх членов, а их тогда в Берлине не было. Какими-то путями я

узнал, что в Берлине учатся два товарища, большевика: болгарин Аврамов, тесняк, и т. Шаумян. Я их разыскал, и с большим трудом мне удалось убедить их войти в группу. Таким образом, нас уже было четверо, но помощи в работе они мне не могли оказывать. Осенью приехали студенты и студентки, которые были раньше членами нашей группы или ей сочувствовали. Группа сделалась большой и энергичной и очень много сделала для большевиков после 22(9) января 1905 г. Провокатор Житомирский тоже был членом берлинской группы содействия большинству партии до объединения обеих групп. Когда он приехал после каникул в Берлин, он сильно колебался: к кому перейти — к нам или к меньшевикам. Он, очевидно, ожидал инструкции от охранки. Наконец, он перешёл к нам. Охранка уже тогда, очевидно, понимала, что большевики были и будут более опасными для самодержавия, чем меньшевики, поэтому она своих шпиков оставляла у нас, большевиков.

Когда наша новая группа окрепла, мы узнали, что объединённая группа сдала в печать обращение к студентам и к русскому «обществу» в Берлине по поводу крупного события — объединения двух групп в Берлине. Мы в тот же день сдали в печать ответ, в котором опровергали факт объединения и разъясняли, что происходит в партии, поскольку это можно было сказать студентам и студенткам. (Эту листовку написал или же только проредактировал т. Гусев, который тогда был в Берлине, перед отъездом в Россию.) Распространили мы листовку в тот же день, когда объединённая группа распространяла свою на том же реферате в русской колонии. Это произвело фурор и подняло наш престиж среди беспартийных в русской колонии. Вообще борьба между берлинскими группами содействия двух направлений в РСДРП была очень остра, и наша группа, как более организованная и энергичная, оказалась победительницей в этой борьбе.

В состав большевистской группы после ухода части членов её к меньшевикам во время примиренческой эры в 1904 г. входили тт. Горин, Шаумян, Аврамов, Лядов, Лядова, Познер, Анна Неженцова, Квятковский, Житомирский, Тарасов, Левинсон, Галина, Лемберг и я.

Кроме того, при группе была создана подгруппа, главным образом из студентов и студенток, куда входили тт. С. Итин, Никольский, Катауров, Анна Мильман, Лидия

Фрейдберг, Маршак, Бричкина, Неусыхин и др., которые имели связи с широкими слоями русских, проживавших тогда в Берлине.

В середине лета 1904 г. произошла маленькая заминка с транспортом. Из Берлина мы отправляли по железной дороге пакеты с литературой в ящиках на имя сапожника Мартенса в Тильзит под видом сапожного товара. Прусская полиция однажды открыла пару ящиков и нашла в них литературу, вместо указанного в фактуре товара. У Мартенса был произведён обыск, после чего он и ещё несколько человек, которые были арестованы на прусско-русской границе не с нашей литературой, были привлечены к суду. Буржуазные газеты начали травлю против русских, «Форвертса» и немецких социал-демократов, обвиняя их в том, что они поддерживают русских анархистов и пр. В один прекрасный день администрация «Форвертса» предложила мне убраться со своим складом литературы, который находился у неё в подвале. На вопрос, куда же мне девать литературу, было заявлено, что это — моё дело и что администрация не может мне ничем помочь, так как она боится обыска. Я обращался к покойному Зингеру за помощью, но и он мне заявил, что пока не выяснится, как суд отнесётся ко всей этой истории, он не может нам помочь. Тогда я обратился за помощью к Карлу Либкнехту. Последний дал мне письмо к одному социал-демократу домовладельцу, у которого я снял маленькую квартиру и там устроил склад. Мне удалось достать адреса, на которые я мог получать литературу из Женевы, и после этого я отправился в Тильзит. Здесь я очень быстро с помощью т. Мартенса нашёл ответственного сотрудника крупной типографии, на адрес которого мы из Берлина могли отправлять литературу уже открыто. Должен отметить, что т. Мартенс, который был привлечён к суду, держал себя — не в пример администрации «Форвертса» — прекрасно. И даже после того, как его осудили на три или шесть месяцев тюрьмы, он не переставал работать с нами [1].

---

[1] Суд состоялся в июле 1904 г. в Кёнигсберге. Прусское правительство хотело создать крупный процесс, но он превратился в процесс против правительства. Защищали подсудимых Либкнехт и, кажется, Курт Розенфельд. На суде им удалось доказать, что обвинение пользуется фальшивыми цитатами, чем оно сильно себя скомпро-

Таким образом заминка с транспортом литературы была ликвидирована и аппарат наш уже не зависел от милости заправил «Форвертса». В кругах, стоявших на точке зрения большинства II съезда, стали поговаривать о необходимости создания за границей своего органа, так как тогда уже выяснилось, что ЦК не проводит решений съезда, не опирается на большинство комитетов партии и что, наконец, новая «Искра» проводит оппортунистическую линию не только в организационных, но и в тактических вопросах. Для всех было ясно, что при таких условиях нельзя оставить «Искре» безраздельное влияние на местные партийные комитеты. Осенью меня вызвала в Женеву Надежда Константиновна Крупская. Через несколько дней после моего приезда в Женеву было созвано собрание большевиков, на котором Ленин сделал доклад о положении дел в партии и в стране. Ленин делал вывод о необходимости издания большевистской газеты. Настроение у присутствовавших было хотя тяжёлое, но решительное. Для каждого было ясно, что издание своей фракционной газеты может вызвать раскол, но другого выхода не имелось. Серьёзных прений или возражений не было. Возражал один т. Коган, только что приехавший из России. Предложение об издании было принято, и вскоре появился наш большевистский орган «Вперёд», который выходил вплоть до III съезда партии.

Я стал энергично отправлять в Россию новую газету, и так как в России на работе по транспорту литературы находились сторонники большевиков, то наш орган хорошо распространялся по всей стране.

Ещё до выхода центрального органа большинства «Вперёд» — первый номер вышел 4 января (22 декабря) 1905 г.— большевиками было издано несколько брошюр о разногласиях с меньшевиками: Н. Ленина — «Шаг вперед, два шага назад», Шахова (Малинина) — «Борьба за съезд», Орловского (Воровского) — «Совет против партии», Галёрки (Ольминского) — «Долой бонапартизм!» и др. Все эти брошюры я отправлял в Россию в общем транспорте вместе с новой «Искрой» и брошюрами по вопросам тактики, международного рабочего движения,

---

метировало в глазах рабочих и «общества». Это, конечно, не помешало прусским судьям осудить обвиняемых, но очень мягко, не по-прусски.

сочинениями Маркса, Энгельса, Каутского в русском переводе и брошюрами о русском рабочем движении.

После выхода нашего органа «Вперёд» и создания Бюро комитетов большинства для созыва III съезда я прекратил отправку новой «Искры» в Россию, так как у меня были к тому времени документальные данные, исходившие от русского ЦК о том, что большинство русских комитетов партии было против ЦК, ЦО и Совета партии и настаивало на созыве III съезда партии. (На мой адрес поступило зашифрованное моим шифром письмо для Б. Н. Глебова-Носкова, где об этом сообщалось. Копию письма я послал Носкову, а оригинал — Ильичу. Это письмо вошло в «Заявление и документы о разрыве центральных учреждений с партией», опубликованные Лениным 5 января (23 декабря) 1905 г.)

Так как транспортный аппарат в России был в руках сторонников большинства партии (в Рижском районе этой работой ведал Папаша — т. Литвинов), а германский транспортный пункт в то время содержался исключительно на средства, добывавшиеся берлинской группой содействия большевикам, прекращение отправки новой «Искры» прошло гладко и не вызвало протеста со стороны местных комитетов партии.

Работа пошла энергичнее и быстрее, чем раньше: ведь мы отправляли в Россию теперь свой орган, который давал ясные и определённые ответы на все вопросы, выдвигавшиеся тогда жизнью. А жизнь кипела вовсю. Это был период стачечной волны перед 22(9) января. Как только получался новый номер «Вперёд», мы отправляли его во все углы России почтой, как письма (у газет обрезали поля, чтобы они весили меньше, их прессовали, чтобы они сделались твёрже и тоньше, печатались газеты на очень тонкой бумаге), заделывали в картины, в переплёты книг, одевали всех товарищей, которые ехали из-за границы в Россию, в «панцыри» и, наконец, отправляли большими пакетами через контрабандистов в Россию — тяжёлым транспортом, как мы это тогда называли.

Литература доходила до партийных комитетов, а через комитеты — к рабочим фабрик и заводов. Так однообразно двигалась работа до 23(10) января 1905 г.

Рано утром 23(10) января в трамвае я прочёл в немецких газетах сообщение о расстреле в России рабочих 22(9) января. Мной овладели страшная злоба и ненависть

к царскому строю. Невероятное волнение охватило почти всех русских, живших в Берлине; русские студенты и студентки берлинских высших учебных заведений организовывали многочисленные собрания. Здесь метали громы и молнии против царских палачей, принимались резолюции, обязывавшие участников собраний ехать в Россию, чтобы бороться с самодержавием.

В тот же день, 23(10) января, собралась наша большевистская группа. Перед ней встал вопрос: как реагировать на события 22(9) января? Было решено издать листовку к русским, живущим в Берлине, с разъяснением значения январских расстрелов, вечером разослать всех членов группы и сочувствующих по кафе, где главным образом бывают русские, и там провести сбор денег на русскую революцию, устроить платные митинги для русских и на них также устроить сбор средств на революцию.

Удивительное дело — ни у кого из русских не было подавленного настроения, как это было после кишинёвского погрома. Напротив, даже у политически индиферентных русских было боевое, повышенное настроение. Было ясно, что 22(9) января будет сигналом к победоносной борьбе. Собрания проходили оживлённо, на них присутствовали и немцы.

За несколько дней нашей группой было собрано немало денег. Средства поступали отовсюду, даже от немцев. Мне рассказывали товарищи, которые ходили по кафе собирать деньги на русскую революцию, что жертвовали не только русские, но и немцы, англичане, скандинавы и американцы. Собранные средства были очень кстати, ибо из Женевы и других заграничных городов двинулись русские эмигранты. Их направлял Большевистский центр в Россию на работу. За какой-нибудь месяц через мои руки прошло человек 60—70. Каждому из них пришлось дать средства на дорогу, более или менее прилично одеть и дать связи с русскими организациями. Само собой разумеется, что каждый из вышеназванных товарищей брал с собой литературу в «панцырях» и в чемоданах с двойным дном.

Партийные организации стали ещё чаще и настойчивее требовать литературу. Несмотря на то что работы стало гораздо больше, работалось легко. Во время январского оживления в берлинской русской колонии Карл

Каутский созвал к себе представителей социал-демократических групп Берлина: большевиков, меньшевиков, бундовцев, СДПиЛ и латышей. Наша группа командировала меня и Аврамова, меньшевики послали на это совещание Сюртука (Коппа). Кто был от остальных групп, я не помню.

Перед тем как открыть совещание, Карл Каутский позвал меня к себе в кабинет и сообщил, что немецкий партейфорштанд (ЦК немецкой социал-демократической партии) обратился к большевикам и меньшевикам с предложением передать разрешение споров и разногласий между ними на третейское разбирательство. Суперарбитра по этому предложению должен был выдвинуть немецкий ЦК (им был назначен Август Бебель, тогдашний председатель партии немецких социал-демократов). Каутский жаловался, что Ленин от третейского суда отказался, поэтому из попыток объединения, которое, по его словам, теперь было так нужно, ничего не вышло. Каутский всячески ругал Ильича за его отказ идти с меньшевиками на третейское разбирательство. Я тогда заявил Каутскому, что этот вопрос касается вовсе не одного Ильича, а всей партии и что Ильич не мог согласиться на третейское разбирательство, так как громадное большинство местных партийных организаций в России против меньшевиков, ЦО, Совета партии и даже примиренческого Центрального Комитета. Я указал ему на то, что теперь уже обнаружилось крупное расхождение не только в организационных, но и в тактических вопросах и что, наконец, большинство русских комитетов стоит за созыв III съезда партии, который только и сможет разрешить вопрос о разногласиях внутри нашей партии.

Каутский в конце разговора заявил мне, что мы, большевики, вследствие отказа принять посредничество немецкого ЦК много потеряли и виноват в том Ильич, так как, если бы не его упорство, РСДРП стала бы единой. В середине лета, уже после III съезда нашей партии, я был в Кёнигсберге по делу у видного работника германской социал-демократической партии — адвоката Гаазе (после смерти Бебеля он был избран одним из двух председателей ЦК — форштанда — германской социал-демократической партии). Он мне рассказал, что немецкий ЦК социал-демократической партии, предлагая своё посредничество, дал директиву Бебелю признать правильной точку

зрения большевиков на том лишь основании, что у большевиков было большинство на II съезде партии. Только после рассказа Гаазе я понял последнюю фразу Каутского о том, что мы, большевики, много потеряли, отказавшись от третейского разбирательства.

По формальным соображениям ЦК германской социал-демократической партии в качестве арбитра в третейском разбирательстве, может быть, и призвал бы меньшевиков подчиниться решениям большинства II съезда партии. Но фактически руководители немецкой социал-демократической партии стояли на стороне меньшевиков и поддерживали их. Ленин был безусловно прав, отказавшись от третейского разбирательства, так как он прекрасно видел и понимал дипломатию ЦК германской социал-демократической партии и в частности Каутского. Когда меньшевики своими антипартийными и дезорганизаторскими действиями мешали проведению решений II съезда РСДРП в жизнь, мешали объединению партии под руководством работоспособного ЦК и превращению партии в боевой штаб пролетариата, ЦК социал-демократической партии и Каутский не только не мешали меньшевикам, но всячески поддерживали их в этом. Когда же большинство комитетов в России стало группироваться вокруг Бюро комитетов большинства, ЦК германской социал-демократической партии и Каутский стали толковать о примирении.

По окончании разговора со мной Каутский открыл созванное им совещание. Он сообщил, что были предприняты шаги для установления единства социал-демократов в России, но, к сожалению, попытка не увенчалась успехом. Он предложил установить единство всех социал-демократических групп в Берлине. Не помню, чтобы хоть одна из пяти групп согласилась на установление единства в Берлине. Что же касается меня, то я заявил, что мы отказываемся от объединения в Берлине без постановления соответствующего партийного центра и что на постоянные совместные выступления всех групп перед русской колонией мы не можем согласиться, так как глубоко расходимся с меньшевиками и бундовцами. Вместе с тем я не возражал против обсуждения вопроса о совместных действиях со всеми социал-демократическими группами в Берлине перед каким-нибудь выступлением. Совещание, конечно, окончилось ничем. В заключение Каутский

сообщил нам, что форштанд решил разделить и передать нам как уполномоченным своих центральных организаций суммы, которые немецкая социал-демократическая пресса собирала для русской революции, и средства, которые социал-демократическая партия решила дать на ту же цель. В памяти у меня не осталось ни суммы, ни каким образом была она распределена между пятью частями социал-демократического движения в России (Бунд, СДПиЛ, социал-демократы Латышского края, меньшевики и большевики), но я хорошо помню, что часть этих средств была нами получена.

В марте или апреле 1905 г. приехали в Берлин два представителя Организационного комитета по созыву III съезда партии (ОК был составлен из представителей Бюро комитетов большинства и ЦК РСДРП): Бур (А. М. Эссен) и Инсарова — Мышь (Прасковья Лалаянц). Им было поручено подготовить за границей организацию III съезда партии. Явки для перехода за границу делегатов съезда давно уже были приготовлены мною. Адреса для писем и денег из России были в руках Организационного комитета. Оставалось лишь найти квартиры в Берлине для прибывавших делегатов съезда и определить страну и город для самого съезда. Когда уже стали съезжаться делегаты на III съезд партии, за моей квартирой, несмотря на то что только несколько человек знали мой адрес, началась усиленная слежка. Каждое утро, прежде чем попасть на явки, куда должны были приезжать делегаты съезда, я должен был проделывать всякие фокусы, чтобы отделываться от шпиков. Мне это удавалось очень легко, ибо Берлин я знал хорошо, а шпики были форменные олухи, и по их беспечной походке и беспокойным глазам легко было определить их. Вскоре какие-то субъекты явились к моей хозяйке и стали расспрашивать обо мне. Зашевелилась также и прусская полиция: меня часто стали вызывать в ревир (участок). Там спрашивали, что я делаю в Берлине и откуда я получаю средства к жизни. Чтобы отделаться от полиции, мне пришлось взять у зубного врача, социал-демократа, удостоверение, что я у него за столько-то марок обучаюсь зуботехническому искусству.

Однажды утром я получил спешное городское письмо от члена Организационного комитета Папаши (т. Литвинова), в котором он назначал мне свидание в 2 часа дня

в ресторане. Для того чтобы быстрее и вернее отделаться от шпиков, я зашёл к одному товарищу, вместе с которым отправился в Национальную картинную галерею. Выйдя оттуда, я увидел длинного человека, прятавшегося за деревом и беспокойно кого-то высматривавшего. Я сразу обратил на него внимание. Мы с товарищем направились по Унтер-ден-Линден (лучшая улица Берлина), высокий тип шёл за нами. Подходим к Тиргартену и там вскакиваем в первый попавшийся трамвай; тип на ходу вскочил в тот же трамвай с передней площадки. Тогда я уловил момент, когда он брал трамвайный билет, и благополучно соскочил на полном ходу с трамвая, после чего побежал по менее людным улицам. Я был уверен, что освободился от длинного шпика, но ошибся: он выскочил вслед за мной, и ноги у него оказались не менее прыткими, чем у меня. Шпик был несколькими головами выше меня и шёл рядом со мной, как самый лучший мой друг. Он всматривался в моё лицо и смеялся... Я продолжал быстро двигаться, он со мной. Тогда я зашёл в ресторан. Он и там меня не покинул. Наконец, я решил пойти пешком к моему зубному врачу, хотя это было очень далеко. Всю дорогу шпик шёл рядом со мной. Я чуть не лопнул от досады.

Зубному врачу я рассказал о нахальном шпике и просил помочь мне незаметно выбраться от него, так как у меня было в этот день много дел. После долгих поисков врач нашёл ход в соседний двор, откуда я мог уже свободно двинуться, куда мне было нужно, но на свидание к Папаше я уже опоздал, ибо провозился со шпиком до 5 часов вечера. Мне пришлось бросить свою квартиру. С Папашей я встретился в тот же день поздно вечером. Оказалось, что по одному из моих адресов послана из Питера крупная сумма денег на организацию съезда и без меня она не может быть получена. Так как необходимо было приготовить всё для отправки делегатов съезда обратно в Россию, а при такой слежке организовать дело без провалов оказалось почти невозможным, то было решено, что я еду пока в Женеву, а оттуда можно будет вернуться или в Берлин, или в другой подходящий немецкий город. Должен сказать, что я немало слежек пережил на своём веку, но не могу вспомнить без содрогания того длинного шпика, который путешествовал

рядом со мной через весь Берлин. До сих пор я вижу его жёлтое, нагло смеющееся лицо...

На III съезд партии прибыли представители почти всех местных организаций России, из которых несколько комитетов, главным образом южных городов, оказались на стороне меньшинства II съезда партии. Они собрались отдельно от III съезда партии и таким образом узаконили раскол в РСДРП. Достаточно просмотреть решения III съезда партии и решения меньшевистской конференции, которые были вынесены в одно и то же время по одним и тем же вопросам, чтобы стало ясно, что между большевиками, т. е. громадным большинством партии, и меньшевиками, тогда уже ничтожным меньшинством её, существуют громадные принципиальные разногласия по вопросам о роли пролетариата, либеральной буржуазии и крестьянства в буржуазно-демократической революции, о временном революционном правительстве, вооружённом восстании и т. д. (Решения III съезда и меньшевистской конференции 1905 г. разобраны Лениным в брошюре «Две тактики социал-демократии в демократической революции».)

Перед окончанием III съезда я выехал из Женевы в Лейпциг, откуда отправил делегатов съезда в Россию, а затем вернулся обратно в Берлин.

После съезда партии большевики-примиренцы, которые до съезда примкнули к меньшевистским группам содействия, вернулись к большевикам. Вообще наши большевистские заграничные группы содействия РСДРП были в то время очень полнокровны, многие их члены отправились на работу в Россию. Стал и я готовиться к отъезду на работу в Россию.

Когда я был ещё в Лейпциге, проездом через Берлин остановился там Красин (Никитич). Центральным Комитетом было поручено ему заведование всеми техническими делами партии в России. К нему явилось несколько большевиков-примиренцев во главе с Сюртуком (Коппом); они предложили транспортировать нашу литературу в Россию в качестве коммерческой автономной группы на определённых условиях (Красин до съезда был в примиренческом ЦК, поэтому он совсем не знал, в каком состоянии находится наш заграничный технический аппарат), в числе которых был пункт о том, что мы должны передать этой транспортной группе все наши связи. До-

говор уже был подписан, когда я вернулся в Берлин, а т. Красина уже не было за границей. Меня договор возмутил до глубины души, и я опротестовал его перед ЦК, который его аннулировал. Я начал передавать дела в Берлине Житомирскому и т. Гецову (тогда он был студентом) и обучать их упаковывать литературу и зашивать её в «панцыри». Во время этой передачи дел я опять заметил за собой усиленную слежку, которая вынудила меня сидеть дома в течение пяти дней, пока я не кончил сдачу дел и не покинул Германии.

Однажды я отдёрнул штору окна в комнате, где я временно жил, и, к своему ужасу, увидел того самого шпика, который заставил меня покинуть Берлин. Поэтому-то я и решил не выходить из дома, пока не кончу всех дел. Для меня тогда было загадкой, каким образом этот шпик мог узнать, где я живу, ведь ко мне ходил и знал мою квартиру только один Житомирский, а ему и я и заграничные партийные органы вполне доверяли. За день до моего отъезда в Россию Житомирский привёл ко мне М. Н. Лядова, несмотря на то что за мной следили и т. Лядов не имел права жить в Пруссии, откуда он был выслан.

Тов. Лядов благополучно выбрался, переночевав у меня, и мне удалось не менее благополучно выбраться из квартиры, а затем из Берлина и Германии и быстро переправиться через границу на Остроленко, через которую я переправлял немало товарищей. В середине июля я попал в Одессу, куда меня направил ЦК, избранный на III съезде партии.

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В ОДЕССЕ. АРЕСТ И ТЮРЬМА
1905—1906 гг.

В Одессу я приехал после потёмкинских дней. Организации всех партий, в том числе и организации нашей партии, сильно пострадали и ослабели как от арестов, так и от того, что многим партийным работникам пришлось оставить Одессу.

Прямо с явки я попал на заседание Одесского комитета партии. Оказалось, что ЦК предупредил Одесский комитет о моём приезде и последний меня кооптировал заочно в свой состав, назначив организатором Городского района.

На заседании комитета присутствовали тт. Гусев, Кирилл Правдин, Даниил Шотман и Шаповалов. Последний через несколько дней после моего приезда оставил Одессу. Работа в комитете разделена была между членами его таким образом: Гусев был секретарём (он же был связан со студенческой большевистской организацией и техническим аппаратом ОК), Кирилл был организатором Пересыпского, Даниил — организатором Дальницкого и я — организатором Городского района. Таким образом, в Одесской большевистской организации было до октябрьских дней 1905 г. три района. В Дальницком районе было тогда два подрайона — Фонтанский и Вокзальный; организатором последнего был т. Миша Вокзальный (М. Землюхтер). Насколько мне помнится, в других двух районах оформленных подрайонов не было. Через несколько дней после моего приезда в Одессу приехал Анатолий (Готлобер), который был также кооптирован в комитет, и ему было поручено заведование агитпропом комитета.

Комитет в этом составе существовал до 25 октября 1905 г. (ст. ст.) без изменения. Из товарищей, которые близко стояли к комитету того периода, я могу назвать Л. М. Книпович (Дяденьку), Наташу (Самойлову — активного партийного работника; умерла в 1921 г.), А. А. Самойлова, А. Е. Аксельрода (Сашу) и Виктора (фамилии его я не знал, и мне больше не пришлось встречаться с ним). Организация тогда (в 1905 г.) в Одессе, да и во всей России, снизу доверху была построена на принципе кооптации: на заводах, фабриках, в мастерских социал-демократы большевики, которые там работали, приглашали (кооптировали) в свои ячейки тех рабочих и работниц, которых они считали подходящими по сознательности и преданности рабочему делу. Наиболее активных и сознательных кооптировали в бюро ячеек. Районные комитеты крупных городов распределяли между своими членами работу по объединению всех ячеек части территории района (подрайона) и организации ячеек, где их ещё не было. Организаторы подрайонов кооптировали лучшие элементы ячеек в подрайонные комитеты. На место выбывшего члена подрайонного комитета (арест или отъезд кого-либо из членов подрайонного комитета) оставшиеся члены кооптировали других членов с согласия райкома. Райкомы же составлялись из лучших элементов подрайонных комитетов. Общегородские комитеты создавались из лучших работников районов, где таковые существовали, или из лучших элементов групп и ячеек какого-нибудь города, не имевшего районных подразделений. Вновь организовавшиеся комитеты подлежали утверждению ЦК, причём общегородские комитеты имели право кооптации новых членов. В случае если какой-нибудь общегородской комитет проваливался целиком, то ЦК партии назначал кого-либо в комитет, и назначенный или назначенные уже кооптировали подходящих товарищей из работников районов до необходимого количества.

Я нашёл нужным остановиться на форме построения наших тогдашних парторганизаций, ибо большинство теперешних членов нашей партии в таких организациях не участвовало, а ведь им это полезно знать.

Какова же была организация самого Одесского комитета и в чём выражалась его деятельность до октябрьских дней 1905 г.?

Комитет имел явки для внешнего мира (для ЦК и ЦО РСДРП(б) и для соседних парткомитетов — Николаевского, Херсонского и т. д.).

Приезжие товарищи попадали к секретарю Одесского комитета Гусеву. Гусев имел ежедневно кроме дней, когда заседал комитет, свои явки, где мы, члены комитета, могли его найти в определённые часы (явки бывали в кафе, в частных квартирах и т. д.). Заседания комитета были очень часты, не реже одного раза в неделю. Они происходили на частных квартирах, у сочувствовавшей нам интеллигенции. На заседаниях комитета обсуждались директивы ЦК, политическое положение, план проведения той или иной политкампании, тактические вопросы и вопросы профессионального движения. Часто обсуждались вопросы, связанные с агитпропагандой и с отношением к организациям других партий, которые существовали в Одессе и с которыми комитету нашей партии приходилось сталкиваться. Принятые комитетом решения переносились организаторами районов на собрания районных комитетов, которые обсуждали как самые решения, так и методы их проведения в жизнь.

Комитет издавал листовки по поводу всех политических событий (в Одессе была большая нелегальная типография ЦК, где мы печатали наши листки), распространял литературу, получаемую от ЦК и из-за границы, посылал ораторов на заводские летучки и на митинги, организовывал демонстрации, назначал руководителей кружков высшего типа для районов и т. д. Какие вопросы обсуждались на первом заседании комитета, куда я попал в день моего приезда в Одессу, я не помню. После заседания я получил явку к товарищам из Городского района и приступил к работе.

Я нашёл функционирующим районный комитет. В него входили: сапожник Володя Мовшович, Анна (Стриженая), портниха (я её потерял из виду), строительный рабочий Александр Кацап (Поляков) — позже, в Февральскую революцию 1917 г., обнаружилось, что он состоял агентом охранки с 1911 г., Яков — Экстерн (И. В. Штульбаум), Пётр — болгарин, фамилии не помню, рабочий с табачной фабрики Попова, один типограф и ещё несколько товарищей, имена и клички которых я забыл. Каждый из членов районного комитета был связан с группами и ячейками той профессии, где он сам рабо-

тал, а через них был связан с рабочими и работницами той же профессии. Таким образом осуществлялась связь Одесского комитета с рабочими фабрик, заводов и мастерских; организатор района связывал Одесский комитет с райкомом, члены же райкома связаны были с группами и ячейками, а члены ячеек и групп проводили директивы Одесского комитета и райкома среди рабочих, и, наоборот, они информировали райком, а те через районных организаторов — Одесский комитет о настроениях среди одесских рабочих. Как были организованы два других района Одессы, я не могу определённо сказать, так как мне не пришлось в них работать, но я думаю, что формы организации их не отличались сильно от форм организации Городского района. В Городском районе были главным образом мелкие предприятия: сапожные и портняжные мастерские, типографии, строительные конторы и артели, конторы и магазины, несколько табачных фабрик (самой крупной из них была фабрика Попова) и чаеразвесочная Высоцкого.

Райком заседал не реже одного раза в неделю, а иногда и чаще. Состав райкома был довольно квалифицированный. Все вопросы обсуждались подробно и обстоятельно. Как организатору района мне приходилось бывать во всех группах и ячейках района (у меня как организатора Горрайкома был помощник — С. Б. Бричкина), но больше всего я обращал внимание на работу среди рабочих и работниц табачных фабрик. Кроме собрания табачников, членов партии, мы собирали очень часто рабочих и работниц разных табачных фабрик, на которых присутствовало по 50—60 человек, где я выступал с докладами на разные темы.

Так шла и расширялась работа до середины сентября. С каждым днём мы получали всё новые и новые связи с различными предприятиями.

В Одессе зашевелились либералы: они назначали публичные заседания городской думы, где произносили громкие оппозиционные речи, и устраивали банкеты, на которых они вдоволь болтали. Вольнее стало дышать. Я не помню, чтобы с середины сентября в Одессе были аресты. Кое-где уже начались митинги в учебных заведениях.

В середине лета 1905 г. в Одессе кроме большевистского комитета существовали ещё комитеты меньшевиков, Бунда, эсеров и дашнаков. В конце августа или в начале

сентября был поднят вопрос об устройстве совещания из представителей трёх комитетов: большевиков, меньшевиков и Бунда. Точно не помню, какой из вышеназванных трёх комитетов выдвинул вопрос о совещании. Предполагаю, что инициаторами были бундовцы, ибо у нас с меньшевиками были очень обострённые взаимоотношения, значит, ни мы им, ни они нам не могли предлагать устройства совместного совещания. Думаю, что инициатива созыва совещания принадлежала бундовской организации ещё и потому, что организационно она была ближе к меньшевикам, но по многим тактическим вопросам тогдашнего времени одесские бундовцы солидаризировались с нами. Помню, что в нашем комитете обсуждался вопрос о совместном совещании и комитет согласился в нём участвовать, для чего т. Гусев и я были избраны представителями от комитета. Последним был намечен целый ряд вопросов для внесения на совещание (земская кампания, выборы в булыгинскую Думу и т. д.). Насколько я могу припомнить, было только одно собрание представителей трёх комитетов, которое так и кончилось ничем, ибо представители Бунда хотели, чтобы все три комитета уговаривались насчёт совместного практического проведения той или иной кампании, не встречающей разногласий, не вдаваясь при этом в обсуждение вопросов, по которым имеются разногласия. Так как у нас с меньшевиками были почти по всем вопросам тактики крупные разногласия и мы с ними боролись везде, где только встречались, то мы не могли согласиться на такие условия. Всё же попытка договориться не пропала бесследно. В октябрьские дни выступали совместно не только все социал-демократы, но и все революционные организации. Но об этом ниже.

В конце сентября начались митинги в университете первоначально только для студентов, но затем они постепенно превратились в народные митинги и стали беспрерывными. Организация митингов внешне находилась в руках студентов, фактически же ораторов выставляли все революционные партии. Конечно, на этих митингах выступали кроме представителей партий все, кто только хотел. Поэтому они носили хаотический характер. Помню такой курьёзный случай: бундовцы потребовали, чтобы им дали право выступать на их родном языке, ибо на митинге, по их словам, присутствуют также рабочие и ра-

ботницы, не понимающие других языков, кроме еврейского. Председатель митинга спросил собрание, кто из присутствующих не понимает по-русски, и громадное большинство митинга высказалось за то, чтобы говорить только по-русски. Бундовцы возмутились результатом голосования: им, мол, не дают равноправия; тогда, после нажима всех социалистических партий, собрание согласилось выслушать оратора на еврейском языке. Последний выступил и начал свою речь, в которой было больше 60% русских слов. Поднялся такой хохот, что сконфуженный оратор был вынужден оставить трибуну.

Мимоходом хочу отметить, что бундовцы создавали свои параллельные организации в Киеве, Одессе, Екатеринославе и других русских городах рядом с существующими организациями РСДРП, хотя они сами считали себя частью РСДРП. Одним из мотивов для оправдания своих действий они приводили то соображение, что в вышеназванных городах имелись рабочие и работницы, которые не знают русского языка. Странный мотив! Как будто местные комитеты РСДРП не могли работать и не работали среди этих слоёв рабочих и на еврейском языке.

Положение в России с каждым днём становилось всё революционнее: в Питере и во многих городах России, в том числе и в Одессе, в разных отраслях производства шли беспрерывно стихийные забастовки с экономическими и политическими требованиями. Из районов поступали в комитет сведения о решительном настроении рабочих. Митинги в университете становились всё более бурными, и было ясно, что массы ищут более революционных методов борьбы, чем митинги.

Приблизительно 12 (25) октября большевистский Одесский комитет стал обсуждать вопрос о более активных методах борьбы. Комитет единогласно решил призвать одесский пролетариат к политической забастовке с лозунгом: «Долой самодержавие», за созыв Учредительного собрания, а в первое воскресенье после начала забастовки назначить уличную демонстрацию. Комитет предложил всем революционным организациям совместно выступить с призывом к забастовке и организации демонстрации. Бундовцы и меньшевики согласились на это, но никак не соглашались со сроком начала забастовки (мы предложили начать забастовку в пятницу). Бундовцы заявили, что еврейские рабочие, среди которых они

работали, получают жалованье в пятницу и что поэтому они не откликнутся на призыв. Да к тому же, по их словам, и не следует звать на забастовку в этот день, ибо у еврейских рабочих не будет денег к существованию, если они не получат в пятницу жалованье. Меньшевики, согласные с доводами бундовцев, к этому прибавляли, что и в субботу тоже нельзя назначить забастовку, ибо русские рабочие получают жалованье в субботу. Согласились ли эсеры призывать к забастовке в пятницу, я не помню. На организацию совместной демонстрации с нами меньшевики, бундовцы и социалисты-революционеры не согласились. Большевистский комитет сам назначил забастовку на пятницу 14 октября и демонстрацию — на воскресенье 16 октября. О забастовке была выпущена листовка, а о демонстрации объявляли на митингах заводов, фабрик, мастерских, когда призывали к забастовке. О забастовке и демонстрации речь будет ниже. Здесь же я хочу остановиться на том, как периферия реагировала на постановления комитета о забастовке и демонстрации.

Тотчас же после заседания комитета мною был созван райком Городского района. Оба решения комитета — о забастовке и демонстрации — были одобрены, но по вопросу о проведении их в жизнь велись больше 6 часов невероятно длинные рассуждения. И они, наверно, так быстро не закончились бы, если бы члены райкома не увидели из окна квартиры, где мы заседали (окна выходили во двор полицейского участка; это была квартира Шаргородского на Почтовой улице, а комната — члена райкома Якова), что казаков держат уже наготове, а это значило, что в городе неспокойно. Когда члены райкома стали передавать директивы группам и ячейкам, то оказалось, что на многих предприятиях, как только до рабочих дошёл слух о назначении забастовки, работу уже бросили, не дождавшись официального призыва. К сожалению, я не могу указать, как прошла подготовка к забастовке в других районах. Меня только поразило, что, когда я, как говорится, бегал высунув язык по району после заседания комитета, я встретил организаторов остальных двух районов тт. Кирилла и Даниила, на мой вопрос: «Куда вы идёте?», они ответили, что направляются на заседание городской думы. Я не думаю, чтобы у них в районах был тогда такой хорошо функционирую-

щий аппарат, чтобы без них он мог провести директивы комитета. Очевидно, у них в районах связи были незначительны. Комитет решил призвать к забастовке все отрасли производства кроме водопроводчиков, пекарей и больничных служащих.

Насколько директивы комитета были выполнены и насколько дружно забастовка была проведена, теперь сказать трудно, но она, безусловно, охватила основные отрасли производства и была очень ощутительна. Многие отсталые заводы, с которыми партия не была связана, бросили работу и без призыва комитета, ибо к тому времени уже стали одесские железнодорожные мастерские и прекратилось железнодорожное движение по постановлению Всероссийского железнодорожного съезда, который заседал в это время в Питере.

Демонстрация была назначена, как я уже сказал выше, на воскресенье 16 октября. Сборный пункт был назначен на углу Дерибасовской и Преображенской улиц, против сквера. Это место было выбрано потому, что на воскресенье были назначены митинги во всех аудиториях университета, а прямо с митинга предполагалось двинуться на назначенное место демонстрации по Херсонской улице (университет находился на углу Херсонской, продолжением которой является Преображенская улица).

Одесский комитет назначил меня руководителем демонстрации, а для всех митингов были назначены товарищи, которые должны были выступать сейчас же по открытии митингов с предложением примкнуть к демонстрации. Организовано всё было неплохо, и демонстрация получилась довольно внушительная (для тогдашнего, конечно, времени). Лишь только демонстранты прошли несколько раз по назначенной улице, выкрикивая революционные лозунги (был ли красный флаг и пели ли революционные песни, точно не помню), как на них налетели казаки с нагайками и начали хлестать направо и налево. Они гнали демонстрантов с главной улицы на боковые.

Демонстранты не были вооружены (в комитете вопрос о вооружении в связи с демонстрацией даже не поднимался), поэтому, чтобы спастись от казаков, они опрокидывали стоявшие трамвайные вагоны, выворачивали камни из мостовой и бросали в казаков. Кое-где были разобраны железные решётки скверов.

Демонстрация группами рассеялась по всему центру города, вызывая всех из домов на улицу и останавливая извозчиков. Так продолжалось несколько часов. Стрельбы во время демонстрации, насколько могу припомнить, не было, и серьёзно пострадавших со стороны демонстрантов от казацких нагаек также не было, хотя кое-где после разгона демонстрации из опрокинутых трамвайных вагонов делали баррикады, которые казаки брали «с боем».

Мы все, организаторы районов, собрались на явку к т. Гусеву, и каждый докладывал, что он видел. Тогда мы все считали, что демонстрация удалась. После этого я отправился на явку Городского района. Так как она была в противоположной стороне от комитетской явки (около Молдаванки), то мне пришлось пройти через весь центр города. На улицах было большое оживление, хотя уже было часа 4—5 дня, а демонстрация закончилась в $12^{1}/_{2}$—1 час. Несмотря на оживление, на улицах совсем не было видно ни полиции, ни казаков. Когда я подошёл уже к явке, из-за угла выскочил конный отряд городовых с наганами в руках. Отряд вдруг остановился и без всякого повода и предупреждения выстрелил в упор в стоявших по обеим сторонам улицы жителей, после чего столь же быстро ускакал обратно.

Как выяснилось вечером того же дня, когда мы собрались вновь на явке комитета, такие же наскоки и расстрелы мирно стоявших жителей около своих квартир, свидетелем одного из которых я был сам, повторялись во всех частях города, где жили рабочие и городская беднота. На собрании комитета, устроенном тут же на явке, мы все были взволнованы налётами полиции, её убийствами. Только т. Гусев не проронил ни слова и всё время что-то записывал. Когда все кончили свою информацию, т. Гусев прочёл нам написанное им короткое воззвание о событиях дня, где было указано на необходимость продолжать забастовку и где рабочие призывались вооружаться, кто чем может, ибо борьба переходила уже в вооружённую. Воззвание было единогласно одобрено. Тут же было решено готовиться к похоронам жертв этого дня, для чего т. Гусев и я были уполномочены вести по этому вопросу переговоры со всеми революционными организациями Одессы. Раненых и убитых свезли в Еврейскую больницу на Молдаванке. Чтобы полиция не украла убитых, был организован постоянный патруль из предста-

вителей всех революционных организаций, а федеративный комитет последних, который был создан, выработал план похорон. К Еврейской больнице, где лежали раненые и убитые, всё время подходили рабочие, а в университете продолжались митинги.

Утром 31 (18) октября я возвращался в центр города из Еврейской больницы, где лежали убитые. Настроение у меня было невесёлое. Вдруг откуда ни возьмись со всех сторон появился народ. Тут были рабочие, студенты, гимназисты, женщины, обыватели, интеллигенция, мальчишки — словом, всё смешалось. У всех радостные, весёлые лица. Вслух читают манифест 30 (17) октября. Тут и там слышно недружное пение революционных песен. Обыватели поздравляют друг друга со свободой. Наконец, появились красные знамёна, и среди манифестантов начался спор о том, куда идти: к тюрьме или к думе (признаться, я ратовал за думу; я живо вспомнил, что в Париже инсургенты первым делом захватывали думу, хотя тогда, находясь на улице среди толпы и ратуя за то, чтобы демонстрация направилась к думе, я не верил манифесту и мне казалось, что он только ловушка, чтобы выявить и изъять революционные элементы России). Толпа разделилась: одна часть со знамёнами пошла к тюрьме, а другая, к которой присоединился и я (каким-то образом одно знамя попало мне в руки), направилась через главные улицы к думе. Манифестанты заставляли военных снимать шапки перед красными знамёнами. Когда демонстрация прошла через Дерибасовскую улицу, где тогда жила вся одесская знать, на балконах появились красные ковры, платки, кое-где играли «Марсельезу» (через день, когда начался ужасный погром, то на этих же балконах висели уже царские флаги и портреты и музыка уже играла «Боже, царя храни»).

На думе взвился красный флаг, а около городской думы открылся митинг. Народу было очень много. Говорили много и длинно, но когда проехал небольшой отряд казаков, то участники митинга вмиг разбежались, и я остался почти один с председательским колокольчиком в руке. Когда казаки проехали, толпа опять придвинулась к входу в думу, митинг возобновился и уже длился до вечера. Я вошёл в думу. Кое-где были сняты и порваны царские портреты, везде ходил народ без всякого руководства. Я направился в комнату, где заседала часть членов

городской управы. Они обсуждали вопрос о городской милиции, ибо полиция совсем отсутствовала на улицах. Члены управы спорили о значках для милиционеров. Я спросил, кого они хотят взять в милиционеры и имеется ли в думе оружие. На мои вопросы я получил вполне ясный ответ: они предложат через домовладельцев квартиронанимателям выделить из своей среды невооружённых милиционеров, которые должны отличаться от остальных граждан значком; форму такого значка думские мудрецы и выдумывали на заседании.

Я предложил вооружить рабочих через революционные организации. Меня поддержало несколько человек, которые тут же присутствовали, как и я, очевидно, были посланы революционными организациями, и только что явившийся т. Гусев, но думцы заявили, что у них нет ни оружия, ни денег для закупки его. Они ещё добавили, что после манифеста вряд ли понадобится вооружать рабочих.

Когда уже смеркалось, стали доноситься слухи, что на Молдаванке начался еврейский погром. В думу явился ещё кто-то из членов комитета. Мы тут же решили созвать вечером общее собрание членов партии, а меня послали посмотреть, что делается на Молдаванке.

Там я увидел такую картину: группа молодых парней, человек в 25—30, среди которых были переодетые городовые и охранники, ловят всех мужчин, женщин и детей, похожих на евреев, раздевают их догола и избивают, но при избиении полиция не ограничивалась одними евреями. Когда ей в руки попадались студенты, гимназисты, их также жестоко избивали. Громилы действовали на Треугольной улице. Немного поодаль стояло много зрителей, которые наблюдали вышеописанную картину. Мы тут же сорганизовали группу вооружённых револьверами лиц (после демонстрации в комитет попало некоторое количество наганов, из них один получил и я), подошли ближе к громилам и выстрелили в них. Они разбежались. Но вдруг между нами и громилами выросла стена солдат лицом к нам в полном вооружении. Мы отошли. Солдаты удалились, и опять появились громилы. Так повторялось несколько раз. Мне стало ясно, что громилы действуют с согласия военных властей.

Я отправился на собрание членов Одесской организации нашей партии. Оно уже было открыто. Собрание произвело на меня грустное впечатление. Аудитория универ-

ситета, где происходило партсобрание, была очень тускло освещена. Настроение присутствовавших товарищей было угнетённое. Меня поразил состав собрания: на нём присутствовало немало народу, но выделялись главным образом женщины, и мне казалось, что их большинство. Почти совсем отсутствовали русские рабочие (мне казалось тогда, что причина неявки русских рабочих на вышеназванное собрание лежит в плохом оповещении членов партии, ибо собрание было экстренно созвано; но и последующие собрания у нас, у меньшевиков и эсеров показали сравнительно небольшой процент участия русских рабочих в партийных собраниях, хотя влияние всех революционных организаций Одессы на русских рабочих было очень велико, что показали октябрьская демонстрация, октябрьская и ноябрьская забастовки).

Собрание заслушало информацию о манифесте и его значении и сообщение о начавшемся погроме. Было решено совместно со всеми революционными организациями организовать вооружённый отпор громилам и призвать население к самообороне.

Был создан федеративный комитет из представителей всех революционных организаций. Кроме большевиков, меньшевиков, бундовцев и эсеров на его собраниях, кажется, ещё присутствовали представители от дашнаков [1] и поалейционистов [2] или «серповцев» [3]. Вновь созданный

---

[1] *Дашнакцутюн* (буквально — организация) — мелкобуржуазная армянская националистическая партия, возникшая в конце XIX в. и ставившая своей целью борьбу за национальную независимость армян в России и Турции. Подобно ППС (польской социалистической партии) дашнакцутюн для привлечения широких масс прибегала к полусоциалистической фразеологии. Впоследствии она вошла в состав II Интернационала. При царском самодержавии дашнакцутюн была союзником партии социалистов-революционеров. После Октября дашнакцутюн выступила решительным врагом Советской власти. В 1918—1920 гг. в Армении дашнакцутюн стояла у власти и вела войну с турками, мусульманами Азербайджана и с Грузией. После установления в Армении Советской власти дашнакцутюн как контрреволюционная организация потеряла всякое влияние на массы.

[2] *Поалей-Цион* — одна из группировок среди сионистской, еврейской, мелкой буржуазии, возникшая в 1905 г. и стремившаяся соединить несоединимое — марксизм с сионизмом. После Октябрьской революции среди ПЦ произошёл раскол и часть его вошла в РКП(б).

[3] Название «серповцы» происходит от инициалов СЕРП, что означает социалистическая еврейская рабочая партия. СЕРП возникла в 1905 г. как одна из мелкобуржуазных группировок эсеров-

революционный орган находился всё последующее время в университете.

Всю ночь с 31 (18) на 1 ноября (19 октября) и утром 1 ноября (19 октября) в университете происходило столпотворение: приходили и уходили массы народа. Одни приносили разного рода оружие, другие — деньги и всякие ценные вещи для реализации их на покупку оружия. В это же утро стали формироваться вооружённые отряды, которые посылались против громил.

За два дня и три ночи было послано множество вооружённых отрядов, но им мало удалось сделать, ибо везде, где работали громилы, их прикрывали полиция, казаки, кавалерия, пехота и чуть ли не артиллерия. Так, в Дальницком районе железнодорожные рабочие организовали сильный отряд, который 1 ноября (19 октября) успешно разгонял громил, но должен был отступить перед войсками с большими потерями, так как последние применяли оружие против революционных отрядов. Кое-где, там, где не было солдат, самооборона и вооружённые отряды действовали успешно против громил, и нередко, разбив оружейные магазины, они доставляли оружие в штаб федеративного комитета. Жертв со стороны отрядов самообороны было очень много, не говоря уже о жертвах со стороны еврейского населения.

Я должен здесь отметить геройство отряда студентов морской школы. Они понесли много жертв в борьбе с громилами.

Ночью после второго дня погрома стало ясно, что вооружённая борьба, которую ведёт федеративный комитет, не даёт значительных результатов, ради которых стоило бы нести столько потерь. Борьба была организованно прекращена. Больше отрядов не посылали, хотя кое-где ещё продолжали действовать те отряды, которые не вернулись в университет, и самооборона самого населения. (Инициатива прекращения борьбы исходила от т. Гусева. Он заявил мне, что борьба бесполезна, ибо силы борющихся неравны, и нам необходимо сохранить наши кадры, так как борьба с самодержавием ещё предстоит долгая и упорная. Такого же мнения были и остальные члены федеративного комитета.)

ского толка. Лидером этой группировки был доктор Житловский. После Октябрьской революции СЕРП стала на позицию правых социалистов-революционеров.

Погром начался и кончился вполне организованно: как только положенный царскими сатрапами срок — три дня — прошёл, погром сразу же прекратился. Администрация университета получила ультиматум от властей очистить его от революционных организаций к определённому сроку (срок совпал с окончанием погрома), было заявлено, что в противном случае, университет будет занят воинскими частями.

Было решено удалить всех из университета, предварительно отобрав у них оружие, чтобы оно не попало в руки властей. Университет был быстро очищен, и никто из выходивших оттуда действительно не был задержан. Вообще вблизи университета не было ни солдат, ни полиции: они, очевидно, боялись бомб. Зато все улицы Одессы были заняты патрулями солдат под руководством полиции. Под видом поисков оружия пьяные патрули отбирали у прохожих кошельки, часы, кольца и пр. Для иллюстрации правопорядка, существовавшего в Одессе уже через несколько дней после погрома, приведу здесь один эпизод. Спустя несколько дней после погрома я пришёл к моим друзьям Итиным посмотреть, уцелели ли они, ибо я их целую неделю не видел. Жили они в центре города, на углу Екатерининской и Успенской улиц. Сидели и разговаривали о происшедших событиях, как вдруг послышались выстрелы и полетели пули в потолок, ближе к стене, что против окон (окна выходили на улицу, а квартира была на третьем этаже). Когда мы бросились к окнам, то увидели, что около дома, против наших окон, стоит патруль. Тут же суетятся и полицейские власти. Дом был оцеплен, и никого не выпускали из него. К этому дому стали стягивать все роды оружия, вплоть до лёгкой артиллерии. Мы сидим в комнате и ждём, что будет дальше. Наконец, в квартиру ворвалась банда полицейских и офицеров. Солдатами был заполнен весь коридор квартиры и вся лестница. Первым делом начальство бросилось к нам в комнату с криком: «Кто отсюда стрелял в патруль?» К счастью для нас, внутренние рамы окон уже были замазаны, значит, если бы мы даже стреляли из форточек, то пули попали бы в окна дома противоположной стороны, а отнюдь не в патруль, который стоял на середине улицы. Всё это мы им изложили. Тем не менее всех нас согнали в одну комнату, в которой они предварительно перевернули всё вверх дном, после чего стали

вызывать для допроса поодиночке согласно записям в домовой книге. Вызванных обыскивали и тут же учиняли допрос. Спрашивали подробно обо всём и ко всему страшно придирались. Я очень долго думал, как мне быть: ведь я в этом доме не живу, значит, меня не вызовут, но солдат, который стоял около дверей комнаты, где мы все находились, видел меня. Если же теперь начальство меня увидит, а я в домовых книгах не записан, то меня возьмут в участок для установления личности, и тогда пиши пропало, ибо в те дни в участках убивали. Я решил спрятаться за дверью комнаты. Долго мне там пришлось стоять, ибо обыск и всё сопутствующее ему длились очень долго, но зато мне повезло: меня не заметили, я вывернулся. Когда банда оставила квартиру, меня охватил ужас. Я вспомнил, что в этом же доме в первом этаже находится ящичная мастерская, дверь и окна которой выходят на улицу. В этой мастерской помещалась нелегальная типография ЦК, в которой и Одесский комитет партии печатал свои листовки. Я думал, что обыск будет во всём доме, значит, и внизу (если бы действительно в патруль стреляли из нашего дома, то это могло быть только из первого или второго этажа: оттуда легко было стрелять; но никакого выстрела, кроме залпа в наши окна, не было слышно). А если бы добрались до типографии, то всех уложили бы на месте. Меня сильно беспокоила всю ночь судьба товарищей из типографии. Пойти посмотреть я не решался ввиду моего липового положения в этом доме, посылать же кого-либо из Итиных посмотреть, что делается внизу, я тоже не мог, так как пришлось бы сказать им, что там находится типография, а они этого не знали, несмотря на то что квартиру Итиных использовала типография и сами Итины, муж и жена, работали в Одесской организации... Я целую ночь не ложился, прислушиваясь к каждому стуку и крику в доме. Наутро я выбежал на улицу посмотреть, что делается в ящичной мастерской: она была открыта, как всегда. Оказалось, что обыск был лишь во втором и третьем этажах. Что пережили обитатели типографии во время обыска, можно себе представить.

На своём первом после погрома собрании Одесский комитет партии расширил свой состав: были кооптированы токарь железнодорожных мастерских Иван Авдеев, Став-

ский, Зека (впоследствии оказался провокатором) и несколько товарищей, имена и клички которых улетучились из моей памяти.

Первое расширенное комитетское собрание было на квартире Шкловского. Оно занималось организационными вопросами. Необходимо было перейти к построению Одесской организации на выборных началах, хотя было решено парторганизацию официально не легализовать. Я сделал информационный доклад о построении местных организаций германской социал-демократической партии, после чего был довольно обстоятельный обмен мнениями о том, как сейчас начать реорганизацию Одесской организации. В эти дни приехал из Питера большевик агент ЦК Лёва (Владимиров) с лозунгом объединения с меньшевиками во что бы то ни стало, не дожидаясь объединения двух центров сверху. К нему присоединился большевик Барон (Эдуард Эссен), который приехал в Одессу до погрома. Их лозунг встретил в среде членов партии, как меньшевиков, так и большевиков, горячий отклик. И это было вполне понятно: слабость и разрозненность тех немногих сил, которые были в наличности, сильно били в глаза каждому члену партии во время погрома. Товарищи Лёва и Барон на общегородском собрании членов Одесской организации по докладу т. Гусева о форме организации после манифеста 30 (17) октября выступили за немедленное объединение с меньшевиками. Комитет не возражал против объединения, но был решительно против метода объединения снизу. Одесский комитет был частью партии большевиков, во главе которой стояли ЦК и ЦО, избранные на III съезде партии. Как же возможно в Одессе объединение с меньшевиками без ведома и согласия ЦК нашей партии? Барон и Лёва, наоборот, предлагали объединение без согласия ЦК, чтобы этим оказать на него давление снизу. Для комитета было ясно, что предложение об объединении пройдёт громадным большинством на собрании членов партии и у нас и у меньшевиков, ибо везде, где выступали сторонники немедленного объединения, они получали почти все голоса. Поэтому большевистский комитет был вынужден заняться помимо своего желания выработкой условий объединения. Сделать это было необходимо, иначе объединение произошло бы без всяких условий. Последние были выработаны в таком виде:

1. Избирается паритетный комитет из 10 членов; из них 5 избираются общим собранием членов партии большевиков и 5 членов — общим собранием членов партии меньшевиков. Этот комитет проводит уже фактическое объединение всей организации, после чего общее собрание членов обеих организаций избирает уже постоянный комитет.

2. Одесский паритетный комитет поддерживает связь с ЦК большевиков и с ОК меньшевиков.

3. Одесская объединённая социал-демократическая организация посылает своих представителей от обоих течений на съезды и конференции большевиков и меньшевиков до их объединения.

Эти три пункта были самыми главными из того проекта, на основании которого произошло фактически объединение в Одессе.

Положение твердокаменных большевиков в комитете было тяжёлое: мы были против объединения, и мы же вели переговоры об объединении. Больше того, некоторые из нас вынуждены были выставлять свои кандидатуры в паритетный комитет, дабы в руководящем органе Одесской объединённой парторганизации было хоть несколько выдержанных большевиков. Я тогда не мог понять действий тт. Барона и Лёвы. Я их знал раньше как активных большевиков. Как же теперь они проводили объединение так хаотично, не дожидаясь объединения на общепартийном съезде? (Впрочем, т. Лёва оказался в 1909—1916 гг. «перманентным объединенцем».)

В паритетный комитет от большевиков оказались избранными: Гусев, Лёва, Кацап (его тогда избрали исключительно за то, что он во время погрома кое-где выступал среди погромщиков с призывом прекращения погрома; за это его погромщики избили или собирались избить; в Городском районе, где я с ним работал, он выделялся лишь своими длинными и невероятно путанными выступлениями на собраниях райкома), Роберт (молодой парень, краснобай, который яростно выступал за объединение; до того момента я его нигде не видел); кто был пятым, я не помню,— не то Барон, не то Кирилл. От меньшевиков вошли: Столпнер, Шавдия, Степан Иванович, Фридрих и П. Юшкевич.

На меня произвели гнетущее впечатление погром с его ужасами, участие отсталой части русских рабочих и кре-

стьян в грабежах, крестьяне для этого прибыли из ближайших деревень, бессилие революционных организаций и слабость социал-демократов всех течений в Одессе. К тому же мне было неясно: кто же в конце концов извлечёт пользу из гигантской борьбы прошедшей недели — буржуазия, пролетариат или царская бюрократия? На душе у меня было очень скверно.

Необходимо сказать ещё несколько слов об Одесском Совете рабочих депутатов. Организация Совета в Одессе прошла для меня незаметно, и у меня в памяти не сохранилось даты его образования. Думаю, что это было уже после объединения большевиков и меньшевиков в одну парторганизацию, ибо большевистский комитет не обсуждал вопросов, связанных с Советом.

Так как Питерский Совет рабочих депутатов имел колоссальный авторитет среди рабочих всей России, то рабочие одесских фабрик и заводов выбирали своих представителей в Совет по первому призыву объединённого комитета социал-демократов. Выборы на табачных фабриках от рабочих и работниц, среди которых я продолжал работать, прошли совсем незаметно.

Сам Совет заседал не то в столовой портовых рабочих, не то в столовой какой-то фабрики около порта. В Совете были представлены все фабрики, заводы и мастерские. Заседание Совета, на котором я был, прошло очень вяло. Видно было, что члены Совета ещё не понимали задач и тех методов, которые этот орган может применить в борьбе с самодержавием. Неуверенно вёл собрание и президиум. Председателем Совета был избран студент-меньшевик Шавдия — член объединённого комитета социал-демократов. Многие рабочие и работницы его знали, ибо он часто председательствовал на митингах в университете. Где заседали исполнительный комитет и президиум Совета, я не помню. Явки его бывали в чайных и столовых, которые открыли Бунд и другие организации, где по целым дням толпилась активная публика, рабочие и работницы. Во всяком случае исполнительный комитет и президиум заседали не открыто. Исполнительный комитет издавал «Известия Совета рабочих депутатов» нерегулярно. Орган этот печатался нелегально, захватным порядком, в разных типографиях, откуда отвозился на частные квартиры. Оттуда уже его распределяли для распространения в Одессе, а также отправляли в Николаев

и Херсон. Влияние на Совет других организаций кроме социал-демократов было ничтожное. Должен отметить, что декабрьская забастовка, проведённая революционными организациями и Советом, была первой в Одессе действительно всеобщей стачкой и длилась несколько дней. Она могла бы превратиться в вооружённое восстание, если бы Совет и революционные организации призывали к нему.

Вся жизнь остановилась: не было торговли, не горело электричество, и даже бастовали аптеки, несмотря на то что сейчас же после объявления забастовки было объявлено военными властями военное положение, которое грозило за участие в забастовке всякими репрессиями. Помню, что в день объявления забастовки у меня на квартире находились товарищи, которые руководили этой забастовкой. Откуда только не являлись за представителями Совета, чтобы последние разъяснили причины забастовки и разрешили бастовать! Я был послан к фармацевтам на большое собрание. На собрании присутствовали и военные фармацевты. Обсуждался вопрос о забастовке. На этом собрании выступали и противники её, но после нашего выступления громадное большинство присоединилось к бастующим. Забастовка прошла поразительно дружно. Она была прекращена только после поражения московского восстания.

Мимоходом хочу указать на разницу отношения буржуазии к октябрьской и декабрьской забастовкам. За дни забастовки в октябре рабочим было уплачено полностью без борьбы. В декабре же фабриканты категорически отказались платить, несмотря на давление Совета. Так, например, рабочие табачной фабрики Попова потребовали уплаты за дни забастовки. Так как Попов отказался, рабочие бросили работу, после чего активные товарищи во главе с болгарином Петром пришли ко мне. Сколько я ни уговаривал их немедленно стать на работу без уплаты за дни забастовки, они не соглашались. Не согласилось со мной и собрание активных рабочих и работниц. Результат получился очень печальный. Попов не только не уплатил, но ещё выкинул с работы всю головку. Такая же участь постигла рабочих и других заводов. Совет же был бессилен что-либо сделать. Роль его свелась к нулю, и он так и сошёл со сцены незаметно. Ни Совет, ни исполнительный комитет даже не были арестованы. Сейчас же после

декабрьской (1905 г.) забастовки начался в Одессе экономический кризис, результатом чего было большое количество безработных.

До объединения у большевиков в Одессе было три района, у меньшевиков — четыре. При объединении меньшевики получили большинство в трёх районах из четырёх. На меньшевистскую общероссийскую конференцию от Одессы был избран от меньшевиков, кажется, Столпнер, а от большевиков — Александр Кацап (очень невыдержанный). Комитетом издавалась без его фирмы ежедневная небольшая газетка «Коммерческая Россия», которая прекратила своё существование одновременно с окончанием декабрьской забастовки. Секретарём редакции был т. Гусев, но большинство в редакции имели меньшевики. Кое у кого из большевиков, которые раньше стояли за немедленное объединение, уже зародились тревожные сомнения по поводу объединения с меньшевиками без общего объединения во всероссийском масштабе. Я же продолжал работать среди табачников, но в то же самое время стал подумывать о переезде в столицу.

15 (2) января 1906 г. вечером я был арестован на собрании Городского районного комитета. На собрании присутствовало десять членов райкома, из них четыре большевика: я — от табачных фабрик, Володя (Мовшович) — от сапожных ячеек, один товарищ — от портных и Пётр Лебит — от гладильщиков; остальные — меньшевики. Кроме десяти членов райкома были взяты организатор Городского района (меньшевик, фамилию его я забыл) и два члена Одесского комитета (меньшевик т. Шавдия и ещё кто-то). В комитете были разногласия по какому-то вопросу, поэтому на заседание явились сторонники обоих мнений, но мы так и не успели заслушать их.

Арестовали нас с помпой (очевидно, Шавдия проследили, ибо его знали как председателя Совета). Вся улица была занята войсками. В квартиру, где мы заседали,— на Госпитальной улице, на Молдаванке,— ворвались жандармы, офицеры, шпики, солдаты, околоточные и прочая банда. Они были убеждены, что в остальных комнатах заседает Совет, а там, где мы находимся, заседает исполнительный комитет Совета, поэтому они оставили в нашей комнате солдат, а сами ушли рыскать по всему дому. В это время каждый из нас вытащил всё из карманов и разорвал на мелкие куски. Когда эта операция была

закончена, в комнату вернулись жандармы. Они набросились на солдат за то, что те допустили уничтожение документов, но солдаты отвечали, что они никаких приказов на этот счёт не получили. На вопрос жандармов, кто именно рвал, солдаты ответили, что все.

Документов порвали порядочно — весь пол был густо усыпан кусочками бумаги. Жандармы всё это собрали, но трудились они напрасно: им не удалось составить ни единого документа. К утру нас всех, в том числе и больного хозяина квартиры рабочего-гладильщика и его жену, доставили в тюрьму.

После всех процедур и обысков в конторе и коридоре тюрьмы меня водворили в вонючую, полутёмную, сырую и холодную одиночку в полуподвале. Это было уже под утро. На душе было весьма неважно. Рано утром обитатели нашего коридора пошли на прогулку, и, когда мы очутились во дворе тюрьмы, я увидел много знакомых лиц. Товарищи, попавшие сюда раньше, познакомили меня с порядком тюрьмы и перечислили тех товарищей, которые находятся «на отдыхе» в замечательном одесском царском «санатории», именуемом тюрьмой. Днём меня перевели во второй этаж, а на следующий день я пошёл на прогулку с политическими арестованными второго этажа. Через несколько дней я был уже знаком с политическими обитателями всей тюрьмы. Кого только здесь не было: меньшевики, большевики, сторонники крестьянского и железнодорожного союзов, эсеры, бундовцы, анархисты, налётчики — «чёрные вороны» — и не принадлежавшие к вышеперечисленным организациям и категориям рабочие и крестьяне. Последних привозили из близлежащих к Одессе деревень. Разнообразие было и в возрастах: были седые старики и совсем мальчики. Были даже калеки, которые с трудом передвигались. Не отставал и женский корпус — и там были не менее разновидные обитатели. Жандармы поистине хватали направо и налево, невинных и виновных. Они, очевидно, хотели вознаградить себя с лихвой за вынужденное освобождение заключённых из тюрем по амнистии после октябрьских дней.

Но вот нас поодиночке стали вызывать в контору на допрос. Допрашивал меня охранник в мундире, а около комнаты, где снимался допрос, шныряли шпики в штатском.

При аресте я назвался так, как был заявлен в полиции, и дал свой правильный адрес, несмотря на то что у меня на квартире лежали пачки с «Известиями Совета рабочих депутатов» (кто-то из товарищей привёз их ко мне перед тем как отправить в Николаев; не то связь с Николаевым была утеряна, не то товарищу неохота было ехать — пачки остались у меня лежать). Я рассчитывал, что мои друзья, с которыми я жил на одной квартире (в разных комнатах, конечно), увидят, что меня нет до часу ночи, и очистят мою комнату. Вышло ещё лучше. Тов. Гусев был в вечер моего ареста на Госпитальной улице. Когда он увидел, что улица представляет военный лагерь, он догадался, что собрание провалилось. Ему удалось быстро установить, что провалился Городской райком. Тогда он послал сообщить, чтобы очищали квартиры тех товарищей, которые провалились. Ко мне на квартиру он зашёл сам.

Паспорт, по которому я жил, был «железный»[1]. Я знал все подробности, которые нужны для допроса: имя матери, отчество отца и пр. и пр. По этому паспорту я был не то сапожником, не то портным, и владелец моего документа никогда не привлекался по политическим делам. Прошло несколько дней, раньше чем меня вызвали на допрос. Из этого факта я сделал вывод, что у меня ничего не нашли. Поэтому я отправился на допрос совершенно спокойно (хотя меня немного беспокоил фотографический снимок, выставленный в витринах одной фотографии, где была изображена манифестация и митинг около городской думы при объявлении манифеста 30 (17) октября, там моя физиономия была очень ясно видна). После записи всех формальностей насчёт родных и пр. охранник заявил, что наше собрание являлось исполнительным комитетом Одесского Совета рабочих депутатов и что нас будет судить военный суд. Я заявил, что, так как в Одессе масса безработных, а им никто

[1] Партийные товарищи, жившие на нелегальном положении, пользовались или специально приготовленными фальшивыми паспортами (фальшивками — с вымышленными фамилиями, именами, местами жительства, с поддельной печатью и т. д.), или копиями чужих паспортов, выданных из официальных учреждений на имя действительно существующих лиц, или же чужими паспортами. Последние паспорта считались более надёжными и назывались иногда «железными» или просто «железками».

помощи не оказывает, мы собрались потолковать об организации помощи безработным. Причём я добавил, что мне не удалось выяснить, кто и от каких организаций присутствовал на этом собрании, так как полиция явилась до открытия собрания (мы уговорились ещё до вызова нас, как держать себя на допросе). Охранник сказал, что у него имеются доподлинные документы, изобличающие нас, как исполкомовцев. Из всех 15 человек по нашему делу они имели данные лишь против Шавдия (он выступал открыто как председатель Совета) и против Мовшовича (у него было найдено много социал-демократической литературы, но только по одному экземпляру и талонная книжка Одесского комитета по сбору денег на вооружение). После этого допроса нас больше пяти месяцев никто из жандармов не тревожил.

Режим в тюрьме был сносный. Прогулки были длительными. Во время прогулок заключённые играли в мяч, устраивали бег и прочие игры. Свидания давали личные в присутствии жандармов, но лишь по 6 минут в неделю. Можно было посещать товарищей из других камер в том же коридоре. Сидели большей частью по двое в камере. Газеты мы получали, несмотря на запрет тюремного начальника, ежедневно. Каждый день после проверки газеты читались у окна, в хорошую погоду, вслух. Так протекали дни, недели и месяцы. Газеты трубили изо дня в день об амнистии в день открытия I Государственной думы. Разговорам об амнистии не было конца, а военные суды в Одессе выносили суровейшие каторжные приговоры по любому пустяковому поводу. Достаточно было попасть в лапы военного суда политическому рецидивисту, и каторга на 4—8 лет была обеспечена.

В 1905 г. было издано много марксистских книг, и я набросился на чтение. На воле мне удавалось читать очень мало, урывками, ибо я всегда был поглощён практической работой.

В это же время в партии шли приготовления к Стокгольмскому IV (Объединительному) съезду. Тезисы и статьи большевиков и меньшевиков попадали и к нам в тюрьму. Конечно, не обходилось в тюрьме и без дискуссий по вопросам о бойкоте I Государственной думы и др.

В это же время провалились целиком Одесский комитет партии и предвыборное собрание, созванное для выбора делегатов на объединительный съезд партии.

В повседневную тюремную жизнь ворвались два события, которые перевернули всю тюрьму вверх дном, и я хочу вкратце на них остановиться. В Одессе после декабрьских дней появились налётчики под различными названиями — «чёрные вороны» и пр. Уголовные элементы частенько прикрывались именами различных организаций, чтобы легче было грабить. В них не было, конечно, ничего идейного. «Чёрные вороны» делали свои налёты среди белого дня и буквально терроризировали всю буржуазию Одессы. Терроризировали буржуазию и анархисты, которые устраивали экспроприации и бросали бомбы в кафе, где кутила буржуазия. Немало тёмных, преступных элементов примазалось тогда к идейным анархистам, которые искренно наивно думали, что, бросая бомбы в кафе, они уничтожают буржуазию и этим самым избавляют пролетариат от борьбы и улучшают его положение. Буржуазия, напуганная налётами, двинула весь полицейский и военный аппарат на борьбу с ними. Военные суды работали не покладая рук. Они осуждали всех, кто попадал к ним в лапы, невероятно сурово. В тюрьме появился первый смертник. Тюрьма насторожилась. Она жила некоторое время исключительно им, узнавала, как он себя чувствует, гуляет ли, имеет ли всё, что ему нужно, спит ли и пр.

Не успели тюремные жители привыкнуть к пока ещё живым смертникам, как сама насильственная смерть заглянула в тюрьму. Дело в том, что одесская тюрьма была на военном положении, и там, где политические гуляли, всё время дежурили солдаты. Как-то днём, после прогулки заключённых нашего коридора, мимо наших окон прошёл отряд солдат во главе с офицером (как выяснилось впоследствии, фамилия офицера была Тарасов). Лично я первый раз видел офицера в тюрьме, обыкновенно патруль менял взводный или старший унтер-офицер. Кто-то из первого этажа крикнул: «Долой самодержавие!» Офицер тогда остановил солдат и грозно спросил: «Кто крикнул — долой самодержавие?» Все арестованные вскочили на окна и начали смотреть на чудака-офицера, который хорохорится. Кто-то из нижнего этажа отвечает Тарасову: «Ну хотя бы я крикнул, что же дальше?» Тогда офицер выстроил солдат против окон того товарища, который ответил ему, и сказал: «Если ты анархист, социал-демократ или просто честный человек,

то стой на своём месте и не двигайся!» Заключённые, которые смотрели из окон на эту картину, были в недоумении, одни хохотали над чудаком-офицером, другие же ему кричали: «Ведь мы сидим в тюрьме за то, что мы — против самодержавия». Я был в соседней камере у тт. Лебита и Мовшовича. Мы втроем тоже смотрели на эту жуткую картину. Кто-то крикнул, что даже во время военного положения в тюрьме хозяином всё же является тюремный начальник, а не караульный офицер. Тарасов в это время выстроил солдат и приказал им держать ружья наготове. Когда все приготовления были закончены, он предложил сосидельцу товарища, завязавшего разговор с Тарасовым, слезть с окна. Так как он не слез, то офицер скомандовал «пли», и тотчас же раздался залп. Вмиг все бросились к дверям, и начался адский стук во всей тюрьме. Тут «на помощь» пришли уголовные[1]: они отмычками открыли нам, всем политическим, двери.

Все политические кинулись вниз, на круг. Два товарища были тяжело ранены, через несколько дней один, а может быть, оба умерли — я точно не помню. Один из них был эсер Беккер.

Сейчас же в тюрьму явились прокурор, градоначальник и прочее начальство. Политические потребовали ареста Тарасова и удаления солдат из тюрьмы. В городе стало известно о расстреле в тюрьме, и потому вся площадь около тюрьмы наполнилась народом, который требовал разъяснения. Собравшиеся не верили начальству, поэтому оно согласилось вывести одного политического, который сообщил, как было дело и кто пострадал.

---

[1] Я поставил «помощь» уголовных в кавычки вот почему. Во время революции 1905 г., когда началась митинговая кампания, демонстрации и т. д., рабочие и работницы, конечно, принимали в них самое живое участие. В это время воры очищали рабочие квартиры, что вызвало во многих городах, в том числе и в Одессе, страшное озлобление, и рабочие расправлялись с ворами своими силами, не обращаясь к помощи полиции или «правосудию». И вот уголовные узнали одного рабочего, который мешал им красть в октябрьские дни, и уже хотели расправиться с ним, но это было предотвращено вмешательством политических заключённых. Из-за этого между политическими и уголовными были довольно натянутые отношения. Уголовные, зная, что политические не будут жаловаться тюремному начальству, крали у нас во время прогулок всё, что было более или менее ценным. В момент расправы Тарасова, когда политические заключённые побежали вниз, уголовные обокрали уже не одиночных политических, а всех, у кого было что взять.

Тарасова арестовали и солдат убрали со двора тюрьмы (позже мы узнали, что Тарасов получил награду и повышение за доблесть). После этой драмы нервы у обитателей тюрьмы ещё больше напряглись. В этой насыщенной тюремной атмосфере мы — 13 человек, арестованные вместе 15 (2) января,— сговорились начать энергичную кампанию за ускорение нашего дела (двое — Шавдия и Мовшович — отказались присоединиться к нам, ибо против них были веские улики у жандармов). Дело в том, что за пять месяцев нашего сидения нас ни разу не допрашивали (был только опрос). Больше того, мы знали, что дело совсем не двигается, ибо среди нас были товарищи с фальшивками: стоило только запросить место, откуда якобы выданы паспорта, чтобы жандармы зашевелились, ибо они сразу установили бы, что среди нас имеются нелегальные, значит, «важные преступники». Раз этого не случилось, значит, наше дело находится совсем без движения. Было уже лето. Шумиха, поднятая вокруг I Думы, ещё продолжалась. Наконец, нервировала и неизвестность результатов Стокгольмского IV (Объединительного) съезда партии: кто-то выйдет на нём победителем — большевики или меньшевики? Тяжело было сидеть и очень хотелось вырваться из тюрьмы. Мы верно рассчитали, что начальство не захочет допустить при таком нервном состоянии заключённых ни обструкции, ни голодовки в тюрьме, и поэтому решили нажать на начальство путём объявления голодовки. Мы все поодиночке написали прокурору, что наше дело совсем не двигается, хотя уже прошло пять месяцев, и что мы требуем или вручения нам обвинительного акта и назначения суда или освобождения из тюрьмы — в противном случае мы объявляем голодовку с такого-то числа.

Мы действительно серьёзно готовились к голодовке. Вечером накануне назначенного дня мы удалили всё съестное. На свиданиях нам передавали цветы вместо съестных продуктов. После проверки, когда уже стемнело, нас поодиночке стали вызывать в контору. Там нам объявили, что прокурор распорядился выпустить нас под надзор до суда.

И вот 13 человек из 15 (Шавдия и Мовшович остались), в том числе и нелегальные с фальшивками и чужими паспортами, очутились на свободе.

Нужно самому пережить волнение, которое охватывает в момент освобождения человека, считающего себя «виновным» и врагом самодержавия и буржуазии, чтобы понять эти чувства. Каждый из нас метался по камере, ожидая, вызовут ли тебя, или же они, жандармы, тебя открыли. Мы даже не верили, что идём на свободу. Когда же нас вывели из тюрьмы, мы думали, что нас переводят в провинциальные тюрьмы, так как в одесской тюрьме голодовка нескольких человек могла бы превратиться в тюремный бунт. Неожиданно мы очутились на свободе. Кстати, когда мы уже были на воле, жандармы заторопились: в течение месяца они закончили следствие и передали дело военному прокурору, а последний — в военный суд. Очевидно, жандармам удалось освободиться от дел «чёрных воронов» и взяться за дела социал-демократов.

Я страшно обрадовался воле. Мне так надоел каменный мешок (тюрьма), который хотя был и близко от города, но фактически страшно далёк от городской жизни. Несмотря на то, что костюм и ботинки мои были совсем неподходящими для города (я порядочно обносился в тюрьме), я в первый день по выходе из тюрьмы бегал по городу как угорелый без всякого дела. Мне казалось, что я впервые вижу Одессу. Море меня поразило. До своего ареста за полугодичное пребывание в Одессе я не имел возможности (да и охоты даже не было) посмотреть на море и осмотреть город.

В тот день мне казалось, что я самый счастливый человек в мире, и мне хотелось это состояние продолжить до бесконечности. Но уже на следующий день меня охватила такая скука, что я лихорадочно начал налаживать связь с одесскими большевиками.

Положение в Одесской организации после всех арестов было незавидное: большевики были распылены, а в комитете господствовали такие заядлые меньшевики, как Фридрих (он же Ерёма, Анатолий, Абрамович, Шнеерсон) и Любовь Николаевна Радченко.

Я возобновил свои связи с табачниками и стал выяснять, кто у нас, большевиков, в Одессе остался. Оказалось, что немало дельных работников уцелело в Одессе, но между собой они не были объединены. Константин Осипович Левицкий (партийная кличка Осип Иванович), старый одессит, большевик, вернувшийся из ссылки, у ко-

торого я несколько раз бывал, достал квартиру для собраний активных одесских большевиков. Было намечено, кого звать, и назначен день собрания. Собрание состоялось. На нём присутствовали и товарищи, которых я не знал. Среди присутствующих было несколько товарищей в военной форме. Последние меня порядком напугали: они пришли вместе и, войдя в комнату, где мы заседали, крикнули: «Что это за собрание? Вы арестованы». Мне совсем не хотелось после двух-трёх дней свободы опять попасть в каменный мешок. Но мой испуг быстро прошёл, ибо хозяин квартиры предложил им занять места.

Совещание после информации о положении дел в организации постановило уполномочить нескольких товарищей периодически созывать такие совещания, которые должны превратиться в большевистскую фракцию Одесской организации.

Таким образом было положено начало объединению большевиков, работавших разрозненно в разных районах. Это объединение дало возможность усилить борьбу внутри Одесской организации за большевистские принципы. Что касается меня, то я решил на суд не являться и Одессу покинуть, так как выяснилось (это было после роспуска I Государственной думы), что в стране надвигается чёрная реакция. Чтобы определить, куда ехать, я запросил письмом в Питер Надежду Константиновну Крупскую, как секретаря большевистского центра (последний существовал и при наличии объединённой социал-демократической партии после Стокгольмского съезда).

Вскоре после отправки письма в Питер я получил письмо от т. Гусева. Он приглашал меня в Москву по поручению Московского комитета.

Из Одессы я должен был срочно двинуться, так как меня и однопроцессников вызывали зачем-то в военный суд, а из Москвы я ещё не получил явок. К тому же для поездки в Москву у меня не было подходящей одежды. Поэтому я решил заехать раньше к своим родственникам в город, где я родился.

Репрессии, свирепствовавшие в крупных рабочих центрах, ещё не успели докатиться до этого города. Массовки происходили здесь в городском саду, в центре города. Кроме бундовской организации взрослых и организации подростков под названием «Малый Бунд» существовала довольно солидная организация РСДРП, с которой я

сейчас же и связался. В неё входили русские, польские, литовские и еврейские рабочие. Было и несколько интеллигентов. Руководил этой организацией вернувшийся из армии унтер-офицер по кличке Осипов (настоящей фамилии его не помню; в 1907 г. я с ним встретился в Питере).

Организация была хорошо связана с батраками близлежащих имений и с рабочими и крестьянами ближайших местечек и деревень. Я принимал деятельное участие в организации, выступал на общих собраниях её членов и на массовках. По получении московских адресов и денег на дорогу я выехал в Москву.

ПАРТИЙНАЯ РАБОТА В МОСКВЕ
1906—1908 гг.

В Москву я приехал в начале сентября 1906 г. По приезде оказалось, что присланная т. Гусевым явка провалена и самого Гусева в Москве уже нет (он был арестован). Всё же мне удалось быстро связаться с комитетом: случайно на улице я встретил Бура и Нину Львовну Зверь (М. М. Розенберг-Эссен). От них я узнал, что меня вызвали для секретарской работы в МК ввиду того, что т. Виктор (Таратута) переходит на другую работу. Они же мне дали явку МК, на которой я нашёл Виктора. Последний сообщил мне решение МК о передаче в моё ведение всего конспиративного технического аппарата Московской организации.

Не всё ли равно, какую работу выполнять? Главное, она должна быть нужна, полезна для партии.

Я взялся за работу. Тогда в Москве её было немало, а рук не хватало.

В Москве настроение руководящих кадров Московской организации, с которыми мне приходилось сталкиваться ежедневно, было бодрое, боевое. Подавленности и уныния, охвативших одесских товарищей перед моим отъездом, не было и в помине.

Московская организация делилась на районы: Центральный (городской), Замоскворецкий, Рогожский, Лефортовский, Сокольнический, Бутырский, Пресненско-Хамовнический и Железнодорожный.

Некоторые из районов ещё делились на подрайоны. Районы и подрайоны были связаны с заводскими собраниями, заводскими комитетами или заводскими комиссиями (теперь парткомы). Представители заводских

комитетов района заслушивали отчёты районного и Московского комитетов, избирали райком и посылали представителей на общегородские конференции, на которых в 1906 г. и почти до конца 1907 г. ещё избирался Московский комитет.

Как районные, так и городские конференции собирались в то время периодически. Московский комитет и все райкомы обращали особое внимание на связь с рабочими фабрик и заводов, и связь действительно была очень крепка, ибо райкомы и подрайонные комитеты были тесно связаны с членами партии — рабочими заводов и фабрик, типографий и других промышленных заведений своего района и подрайонов.

Мне часто приходилось обращаться к членам партии, работавшим на различных заводах, фабриках, за инвентарём для типографии или каким-либо оборудованием технического характера. Стоило только обратиться к организации какого-нибудь из московских районов, и она сразу меня связывала с членами партии на любом заводе. При Московском комитете была ещё военная организация, которая имела свой печатный орган — «Солдатская жизнь». Военная организация имела хорошую связь с солдатами почти всех частей, а во многих из них члены партии или сочувствующие были объединены в группы. Военная организация была совсем отделена от общегородской. Только руководящая головка военной организации была тесно связана с МК и в экстренных случаях связывалась с райкомами. Московским комитетом велась систематическая работа и среди немногочисленных московских профсоюзов текстильщиков, трамвайных служащих и т. д. Усилиями МК было создано в Москве Центральное бюро профсоюзов, которое объединило все существовавшие тогда профессиональные союзы. Влияние большевиков как в отдельных союзах, так и в Центральном бюро было очень велико.

При МК было ещё военно-техническое бюро, на которое была возложена обязанность изобретать, испытывать и изготовлять в массовом количестве, когда будет нужно, несложные средства вооружения (бомбы), над которыми оно всё время и работало. Военно-техническое бюро работало совершенно изолированно от Московской организации и было связано с МК исключительно через секретаря Московского комитета.

При МК была ещё Центральная социал-демократическая студенческая организация, связанная со всеми высшими и многими средними учебными заведениями Москвы.

Наконец, при МК были лекторская и литературная коллегии, финансовая комиссия и центральный технический аппарат печатания, распространения литературы и изготовления паспортов для активных работников Московской организации. Центральным техническим аппаратом я и должен был заведовать.

Московский комитет работал исключительно в Москве. В Московской же губернии работал Московский окружной комитет, который находился тоже в Москве. В Москве ещё находилось областное бюро Центрально-промышленного района, которое объединяло кроме Московской городской и окружной организаций ещё целый ряд губернских организаций (Ярославскую, Костромскую, Нижегородскую, Иваново-Вознесенскую, Тамбовскую, Воронежскую и пр.). Несмотря на то, что областное бюро и окружной комитет работали вполне самостоятельно, деятельность всех трёх организаций часто переплеталась [1].

К сожалению, у меня не сохранились в памяти клички и имена всех товарищей, которые работали во время моего пребывания в Москве в 1906—1907 гг. и в начале 1908 г. Всё же попытаюсь перечислить тех, кого я помню. Секретарями МК были в разное время: Виктор (Таратута) — приблизительно до октября 1906 г. (позже он был организатором Железнодорожного района), после него, до ареста в мае 1907 г., был Л. Я. Карпов, затем до января — февраля 1908 г.— Марк (Любимов) — обоих уже нет в живых. После Марка секретарём стал приехавший из Питера Андрей Кулиша (последний вскоре был арестован и отправлен в ссылку; там он был каким-то образом убит).

В комитет входили тт. Иннокентий — Дубровинский (умер в ссылке), Макар — Ногин (работал среди профсоюзов и легального и полулегального рабочего движения Москвы; он принимал деятельное участие в работах

---

[1] Незадолго до Февральской буржуазно-демократической революции 1917 г. все вышеназванные организации вновь начали функционировать в таком же организованном виде. И только в 1919—1920 гг. областное объединение было распущено, а окружная организация слилась с Московской городской.

комитета; умер в 1924 г.), Влас — Лихачёв (организатор не то Сокольнического, не то Бутырского района; умер в 1924 г.), Тимофей — Владимир Матвеевич Савков (организатор Замоскворецкого района; вскоре после ареста он отошёл от работы), Михаил Миронович — Н. Н. Мандельштам (организатор Лефортовского района; умер), Полтора-Егоров — Радус-Зенькович (организатор Рогожского района). В том же районе работали Егор Павлович — Канатчиков, Леонид Бельский (организатор Центрального района) и Емельян Ярославский (организатор военной организации). В Сокольниках в качестве ответственного пропагандиста работал Леонид — Сокольников. В военно-техническом бюро работал т. Ведерников (умер). В областном бюро работали А. А. Квятковский и Степан — Позерн, а в окружном комитете — Никодим — Шестаков и Ольга — Зеликсон-Бобровская. В Москве ещё активно работали П. Г. Смидович (я с ним встречался в профсоюзе трамвайщиков) и Одиссей — А. Мандельштам; оба умерли. Были ли они тогда членами комитета, я не помню.

В процессе ознакомления с жизнью нашей Московской организации мне бросилась в глаза тесная связь последней с деревней — с крестьянством, несмотря на то что Московский комитет работал исключительно в Москве. За короткий срок (восемь месяцев) существования большой типографии МК было издано четыре листка в количестве 140 тыс. экземпляров специально для крестьян и аграрная программа РСДРП в количестве 20 тыс. экземпляров. Кроме этих листков в деревню было отправлено и отвезено колоссальное по тогдашнему масштабу количество разной литературы и прокламаций по различным злободневным вопросам. Отправлялась и отвозилась она рабочими и работницами Москвы, которые массами уезжали в деревню на все большие праздники (перед такими праздниками МК специально издавал листки, а технический аппарат подбирал подходящую для крестьян литературу). Рабочие и работницы часто брали у нас литературу и тогда, когда кто-нибудь приезжал к ним из деревни. В Одессе за всё время моего пребывания в комитете, насколько я припоминаю, ни разу вопрос о связи с крестьянством Одесской губернии не ставился.

В 1906 г. и первой половине 1907 г. вся работа в Московской организации проводилась под знаком прибли-

жающегося массового пролетарского и крестьянского революционного движения, которое должно превратиться в вооружённую борьбу с царизмом. Прокламации и резолюции МК, окружного комитета и областного бюро того времени были проникнуты боевым духом. В этом же направлении были проведены две кампании в конце 1906 и начале 1907 г.— выборы во II Государственную думу и рекрутская кампания, в проведении которых я принял участие тотчас же после приезда в Москву. Рекрутская кампания заключалась в том, что МК выработал примерный приговор для отказа от рекрутчины, который должен был приниматься сельскими сходами. В нём говорилось, что царское правительство призывает в этом году солдат, чтобы направлять их против своих же братьев, что оно разорило всю Россию и не хочет дать землю и волю народу и т. д. Поэтому сход отказывается поставлять царскому правительству рекрутов. Если же последние будут взяты насильно, то сход приказывает им не стрелять в своих братьев, крестьян и рабочих, и переходить на сторону народа с оружием, а если они будут стрелять в народ, то по возвращении будут изгнаны из деревни. Этой кампании МК придавал очень большое значение. Насколько в деревнях тогда принимались такие приговоры, какой вообще результат дала эта кампания, у меня в памяти не сохранилось, но на фабриках и заводах Москвы рекруты, подлежавшие призыву в 1906 г., были подвергнуты усиленной и энергичной обработке районными и подрайонными комитетами Московской организации. Из них составлялись кружки, где им объясняли сущность царизма и их роль как будущих солдат на случай, если не удастся коллективно отказаться от военной службы. Рекрутская кампания в городе среди рабочих-рекрутов, безусловно, имела большое практическое значение. Тогда в Московской организации мало думали над вопросом — правилен ли лозунг: отказ поставлять рекрутов царскому правительству. Кампания же эта дала тот результат, что в Москве парторганизация усиленно работала с рекрутами.

Теперь перехожу к описанию работы, которую мне приходилось выполнять за время моего пребывания в Москве.

Первым делом мне пришлось ознакомиться с постановкой типографии Московского комитета. Связана с ней

была т. Елена — фамилии не помню. Последняя познакомила меня с «хозяином» типографии т. Аршаком (Якубовым). (В 1919 г. я был проездом в Челябинске как уполномоченный некоторых органов РСФСР, где встретился с т. Аршаком; он работал под именем Якубова как уполномоченный Народного комиссариата продовольствия.)

Тов. Аршак, тщательно проверив, годен ли я для поста заведующего всеми конспиративными техническими делами Московской организации, свёл меня с т. Сандро (Яшвили) и т. Г. Стуруа, которые были душой типографии и сами фактически в ней работали и как наборщики и как печатники. Мы быстро сговорились, и между нами установились деловые товарищеские отношения. Раньше чем приступить к делу, я хотел убедиться, всё ли обстоит благополучно в отношении конспирации.

Получив адрес, я отправился осмотреть местоположение типографии и остался им не совсем доволен. Типография находилась в лавке дома Юрасова № 23 (третий дом от угла), во внешнем проезде Рождественского бульвара (от Сретенки по правой стороне). Хотя с одной стороны и была бойкая Сретенка, но зато против лавки, на другой стороне, стоял дом, из окон которого было видно всё, что делается в лавке, а наискось находился бульвар, откуда незаметно могло вестись наблюдение за лавкой. Ко всему этому как раз против лавки стоял на посту городовой.

После внешнего осмотра я зашёл в фруктовую лавку как покупатель (вывеска была солиднее, чем внутреннее содержание полок и товары). Лавка носила название «Магазин кавказских фруктов» (чуть ли не оптовой торговли). В магазине я нашёл т. Аршака за счётами и ткача К. А. Вульпе в качестве приказчика. Купив разных фруктов, я отправился за перегородку, откуда спустился в подвал. Насколько припоминаю, подвал был даже меньше, чем лавка. Внутри я нашёл тт. Сандро (Яшвили) и Стуруа. Подвал был заполнен ящиками, очевидно, частью с типографскими принадлежностями, которые ещё не были распакованы, частью с бумагой для печати. Станок и наборные кассы были вполне готовы для работы (возможно, что они уже были пущены в ход) [1].

---

[1] Из статьи В. Соколова «Кавказский магазин» в журнале «Пролетарская революция» № 9 за 1922 г. я узнал, что типография, о ко-

В подвале был искусственный свет — электричество или керосиновые лампы. После осмотра подвала я поднялся в лавку. Наверху было слышно, как работает американка. Как только кто-либо входил в лавку, «хозяин» или «приказчик» давал знать вниз, что в лавке покупатель. Мы решили провести вниз звонок, который должен был давать сигнал о необходимости прекратить работу. Один, а иногда и два товарища часто работали в типографии и по ночам, когда бывала спешная работа.

После детального выяснения и ознакомления со всеми подробностями организации типографии я установил, что лавка снята по фальшивому паспорту (на имя Ласулидзе), по которому никто не жил, т. е. документ не был заявлен в участке, значит, установить, что он фальшивый, нельзя было. Несмотря на то, что документ не был заявлен, на указанное в нём имя были выправлены промысловые свидетельства, платились налоги и т. д. Тов. Аршак жил по другому паспорту.

В магазине за перегородкой жил «приказчик» — т. Вульпе, который был прописан в полиции по фальшивому паспорту на имя П. В. Лапышева. Так как полиция могла установить подложность паспорта, то я предложил сейчас же выписать его и больше никого не прописывать как проживающих в лавке (типографии) и стал энергично искать подходящего товарища на место Вульпе.

Связь с типографией я имел исключительно через «хозяина» лавки т. Аршака. В особо экстренных случаях, если нельзя было ждать до вечера, когда можно найти т. Аршака на его квартире, я отправлялся в типографию, но с большими предосторожностями. Являлся я туда в качестве покупателя и выходил с пакетом фруктов или орехов. До того как я ознакомился с городом, мне пришлось заняться подысканием места для покупки нужной бумаги в большом количестве и подходящего размера. Это оказалось нелёгким делом, ибо, закупив бумагу, нужно было вывезти её с предосторожностями с места закупки, не вызвав подозрения.

Не помню, от кого из товарищей я получил рекомендательное письмо к управляющему конторой одной из

торой я рассказываю в этой главе, работала до революции 1905 г. как типография ЦК РСДРП. В 1906 г. ЦК передал её МК партии. Всё, что т. Соколов пишет в вышеназванной статье о типографии, о которой у меня идёт речь, перепутано и неточно.

бумажных фабрик (нижние торговые ряды на Красной площади) с просьбой предоставить мне кредит. Я сговорился с управляющим, и он достал мне бумагу, подходящую как по формату, так и по качеству. Закупленная бумага была отправлена к переплётчику во 2-й Щемиловский переулок (тоже по рекомендации кого-то из товарищей). В переплётной бумага была разрезана на части нужного формата и забрана «приказчиком» типографии, который отвёз её на склад типографии (Покровский проезд, № 1). Оттуда бумага отвозилась по мере надобности в лавку (типографию) под видом кавказских фруктов.

Впоследствии мы получали ордера в конторе на какой-нибудь склад, ордер передавался в типографию, и «приказчик» последней уже отправлял её непосредственно на склад типографии. В этой конторе мы закупали нужную нам бумагу в течение всего времени существования описываемой типографии.

Во время выборов во II Государственную думу был такой случай: я закупил большую партию красной бумаги для печатания маленьких воззваний с призывом голосовать на выборах во II Государственную думу за кандидатов МК РСДРП. Когда я ещё раз явился через неделю за бумагой, управляющий подал мне воззвание на красной бумаге и сказал: «Вы быстро, чисто и аккуратно работаете: это воззвание принесли мне на дом». На это я ему ответил, что такая красная бумага, очевидно, выделывается и на других фабриках, а я такими делами не занимаюсь. Я никак не мог понять, хотел ли он порадовать меня похвалой нашей работы или был недоволен, что его бумага употребляется для такого дела. Передо мной встал вопрос: можно ли впредь продолжать покупку бумаги в этой конторе? Мы удвоили бдительность и стали направлять бумагу не прямо на склад, а на передаточную квартиру. Как за квартирой, так и за ломовиком мы установили слежку, и так как ничего подозрительного замечено не было, то мы начали брать бумагу уже без больших предосторожностей.

Типография работала очень интенсивно: всегда лежали 2—3 листовки в ожидании очереди. Каждая листовка в среднем печаталась в 35 тыс. экземпляров, а некоторые доходили до 40—50 тыс. Коротеньких обраще-

ний во время выборов в Думу и к 1 Мая было напечатано больше 100 тыс. экземпляров.

Самое трудное в нелегальной типографии — это не столько сама работа в ней, сколько доставка бумаги и вывоз напечатанного. Поэтому я хочу познакомить читателей с организацией вывоза из типографии, с распространением прокламаций. Печатный материал вывозился в плетёных корзинах, в которых вывозился из настоящих фруктовых магазинов товар нашим «приказчиком» в булочные Филиппова (не Н. Д. Филиппова, а И. Филиппова). У последнего тоже было в Москве несколько булочных. В семье Филипповых два младших сына, Александр и Василий, и дочь Евдокия нам сочувствовали и активно помогали. Они-то нам и предоставили свои булочные для доставки литературы, но откуда привозили её, они не знали. Из булочных, которыми мы пользовались, запомнились мне булочные на Трубной площади, на Рождественке и в Большом Златоустинском переулке. Как только литература попадала в одну из этих булочных, товарищ, уполномоченный по распространению (одно время им являлся В. Филиппов), отправлял её на квартиру, на которой уже ждали его курьеры — распространители всех районов Москвы. Таким образом, в течение 15 минут листовки забирались с квартиры и отправлялись в районы, а последние уже распространяли их по фабрикам и заводам Москвы.

Во время выборов во II Государственную думу Московская организация РСДРП заключила соглашение с эсерами, народными социалистами, крестьянским союзом и ещё какими-то революционными организациями того времени. Были составлены общие списки выборщиков по некоторым районам Москвы. Нам приходилось печатать не только то, что выпускала Московская организация, но и весь материал, выпускаемый вышеназванными организациями совместно с Московским комитетом РСДРП. Наша типография не могла справиться со всей этой работой, поэтому пришлось рыскать по городу в поисках типографии, которая могла бы печатать нашу предвыборную литературу. Поиски мои увенчались успехом. Я набрёл на небольшую легальную типографию на 1-й Брестской улице, которая напечатала нам несколько крупных вещей. Но так как они страшно дорого брали с нас, а денег в МК было немного, пришлось искать иных путей. Я разы-

скал партийных наборщиков в некоторых крупных типографиях: в типографии Яковлева в Салтыковском переулке, в типографии Сытина и типографии Кушнарёва на Пименовской улице. В этих типографиях я комбинировал работу следующим образом: в одной из них набиралась листовка и отливался стереотип, а печаталась она в нашей нелегальной типографии; или же в одной типографии листовка набиралась, а в другой печаталась. Таким образом, МК вышел с честью из трудного положения.

Выборы в III Государственную думу прошли скромнее. Организация стала меньше, и печатать пришлось меньше, да и шансы на успех в выборах от городской курии были невелики. Все силы мы направили в рабочие районы на выборы от рабочей курии, а там мы были уверены в нашей победе, и мы действительно победили.

Кроме той литературы, которую мы сами печатали для Москвы, нам прислал Большевистский центр из Питера (перед выборами во II Государственную думу) много предвыборной и иной литературы.

Центральный Комитет РСДРП состоял тогда главным образом из сторонников меньшинства. Они были за соглашение с либералами (кадетами) на выборах во II Государственную думу. Созванная в ноябре 1906 г. I Всероссийская конференция РСДРП 18 голосами меньшевиков и бундовцев против 14 голосов большевиков, СДПиЛ, социал-демократов Латышского края стала на сторону ЦК в этом вопросе. Большевики, польские и латышские социал-демократы отстаивали самостоятельность ведения кампании нашей партией, но в экстренных, необходимых случаях допускали соглашение только с партиями и организациями, которые были за вооружённую борьбу с царизмом,— эсерами, крестьянским союзом и т. д. Так как между большевиками, которые остались в меньшинстве на Стокгольмском IV (Объединительном) съезде партии, и меньшевиками были серьёзные разногласия по вопросам о значении Государственной думы, о вооружённом восстании, об отношении к буржуазным партиям, то руководители большевистского течения в РСДРП во главе с Лениным создали большевистский центр, издававший много предвыборной литературы, в которой разъяснялась большевистская точка зрения на Государственную думу. Большевистский центр выступил со своей предвыборной платформой, руководя проведением её в жизнь местными

парторганизациями, которые стояли на точке зрения большевиков. Петербургский и Московский комитеты отвергли блок с либералами на выборах во II Государственную думу. Московский комитет выставил совместные списки выборщиков в некоторых районах городской курии с эсерами, крестьянским союзом и народными социалистами.

Вначале литература из Питера привозилась отдельными товарищами. Но за последними почти всегда были «хвосты» охранки, и организация распространения литературы поплатилась несколькими арестами (Р. Шоломович привезла литературу уже проваленной, ибо за ней следили по пятам; так как слежки она не заметила, то провалила явку у В. Филиппова). Поэтому мы просили питерцев посылать литературу багажом, как товар, упакованный в ящики, а нам присылать лишь багажные квитанции. Когда мы получали квитанции, то снаряжали двух товарищей. Один нанимал ломового извозчика, которому и передавали квитанцию на получение товара с вокзала. Извозчику давался вымышленный адрес, по которому нужно было везти товар. Другой товарищ издали следил за ломовиком, следуя за ним по пятам повсюду, куда он ходил с квитанцией. Если всё обстояло благополучно, то товарищ, который следил за извозчиком, предупреждал об этом товарища, нанявшего его, и тогда последний встречал возчика по дороге и направлял его по тому адресу, куда действительно литература должна была попасть. Когда же мы не были уверены в том, что за товарищами не следят, то в такой операции принимали участие три товарища: один нанимал ломовика, другой следил за ним, третий же служил курьером у того, который следил за ломовиком. Он давал знать товарищу, который нанимал ломовика, нужно ли ему встречать извозчика или нет. В таких случаях принимались ещё и такие предосторожности: даже тогда, когда два товарища не замечали никакого замешательства на вокзале, по дороге менялся адрес, но это опять-таки был фиктивный адрес (в таких случаях давался просто адрес какого-нибудь двора, в котором имелись знакомые; очень часто мы пользовались таким двором на 1-й Мещанской, от Сухаревой с левой стороны, в угловом доме). Извозчика отпускали, спустя некоторое время, если всё было в порядке, литературу отправляли на склад, а оттуда по районам.

Иногда извозчика приглашали в жандармское управление на вокзале, после того как он предъявлял багажную квитанцию. В таком случае следивший за ним товарищ предупреждал, что извозчика встречать не надо, а сам наблюдал, что будет дальше. Нередко жандармы отпускали извозчика с товаром, а за ним снаряжали экспедицию из шпионов и жандармов, но вследствие вымышленного адреса, который давался извозчику, труды жандармов пропадали даром. Провалов литературы было несколько, но они проходили без ареста товарищей.

Занимаясь исключительно конспиративной работой, я не принимал участия в повседневной работе ячеек и районов Московской организации. Я имел дело и был связан исключительно с узким кругом руководящих товарищей из Московской организации и с секретарём Московского комитета. Только один раз я принял участие в московской партийной конференции, которая состоялась осенью 1906 г. в Высшем техническом училище, близ Немецкой улицы, теперь улица Баумана, на которой т. Мирон (Хинчук) делал доклад от имени ЦК РСДРП (меньшевистского в своём большинстве). Конференция же состояла из большевиков. Только Пресня прислала нескольких меньшевиков. Дебаты были очень страстные, но бесполезные, ибо врага в сущности не было. Вся конференция, за исключением нескольких голосов, была против меньшевистского Центрального Комитета.

С секретарём МК т. Карповым, а позже с Марком (Любимовым) я встречался ежедневно на их явках. Если я почему-либо не мог явиться на явки МК, то в случае необходимости секретарь МК мог найти меня на явках, которые были у меня ежедневно. Очень часто МК только постановлял, какие листки и воззвания нужно выпускать, мне же нужно было реализовать эти постановления не только в смысле печатания их, но и в смысле раздобывания текста. Таким образом, я познакомился с М. Н. Покровским (он тогда жил на Долгоруковской улице), доктором Канелем, и таким же образом я набрёл на Сильвина (Бродяга), которого я не видел с момента моего побега из киевской тюрьмы. Они и ещё несколько товарищей (Лунц И. И., Скворцов-Степанов и др.) состояли в литературной и лекторской группе при МК, и многочисленные листовки, которые печатались тогда, вышли из-под их пера. Так как легальной прессы у МК не было, то

листовки издавались по всем важным вопросам политики и экономики того времени.

В начале 1907 г. по соглашению или поручению МК Шкловский при участии членов литературной и лекторской группы при МК — т. Покровского и др.— стал издавать еженедельник «Истина», который был закрыт при выходе четвёртого номера.

Был также быстро закрыт еженедельник, который стал выходить после закрытия «Истины» под другим названием; редактор его попал в ссылку. Насколько мне помнится, больше никаких попыток к изданию легального журнала тогда не было предпринято.

Работы было очень много, но внешние условия неблагоприятствовали. Я приехал в Москву без паспорта и больше семи месяцев не мог найти себе подходящего вида на жительство. Мои друзья нанимали квартиру, которую приходилось менять чуть ли не каждый месяц только для того, чтобы я мог там жить непрописанным. Но это быстро обнаруживалось, несмотря на то что мы всегда нанимали квартиры или в больших домах или с парадным ходом без швейцара. За короткий период мы переменили четыре квартиры. Это заставляло меня пользоваться случайными ночёвками по 3—4 раза в неделю. Много времени и усилий приходилось тратить на нахождение и таких ночёвок. На некоторые ночёвки приходилось являться в 8—9 часов вечера и не выходить из дому уже до утра. Конечно, книги или какие-либо документы таскать с собой было неудобно, и поэтому пропадало зря много времени.

Я организовал небольшой аппарат из учащейся молодёжи (студентов и курсисток университета, Института инженеров путей сообщения и Технического училища), членов партии и сочувствующих. Они доставляли мне квартиры для явок, для привоза и распределения литературы, а иногда и для ночёвок. С ними можно было идти в огонь и в воду. Фамилии некоторых из них я помню: Кичин, Шершаков, Шестаков (студенты Института инженеров путей сообщения), В. Филиппов (был арестован, но не надолго), Пурышев (был арестован и осуждён на два года крепости), Лисицын, Малеев, П. Филиппов и Королёв (были арестованы после провала типографии и судились вместе с арестованными по этому же делу). Для них эта работа была партийной нагрузкой.

Кроме типографии и вышеописанного аппарата получения и распространения литературы в моём ведении было ещё паспортное бюро, возглавлявшееся А. Карнеевым (кличка — Пахомов). Паспортное бюро действовало энергично. Оно поддерживало связи с Питером и Ростовом-на-Дону, с организациями которых оно обменивалось копиями документов. Однако, несмотря на то что наше бюро недурно работало, я с трудом достал себе подходящий документ. Это объяснялось тем, что мне по моей внешности нужен был армянский или грузинский документ, который в Москве невозможно было достать. По фальшивкам же нельзя было жить, ибо охранка проверяла документы вновь прибывающих в Москву.

В середине ноября 1906 г. выяснилось, что ни т. Сандро, ни т. Стуруа по болезни или по другим причинам не могут более работать в типографии. Я начал искать заместителя в Москве, но достать подходящего работника не мог, поэтому я по предложению МК поехал в Питер искать хорошего наборщика. В Петербурге я попал не то на явку ПК, не то на явку Большевистского центра (у зубного врача Доры Двойрес). Оттуда меня направили на Загородный проспект, в столовку Технологического института. Там я встретил Надежду Константиновну Крупскую и много других товарищей по партии. Меня познакомили с товарищем, который заведовал техническими делами Большевистского центра (а может быть и ПК; к сожалению, его кличку я забыл). Последний заявил, что у него имеется верный товарищ, хороший, опытный наборщик, но он ему самому очень нужен, так как они хотят поставить запасную типографию. С большим трудом наборщика мне всё же уступили. Так как я боялся, что он может быть постановлением Петербургского комитета или ещё какого-либо партийного органа взят обратно, то на следующий же день, после того как этот товарищ подтвердил, что он действительно наборщик-специалист (для нашей американки нужно было набирать быстро, иначе она стояла в ожидании набора), я отправил его в Москву к знакомым (я боялся направить его на мои явки или явки МК, чтобы он случайно не провалился). Сам же я остался ещё на один день в Петербурге. Вернувшись в Москву, я узнал, что петербургский наборщик стал настаивать, чтобы его отвели на мою квартиру (он ссылался на то, что я условился встретиться с ним у меня на квар-

тире). Так как у меня постоянной квартиры не было, то его направили на квартиру, на которой я очень часто ночевал. Мне, конечно, это не понравилось, но я успокоился: его рекомендовал очень ответственный товарищ как верного человека. Когда я ввёл его в типографию, оказалось, что он наборщик из рук вон плохой. К тому же, едва начав работать, он предъявил такие экономические требования, которые МК не в состоянии был удовлетворить из-за отсутствия средств. И, наконец, минуя «хозяина» типографии, он стал ходить на квартиру к моим знакомым, чтобы поймать меня.

Для меня стало ясно, что Питер сунул мне то, что ему было не гоже. Но делать было нечего: раз он вошёл уже в технику, удалить его невозможно было. Я остановился на этом факте так подробно потому, что с момента ареста типографии (в самой типографии в момент ареста работа не производилась) наборщик этот исчез и не дал о себе знать ни из тюрьмы, ни с воли, а из судебных материалов об этой типографии не видно, чтобы он был арестован. Ещё до ухода т. Сандро, в конце 1906 г., ушёл «приказчик» т. Вульпе. Его мы заменили хорошим, дельным товарищем из Московской организации; думаю, что это был т. Новиков, который был арестован в типографии.

Как-то в середине апреля 1907 г. т. Аршак явился ко мне с членом партии грузином (теперь я узнал его фамилию — Габелов) и предложил назначить последнего на своё место. После наведения тщательных справок секретарь МК т. Марк и я согласились отпустить т. Аршака, тем паче, что «продать» магазин другому «хозяину» не представляло никаких трудностей.

Январь и февраль прошли в подготовке к партийному съезду — V (Лондонскому). Во всех районах и ячейках шли дискуссии по вопросам, которые стояли в порядке дня съезда. По постановлению ЦК или МК на всех собраниях должны были присутствовать докладчики от большевиков и меньшевиков, на которых возлагалась обязанность комментировать основные резолюции большевиков и меньшевиков. Я также после хорошей подготовки (с конспиративной стороны) собрал работников технического аппарата Московского комитета. (Собрание состоялось на Мясницкой улице, в доме, где помещалась Мясницкая аптека, в квартире Шершакова.) На это собрание явился в качестве докладчика от меньшевиков

Егор (Лысый), Егоров — теперь член ВКП(б),— которого я знал с 1903 по 1904 г. как ярого большевика. Меня это крайне поразило тогда, ибо переход от большевиков к меньшевикам рабочих профессионалов-революционеров был редким явлением.

Все такие партийные собрания выбирали представителей на общегородскую конференцию, на которой уже выбирались делегаты на съезд от Москвы. От Московской парторганизации были выбраны тт. Покровский, Виктор Таратута, Иннокентий и Ногин — все большевики.

В апреле 1907 г. МК и вся Московская организация стали готовиться к 1 Мая. Московским комитетом был дан лозунг — объявление всеобщей забастовки. Были напечатаны в большом количестве прокламации о значении 1 Мая и небольшой красный плакат с призывом к рабочим бросать работу 1 Мая. Из-за каких-то праздников плакаты и прокламации распространялись два раза, до праздника и после него, в день ареста типографии.

В конце марта я, наконец, достал армянский паспорт какого-то студента питерского университета. Поэтому мои друзья — В. П. Волгин, Бричкина, Гальперин и др. (из них двое легально жили на 3-й Тверской-Ямской) переменили квартиру, чтобы я мог присоединиться к их коммуне. Они переехали в огромный дом Калинкина на Владимиро-Долгоруковской улице, и я снял у них комнату, как только что приехавший из Питера. Так я прожил «по-человечески» почти целый месяц, имея свою комнату, не заботясь о ночёвках.

10 мая (27 апреля) 1907 г. вечером я был, как обычно, на своей явке. Всё было в порядке, только заведующий распространением литературы т. Королёв почему-то запоздал. Жду его — всё нет. Послал выяснить по телефону у его родных, не у них ли он, но там его не оказалось. Это мне не понравилось. Очевидно, что-то произошло. Но что именно? Мы хорошо знали, что перед 1 Мая жандармы арестовывали направо и налево, но пока как будто было ещё рано — только 27 апреля. Я с явки направился прямо домой, будучи уверен, что с Королёвым неблагополучно. На квартире у меня никогда ничего компрометирующего не бывало, но всё же перед тем как ложиться спать, я предупредил товарищей по квартире, чтобы они ночью не открывали дверей, прежде чем не разбудят меня. В полночь послышался сильный стук в двери чёр-

ного хода. Я встал, уничтожил условные знаки к адресам и отправился открывать дверь. Спрашиваю: кто стучит? Ответ: почтальон, принёс срочную телеграмму. Я сейчас же догадался, что к нам явились непрошенные гости. Только открыл дверь, как ворвались пристав, шпики, околоточные, городовые, дворники. Квартира сразу наполнилась ими. Прежде всего они спросили, где живут В. П. Волгин и Целикова. Я сказал, в каких комнатах они находятся, а сам пошёл к себе и лёг в постель, наблюдая, что будет дальше. Наконец, раздался стук в мою дверь, и вся свора ворвалась ко мне. Вижу у меня на столе лежит книжка — протоколы конференции боевых и военных организаций РСДРП. Я был поражён: этой книжки у меня, конечно, не было. Откуда же она взялась?!

Наконец, шпик, обращаясь к околоточному, сказал: «Возьмите эту книжку». Последний, посмотрев на неё, заявил: «Вы ведь видите, что она продаётся во всех магазинах и что на ней имеется адрес типографии». Они удалились, тогда я взял книжку и положил её вместе с другими книгами. Через несколько минут они опять явились в мою комнату, и шпик опять взял книжку, желая, очевидно, показать её приставу, но околоточный остановил его и сказал недовольным тоном, что не следует тащить то, что никому не нужно. Так как шпик не унимался, то они пошли выяснить этот вопрос к приставу, и он решил дело в пользу околоточного. Под утро меня позвали к приставу, который спросил мою фамилию, имя, что я делаю и давно ли живу в Москве. Моими ответами он, очевидно, удовлетворился, так как извинился за беспокойство, и я отправился в свою комнату, ожидая финала. Наконец, обыск кончился, и они удалились. Я вышел посмотреть, кого забрали. Оказалось, что они арестовали двух легальных, а оставили трёх нелегальных. Ознакомившись с результатами обыска, мы все разразились хохотом. Арестовали двух товарищей, которые фактически не работали в партии: Волгин был социал-демократом, меньшевиком, но он не работал тогда в организации, Целикова же даже не была членом партии. Для нас тогда этот арест явился загадкой.

Утром ко мне явился т. Аршак, который хотя и знал, где я живу, но никогда ко мне не ходил. Конечно, я был удивлён его приходом, да ещё после обыска. От него я узнал, что типография занята полицией. Мы условились

встретиться с ним днём, и я отправился выяснять размеры арестов. Оказалось, что сейчас же после того, как привезли из типографии остаток майских прокламаций для распределения по районам, на явочную квартиру нагрянула полиция. Успели забрать литературу только для некоторых районов, у представителей же остальных районов, которые оказались при обыске, были найдены адреса как при них, так и на их квартирах. Арестов было много, но основные организации — ячейки, райкомы и МК — не были ими затронуты. За типографией уже следили. Когда «приказчик» т. Новиков вынес корзинку с первомайскими листовками под видом кавказских фруктов, за ним пошли шпики и полиция, которые следили за каждым его шагом и делали обыски в тех квартирах, куда он входил. В то время, когда «приказчик» отправился с листовками, в магазине-типографии находился новый «хозяин» Габелов. Когда вернулся «приказчик» Новиков, Габелов вышел из магазина и тут же на улице был арестован, после чего полиция ворвалась в магазин. Утром 11 мая (28 апреля), на следующий день после того как полиция заняла типографию, прежний «хозяин» магазина т. Аршак отправился в магазин (он тогда сдавал дела новому заведующему типографией). Подойдя к дверям, он был удивлён, найдя их запертыми. Рядом с дверьми было большое окно. Посмотрев в окно, он увидел, что внутри хозяйничает полиция. Первым делом он бросился предупреждать товарищей, которые работали в типографии (я хорошо помню, что в подвале, где находилась типография, работы в этот день не производилось, ибо майские листки были готовы, а над ними они очень много трудились и до 2 мая (ст. ст.) были свободны). Повезло же т. Аршаку: он подошёл к магазину, где его знали все дворники, городовые и соседи, и отошёл незамеченным, затем явился ко мне после обыска и тоже не натолкнулся на засаду. Насколько я припоминаю, в магазине был арестован только «приказчик». Меня очень тогда интересовал вопрос, почему была арестована типография: она была так хорошо законспирирована, что без помощи провокатора охранка не могла бы её найти. Казался странным и результат обыска у меня на квартире. Как мы позже установили, с обыском явились и на квартиру на 3-й Тверской-Ямской, где жили раньше, до переезда в дом Калинкина, Волгин и др. На этой квартире бывал питерский наборщик. У дворника

полиция узнала адрес, куда переехал Волгин (на его имя была квартира), поэтому, как только явилась полиция к нам, она справилась, в каких комнатах живут Волгин и Целикова (только они оба числились по документам переехавшими с Тверской-Ямской улицы). Гальперин хотя и оставил за собой комнату, но не прописался, он уехал легализоваться. Я и ещё два товарища переменили паспорта. Из этого мы сделали вывод, что полиция не знала, кого именно она ищет, а только знала, что эта квартира связана с типографией. Я был убеждён в то время, что питерский наборщик выдал типографию. Об этом мы тогда писали в Питер, но точно установить это нам, однако, не удалось. Да и теперь, когда я получил кое-какие судебные материалы по делу о типографии, я всё же не могу установить, каким образом она провалилась (в одном месте в документах говорится: «соединёнными усилиями агентуры и наружного наблюдения была взята типография»). Должен прибавить, что в ноябре 1906 г. Гальперин привёл к себе Житомирского (провокатора), с которым все живущие в квартире были хорошо знакомы. Я думаю, что если бы именно Житомирский тогда провалил нас, то он, как делал это позже (об этом ниже), дал бы точное описание каждого из нас, и полиция искала бы не по фамилиям, а по физиономиям. К тому же мы были бы арестованы раньше, за нами была бы слежка, а тут без всякой слежки в день взятия типографии явилась полиция на старую квартиру.

Типография просуществовала с сентября 1906 г. до апреля 1907 г.— 8 месяцев. Она выпустила 45 названий. Прокламации печатались в количестве от 5 тыс. до 40 тыс. экземпляров. Красные плакатики перед выборами во II Государственную думу и перед 1 Мая 1907 г. печатались в сотнях тысяч экземпляров. В списке прокламаций (43 названия), который фигурировал на процессе, не обозначен вышеназванный маленький майский плакатик, напечатанный на красной бумаге (больше чем в 350 тыс. экземпляров; мы должны были отпечатать его в 500 тыс. экземпляров, но то ли типография не успела, то ли не хватило бумаги), и брошюра «Кто истинный защитник трудящихся». В типографии, действительно, вели счёт как названиям, так и количеству печатаемых прокламаций и периодических органов. Если не считать последний майский плакатик и брошюру, то 43 названия распре-

деляются таким образом: по политическим и экономическим вопросам было издано 7 листков к рабочим в количестве 174 тыс. экземпляров; ко всему народу и к товарищам и гражданам — 21 название в 705 500 экземпляров (главным образом о политических требованиях партии и отношении РСДРП к разным вопросам жизни страны); к крестьянам — 4 листовки в 140 тыс. экземпляров и аграрная программа нашей партии в 20 тыс. экземпляров; к солдатам — 2 прокламации в 10 тыс. экземпляров; к железнодорожникам 1 листок — 10 тыс. экземпляров; 2 номера журнала «Голос железнодорожника» и листок железнодорожного союза в 15 тыс. экземпляров,— всего 25 тыс. экземпляров; один листок к обществу (обращение за помощью арестованным) в 6 тыс. экземпляров и, наконец, 4 названия с отчётами МК за ноябрь — декабрь, проект резолюции к V съезду партии и проект обращения к думской фракции в 14 тыс. экземпляров. Всего в этой типографии за этот срок было отпечатано около полутора миллионов экземпляров различных листков.

После предмайского провала полиция начала вылавливать членов комитета поодиночке. В начале мая был арестован т. Карпов (секретарь Московского комитета). В общежитие Технического училища, где были явки и происходили заседания МК, очень часто начала являться полиция. Только благодаря тому, что там жило много членов партии (Филиппович, Богданов и др.), до крупных провалов в общежитии не доходило, ибо нас предупреждали ещё до прихода полиции и участники собрания или явки своевременно расходились по разным комнатам. Должен отметить, что полиция боялась устроить в общежитии облаву или оставить где-либо засаду. В последнем случае студенты всё равно предупреждали бы пришедших, а в первом случае полиция боялась нарваться на бомбы. Охранка, видимо, была осведомлена о том, что в мастерской училища выделывались ударники к бомбам. Хотя провалов в общежитии и не было, всё же пришлось оттуда уйти, так как шпики дежурили постоянно у ворот училища и у дверей общежития.

Московский комитет никак не мог обойтись без типографии. Реакция усиливалась. Ни одна легальная типография не бралась печатать нам ничего ни за какие деньги (кстати, последних в МК и было не очень-то много). Я занялся подготовкой новой типографии. Конечно, о бо-

стонке и мечтать уже не приходилось. Тов. Кичин, который работал со мной, предложил новую конструкцию рамы, по которой вал ходил, как колесо по рельсам, без шума. Раму заказали по чертежам в слесарной лавке Зотова по Каретно-Садовой улице. Летом 1907 г. в Сокольниках мы сняли особнячок, каких там, за Верхней Красносельской улицей, было много. В таких особняках жили главным образом рабочие. В особняке поселилось несколько человек, которые действительно работали в трамвайном парке (они жили обособленно и изолированно от помещения типографии), туда же поселились Виктор (фамилии его я не знал) и наборщик Райкин (из ссылки он бежал в Америку и там остался). Райкин и его жена Б. А. Файгер[1] всё время работали в нелегальных типографиях и приехали случайно из Тулы в Москву после провала нашей типографии. Для доставки бумаги из города и для выноски готовых прокламаций была снята поблизости от типографии передаточная квартира, в которой поселилась Файгер. Приносили в типографию бумагу и выносили оттуда готовые прокламации рабочие, когда они ходили на работу и когда возвращались с работы. Типография заработала, хотя для этого пришлось связаться чуть ли не со всеми членами партии, работавшими в типографиях, так как нам были необходимы шрифт в большом количестве и все другие типографские принадлежности. В остальном организация была в том же виде, как я уже описал выше.

Сейчас же после обыска у меня 11 мая (28 апреля) 1907 г. мы оставили квартиру. (Родственницу т. Волгина послали в домовую контору заявить, что она ликвидирует квартиру и забирает мебель.) Втроём мы выехали на «дачу» в Лосиноостровское, по Северной железной дороге. Дача была взята наспех, первая попавшаяся. Май оказался очень холодным, и мы на даче мёрзли хуже, чем зимой. Нам удалось прожить там всё лето. Осенью я достал хорошую копию паспорта на имя Пимена Михайловича Санадирадзе и по ней поселился вместе с друзьями

---

[1] В 1926 г. она была в Москве клубным работником и членом РКП(б). В 1928 г. было найдено её обращение к сибирским жандармам, в котором она предлагала им в 1917 г. свои услуги в качестве провокатора. Февральская революция помешала ей стать провокатором. Она была исключена из партии и отправлена в концентрационный лагерь.

на отдельной квартире по Козихинскому переулку (этот документ служил мне до июня 1914 г., пока я не сел основательно,— об этом ниже). Адрес этой квартиры я уже абсолютно никому не сообщал. Однако моё положение становилось очень шатким. По возвращении Гальперина в Москву, несмотря на то что он легально прописался, его тотчас же арестовали. Его показывали дворникам дома Юрасова, в котором была взята большая типография МК, и на допросах ему говорили, что именно я руководил и руковожу всеми техническими делами МК, в том числе и арестованной типографией. Он писал из тюрьмы, чтобы я немедленно уехал. Однажды, идя по Долгоруковской улице, я заметил слежку. Я ускорил шаги и мне удалось вскочить в конку, которая шла к Сухаревой (в 1907 г. от Смоленского бульвара до Сухаревой площади ещё ходила конка). Шпик вскочил за мной. Кондуктор суёт ему билет, но он билета не берёт. Вдруг он вытаскивает фотографическую карточку из кармана. Смотрю — на карточке Гальперин во весь рост (очевидно, у них моей карточки не было). Я соскочил с конки и побежал по Лихову переулку, он — за мной. Я лучше знал Москву и куда быстрее бегал, поэтому оставил его позади. Осенью 1907 г. арестовали Файгер; у неё нашли бумагу для типографии — и только. Всё же рискованно было оставлять типографию на том же месте. Мы решили перенести её в Замоскворечье. Сняли квартиру на последнем этаже в ещё не совсем законченном громадном доме. Там поселились два товарища с легальными паспортами: Лопатин, Лидия Айзман [1] и наборщик Райкин без прописки. Тов. Айзман сносилась со мной и с внешним миром, а двое работали в типографии. Листки печатались реже и в меньшем количестве экземпляров, но зато издавались регулярно журнал военной организации при МК и, кажется, журнал Областного бюро РСДРП.

В конце 1907 г. на явке секретаря МК Марка я встретился с членом МК Леонидом Бельским, только что выпущенным из тюрьмы. Он рассказал, что в охранке ему называли все мои клички и мою настоящую фамилию, а потому он уверен, что на днях меня арестуют на улице.

---

[1] После ссылки на поселение, которую она получила по делу о типографии, она бежала в Париж. Когда Лафарг и его жена покончили с собой, она тоже лишила себя жизни.

Леонид верно назвал мою фамилию и мои клички. Я был поражён. В Москве только 2—3 товарища знали мою настоящую фамилию. Я сам почти забыл её, ибо с 1902 г. никто никогда не называл меня по ней [1].

Аресты продолжались и даже усилились. Арестовывали активных работников группами, что становилось всё чувствительнее для Московской организации. Слежка за аппаратом распространения стала невыносимой, несколько раз я вынужден был распускать явки, ибо около квартир стояли шпики. То и дело полиция вылавливала отдельных работников из моего аппарата. Однажды в одном из переулков, прилегающих к Сретенке, когда я вышел с явки, меня окружило несколько шпиков. По Сретенке мчался трамвай. Я на полном ходу вскочил в него и заставил филёров бежать по улице. Вышел же я на первой остановке как ни в чём не бывало, без «хвоста». В начале января 1908 г. был арестован секретарь МК Марк. Всё это заставляло меня тратить массу времени на меры предосторожности, прежде чем повидаться с кем-либо по делу. С товарищами из техники я виделся только на улицах Москвы, и то исключительно ночью. Я стал настолько болезненно мнительным, что в каждом человеке видел шпика. Я не заходил к себе домой, если в переулке стоял или ходил кто-либо. Я дошёл до такого состояния, что как-то ночью, услышав шум и говор многих голосов на лестнице, вскочил, уничтожил разные записки и ждал, когда явятся с обыском. Ждать пришлось долго. Мне это надоело, я открыл дверь и вышел на лестницу. Там оказалась просто пьяная компания, которая дожидалась, пока дворник откроет дверь.

Секретарём МК был назначен т. Андрей (Кулиша), приехавший из Питера. Я поставил перед ним вопрос о необходимости для меня покинуть Москву, ибо всё равно меня арестуют не сегодня-завтра. Он со мной не согласился. Как-то в феврале я подошёл к дому на Божедомке,

---

[1] Леонида позже заподозрили в сношениях с охранкой. Он явился в качестве делегата на II конгресс Коммунистического Интернационала в 1920 г. от американской коммунистической группы. Его привлекла к ответственности ЦКК РКП. Там он заявил, что он действительно имел связь с охранкой, но что он никого не выдал, а, наоборот, выведывал всё, что было можно, от них и предупреждал товарищей. Данных о том, что он кого-либо выдал, в ЦКК тоже не было. Его выслали из нашей страны.

где была явка. За домом явно следили. Я вошёл туда и удалил всех ожидающих. Там меня ждал т. Зефир-Моисеев. Он явился ко мне от ЦК партии. Я ему наскоро дал другой адрес, по которому он мог со мной увидеться в тот же вечер, но на явке с ним не стал разговаривать. Когда мы вышли, то почти за каждым из нас пошли шпики. Мне пришлось возиться с ними до поздней ночи. При этом я был вынужден пользоваться извозчиками, чего я до этого никогда не делал, ибо считал их ненадёжными в таких случаях. Из-за шпиков я так и не мог попасть на квартиру, на которой меня ждал т. Зефир.

После т. Андрей мне сообщил, что т. Зефир от имени ЦК предлагает мне немедленно выехать за границу в распоряжение Заграничного бюро Центрального Комитета. (На Лондонском съезде большевики совместно с СДПиЛ и частью делегатов — социал-демократов Латышского края одержали победу. Большинство ЦК состояло из большевиков и их революционных союзников — СДПиЛ и социал-демократов Латышского края.) Московский комитет больше меня не задерживал. Я сдал дела в середине марта 1908 г., покинул Москву и направился в Пензу, чтобы освободиться от шпиков, шпикомании и отдохнуть. В Пензе я пробыл три недели. Там началась за мной слежка, несмотря на то, что я ни с кем из организации не виделся. Оттуда я поехал в Ростов-на-Дону. Вначале я устроился недурно, мне удалось отдохнуть. Я связался с Заграничным бюро ЦК и местными партийными товарищами. Перед 1 Мая началась слежка за домом, в котором я жил, и я переехал в другой дом, но и там началась слежка за мной. Тогда я перестал прописываться в полиции и опять начал мыкаться по ночёвкам. Отъезд за границу тормозился из-за того, что у меня не было связей на границе для нелегального перехода и не было паспорта для поездки легально. Я решил ехать, воспользовавшись старыми связями, но предварительно списался с родными, которые предложили мне приехать к ним, обещая достать у кого-нибудь заграничный паспорт для поездки легальным путём за границу. Из Ростова-на-Дону я выехал со всеми предосторожностями, однако в Таганроге меня едва не арестовали. Повезло: я выкрутился.

НЕЛЕПЫЙ АРЕСТ
1908 г.

В конце мая 1908 г. я опять очутился в родном городе. Реакция 1908 г., наложившая свою лапу на всё живое, что было в революционном рабочем движении крупных городов, господствовала и здесь в полной мере. Весь город был полон стражниками, которые заканчивали карательную экспедицию в литовские деревни: не проходило дня, чтобы стражники не приводили в город крестьян со всего Вилькомирского уезда. В самом городе всё живое было задавлено. Не было даже бундовской организации, которая существовала в самые свирепые времена до 1905 г. Избегали встреч между собой товарищи, которые ещё недавно состояли в одной организации. Сейчас же по приезде я увидел, что совершил ошибку, приехав в такую дыру, где меня знало с 1906 г. порядочное количество обывателей. Я уже жалел, что поверил родным, которые обещали мне быстро достать заграничный паспорт и при этом забыли мне сообщить о происшедших в городе изменениях. Исправлять ошибку было поздно, и я старался днём не показываться на улицах. Мои же родные рыскали по городу в поисках нужного мне для выезда за границу документа.

Дней через десять после моего приезда, под утро, послышался сильный стук в дверь. На мой вопрос, кто стучит, мне ответил незнакомый голос, что имеется срочная телеграмма на имя моего шурина, хозяина квартиры, в которой я жил. Когда я предложил принести телеграмму утром, то снаружи сразу начали ломать дверь в комнату, где я спал (она имела выход на улицу). Тогда я понял, что это за «срочная телеграмма». Я открыл дверь, и в неё ввалились имевшиеся в городе 2 жандарма, стражники,

надзиратели и понятые. Они сразу бросились ко мне с вопросом — ты такой-то? (они назвали мою настоящую фамилию). Я им сказал, что моя фамилия Покемунский (по паспорту, по которому я жил и сидел в Одессе). Предо мной ещё раньше, после того как я уяснил себе полицейскую ситуацию в городе, вставал вопрос, как назвать себя в случае ареста. Назвать настоящую фамилию я считал невозможным, ибо в Москве охранка знала о моей работе и мою настоящую фамилию, а это значило, что дело дойдёт в Москве до суда, и тогда ссылка на поселение или даже каторга была бы обеспечена. Я решил поэтому назвать фамилию, под которой я сидел в Одессе, рассчитав, и вполне правильно, что одесское жандармское управление не запросило обо мне в 1906 г. общество, выдавшее в 1905 г. (за 100 рублей) паспорт, который, кстати, уже сослужил мне хорошую службу в Одессе. Жандармы потребовали у меня паспорт, но у меня его, конечно, не оказалось. В доме все знали, как я буду называться, кроме матери. Во время обыска, который длился невероятно долго, вошла моя мать. Я обомлел. Мне казалось, что она сейчас же случайно назовёт меня. Но этого не случилось. Она стояла молча и смотрела, как производился обыск и как меня уводили.

В городке начался тарарам. Наутро меня допросил пристав, потом отвели к исправнику, а на следующий день утром явился из Ковно жандармский офицер Свячкин, который привёз мою фотографическую карточку, снятую ещё в киевской тюрьме в 1902 г.

Жандармы и полиция шныряли по магазинам и лавочкам, показывая мою фотографию и справляясь, кто это.

Меня торжественно ввели в кабинет исправника, где находились исправник, жандармский офицер и ещё какой-то чин. Жандарм Свячкин заявил мне, что им обо мне всё известно, что они давно уже поджидали меня и что теперь, мол, они меня крепко держат в руках. И для большего эффекта он мне показал мою фотографическую карточку. Взглянув на карточку, я сразу воспрянул духом и спросил у них: «Разве вы не видите, что карточка не моя? Разве голова человека делается меньше, когда человек стареет?» (В 1908 г. у меня была большая борода, которая мне придавала солидность не по летам; на киевской же карточке был юноша с длинными волосами, но без растительности на лице.) Сидевшие смутились. Меня в

тот же день два жандарма отвезли в Ковно, а в городе началась вакханалия: жандармский офицер вызвал на допрос моих родных и целый ряд жителей. Один жандарм даже ускакал за несколько сот вёрст от города к моей сестре с моей киевской фотографией. Однако жандармам не удалось получить подтверждение своих обвинений. Ковенский жандарм остановился в гостинице, где он всех допрашивал. Служащие гостиницы оказались дельной публикой: они подслушивали разговоры жандармов и поэтому знали, кого будут вызывать на допрос и куда поедут жандармы. Они сообщали всё, что слышали, моим родным, а последние уже принимали меры, чтобы вызываемые не вредили мне. Мои родные послали и к сестре предупредить, чтобы она не признавала меня по карточке. Больше того: служащие гостиницы узнали, кем и при каких обстоятельствах я был выдан. Провокатором оказался щетинщик, бывший активный бундовец Берел Грунтваген. В день ареста я его встретил вечером на улице. Всё это я узнал уже впоследствии.

Заключённые общей камеры в ковенской тюрьме приняли меня враждебно. На мой вопрос о причинах такого приёма они заявили в очень резкой форме, что я явился, чтобы спровоцировать их. Когда более серьёзная публика камеры увидела, что я искренне недоумеваю по поводу их нервозности и резкости, то они указали на съестные продукты, которые я привёз, и добавили, что они объявили голодовку против строгого режима тюрьмы и что администрация тюрьмы, поместив меня к ним, провоцирует их.

Что режим в тюрьме строгий, я увидел сейчас же, как только меня стали обыскивать: меня раздели догола, и надзиратели искали везде, где можно было что-либо спрятать. Как только я узнал о причинах «радушного» приёма, оказанного мне обитателями камеры, я выкинул всё съестное и присоединился к голодовке. К последней присоединился также весь наш коридор, а потом и все «политики». У нас забрали кровати, матрацы и все вещи (карцерное положение); таким образом, пришлось валяться на полу не только ночью, но и днём, ибо многие из нас, в том числе и я, на третий день уже лежали пластом. Голодовку проиграли, так как в тюрьме тогда сидели вместе с «политиками» разнородные элементы, в том числе и крестьяне из деревень, которые не привыкли добровольно голодать. В тюрьме сидело тогда много националистиче-

ски настроенных интеллигентов и много крестьян за аграрные беспорядки против польских помещиков 1905—1906 гг., в том числе и «тайный президент» тогдашней Литовской «республики» и его сын. Вся Ковенская губерния была наводнена стражниками, а все становые пристава и урядники превратились в следователей по политическим делам. Приёмы следствия у них были чрезвычайно просты и однообразны: забирали одного или нескольких крестьян какой-нибудь деревни и начинали бить и истязать их до тех пор, пока крестьяне не подтверждали всё, что хотели становые и урядники. Как только арестованные крестьяне «добровольно» выдавали своих сообщников, тех сейчас же арестовывали и создавали грандиозные процессы. Все уездные и губернские тюрьмы, все места заключения полицейских управлений были переполнены крестьянами, которые попали туда по вышеописанному случаю. Словом, содержание громадного количества стражников вполне «окупалось», «работы» им хватало. Кроме множества крестьян в тюрьме тогда сидело большое количество литовских, польских, еврейских и русских рабочих. Большею частью это был случайный элемент, попавший в тюрьму по доносам личных врагов. Были и видные литовские товарищи, выданные провокаторами. Их имена, к сожалению, мне не удалось сохранить в памяти. Я никого из них впоследствии, после выхода из ковенской тюрьмы, не встречал.

Вскоре после заключения в тюрьму меня вызвали на допрос. На допросе присутствовали жандармы, которые заявили, что определённо меня узнали. Они, видите ли, часто делали обыски у моего брата в Ковно и там меня видели! Нелепость и лживость этих заявлений были очевидны, так как у брата я не бывал с 1899 г. Тот же Свячкин, который приехал с моей карточкой после моего ареста, стал меня пугать арестантскими ротами, грозящими мне, как бродяге, очной ставкой с братом и т. д.; по правде сказать, мне было не по себе, ибо я не знал, как будет реагировать брат на нашу встречу. Допрос, однако, кончился ничем, но я всё время ждал очной ставки, которая так и не состоялась, так как жандармы, очевидно, потеряли всякую надежду доказать, что я именно тот, кого они ищут. Меня не трогали несколько месяцев, и всё это время я был в неизвестности. Я очень мало беспокоился о себе: мне уже было всё равно, получить ли поселение

под настоящей фамилией или сперва, как бродяге, арестантские роты, а потом поселение. Меня страшно беспокоила другая мысль: если будет доказано, кто я, то все мои родные, которые утверждали, что я Покемунский, будут арестованы и наверно высланы в Сибирь ни за что, ни про что.

Наконец, меня вновь вызвали на допрос. Как только я увидел торжественную обстановку, в которой должен был производиться допрос, я понял, что у жандармов есть что-то против меня и насторожился. За дверью, мимо которой я прошёл, были спрятаны понятые. После ряда вопросов Свячкин стал меня спрашивать, в каких городах России я бывал. Так как я не ответил на этот вопрос, то он сам стал называть города. В конце он назвал Херсон. Я резко ответил, что там не был. Жандарм даже подпрыгнул от удовольствия. Оказывается, что в вилькомирском воинском присутствии он откопал старую карточку Покемунского. Я, не долго думая, заявил ему, что я, как единственный сын своих родителей, освобождён от воинской повинности и даже не являлся в воинское присутствие. Карточка же, очевидно, не моя, потому что без карточки не принимали бумаг, доказывающих, что я льготник, и так как меня тогда в Вилькомире не было, то попала чужая карточка. Жандарм заявил мне, что даёт три дня срока для объявления настоящей фамилии; после этого срока, если я свою настоящую фамилию не открою, то буду предан суду, как бродяга. Через неделю меня отправили этапом, не сообщив куда. Оказалось, что меня опять отправили в Вилькомир. Из Янова я шагал пешком, поэтому меня увидели земляки, которые и предупредили моих родных о том, что я иду этапом. За городом меня уже встретили знакомые. Как только я очутился в кордегардии при полицейском управлении, ко мне явился мой шурин, который принёс мне кучу писем из Москвы, Ростова и из-за границы. (Олухи-жандармы рыскали везде, чтобы доказать, что я не Покемунский, но они совсем забыли просмотреть корреспонденцию, которая получалась на имя моего шурина. Там были шифрованные письма, которых было достаточно, чтобы начать обо мне новое дело.) Он же мне сообщил, что все поиски жандармов оказались тщетными и что как только он узнает, почему меня сюда привезли, он немедля даст мне знать. (Свидание мой шурин получил всего за взятку в 1 рубль.) На душе стало немного легче. Вечером я

получил записку, сообщавшую, что меня отправят в общество, откуда родом Покемунский, но будет предпринято всё, чтобы общество меня признало.

На следующий день утром меня и ещё одного ремесленника провели через весь город по направлению к Двинску. По дороге я своими собственными глазами видел те застенки, где расправлялись с крестьянами и уголовными, заставляя их признаваться, что они бунтовали, участвовали в сообществах, кражах и т. д., в то время как они во всех этих делах были неповинны. В одном из таких застенков мы имели остановку, и там люди, только что пережившие ужасы «допроса», рассказали нам о методах «следствия». После посещения урядника и его помощника нас отправили дальше, чем я был чрезвычайно доволен. Ни я, ни мой спутник не знали, что мы ещё попадём к становому, который был грозой всего стана.

В дороге мы были три дня и две ночи. На третий день вечером, в субботу, мы очутились в грязном городишке Уцянах, через который проходила железнодорожная узкоколейка Поневеж-Свенцяны. Во дворе дома пристава была его канцелярия, а немного поодаль стоял небольшой домик, очевидно, старая баня, превращённая в арестный дом. Он был пуст. Нас обоих провели через предбанник в небольшую тёмную камеру с одним маленьким оконцем. В воскресенье у пристава шло пьянство, и до нас долетали пьяные голоса, пляски и пение. В этот же день сторож, который приносил нам еду, рассказал о всех художествах, производимых приставом и его помощником. Порка и истязания арестованных происходили в первой комнате, через которую вводили арестованных в камеру, куда мы были помещены. Сторож показал нам на скамье засохшую кровь и добавил, что на пристава были жалобы и что кто-то приезжал расследовать, но что всё осталось по-старому и пристав продолжает истязания.

В воскресенье вечером нам стало жутко: в комнате темно, пьяные голоса во дворе всё приближались к нашему домику. Всю ночь мы ожидали нападения, но нас почему-то не тронули. В понедельник в сумерки вызвали моего соседа по камере. Не успели ещё закрыть дверь в нашу камеру, как послышался его нечеловеческий, душераздирающий крик. Ему, бедняге, попало за то, что администрация ковенской тюрьмы дала ему неправильный этапный маршрут: вместо того чтобы послать его по железной до-

роге в Двинск через Вильно, его направили через Вилькомир, Оникшты и Уцяны. «Мудрый» пристав сразу решил, что мой невольный спутник сам выбрал себе этот путь, чтобы бежать с этапа, и его били до потери сознания. После его возвращения вызвали меня. Я решил сопротивляться, поднял воротник и стиснул зубы. В темноте стал всматриваться, откуда может быть нападение. Но меня без всяких приключений ввели в светлую комнату. В комнате сидел пристав, а у противоположной стены стояло пять стариков, среди которых были и литовцы. Пристав скомандовал мне молчать и стал спрашивать стариков. Последние заявили, что я действительно являюсь сыном Покемунского, который эмигрировал в Америку, а я остался в России, что они меня очень хорошо знают и что я очень похож на отца. Никогда я этих людей даже во сне не видал и настолько был уверен, что меня ведут на истязание, что в тот момент, когда был у пристава, я не понимал, что там происходит. Только наутро пристав заявил, что на счастье меня признали, иначе я бы ног своих не унёс от него. Когда меня вели обратно, ко мне подошёл незнакомый человек и передал мне 5 рублей. Тогда я понял, что кто-то из моих друзей подстроил признание.

После того как общество признало, что я Покемунский, жандармы отказались от меня, но зато за меня взялся исправник. Он обвинял меня в том, что я вместо себя послал призываться подставное лицо, а это карается царским законом. (Меня обвиняли в том, что призывался действительно Покемунский, а не я!) Меня таскали в воинское присутствие, и оно постановило предать меня суду, а суд выпустил меня под залог в 100 рублей, и я, наконец, освободился от нелепого ареста. Этот арест был самым коротким в моей революционной деятельности, но зато больше всего потрепал мои нервы и сильно ухудшил моё материальное положение. Я дошёл до невероятного физического истощения. После освобождения я поехал в Ковно. Там я взял на время паспорт для поездки в Одессу к т. Орловскому (В. В. Воровскому), к которому я имел поручение от Заграничного бюро ЦК партии. С ним я уговорился насчёт приёма и распределения литературы, для чего познакомил его с моим сопроцессником т. Лебитом.

Из Одессы я поехал в ноябре 1908 г. через Каменец-Подольск во Львов, куда меня послало Заграничное бюро Центрального Комитета.

ОПЯТЬ ЗА ГРАНИЦЕЙ
1908—1912 гг.

Я получил поручение ознакомиться с транспортным аппаратом львовских товарищей, поставивших себе целью снабжение юга России революционной социал-демократической литературой, которая опять стала издаваться за границей. С большим трудом я нашёл львовичей, ибо явка, которую мне прислала Надежда Константиновна, когда я сидел в ковенской тюрьме, была зашифрована неправильно (улица Сенаторче — вместо Ленартовиче). При детальном ознакомлении с постановкой транспорта я нашёл, что пуд литературы нам обойдётся слишком дорого и что в России потребуется слишком сложный и большой аппарат. К тому же не было никакой гарантии, что литература будет доставляться быстро. Когда я сообщил своё мнение в Женеву, в ЗБЦК (Заграничное бюро ЦК), мне предложили приехать туда. По дороге я остановился в Кракове у польских товарищей. Если память мне не изменяет, я там встретился с т. Ганецким, передал ему поручения, имевшиеся у меня к польским товарищам. В Кракове же я встретил т. Гурского, которого я не видал со времени побега из киевской тюрьмы. В Вену я приехал утром, а поезд в Швейцарию уходил после обеда, поэтому я отправился к Лёве [1], который обосновался в Вене. От него я узнал, кто из наших общих знакомых за границей и что делается в заграничных партийных кругах. Оказалось, что среди большевиков начались разногласия по вопросу об участии социал-демократов в III Думе. Перед

[1] Владимирову.

выборами в III Думу среди большевиков не было единства в этом вопросе.

Я помню, что в 1907 г., перед II общероссийской партконференцией, был издан сборник статей за и против участия социал-демократов в выборах. Ленин был за участие, а Богданов — против. Но в выборах после решения партии большевики участвовали дружно. Для меня в тот момент было непонятно, почему этот вопрос опять поставлен, когда фракция в III Думе давно уже существовала.

По дороге из Вены в Женеву я проехал через Тирольские горы. Мне и в последующие годы пришлось несколько раз проезжать через прекрасные, тихие Тирольские горы, и в последующие мои поездки они манили меня своей величественной красотой и ленивой тишиной. Но осенью 1908 г., когда я ехал в Женеву после изнурительной и нервной работы в Москве и тягостного последнего ареста, Тирольские горы навеяли на меня какое-то смирение. Я тогда думал: неужели человечество не может обойтись без эксплуатации человека человеком, без войны и без классовой борьбы? Такое настроение длилось недолго. Как только приехал в Женеву, я забыл о существовании Тирольских гор и стал входить в курс дел за последние 6 месяцев.

В Женеве я застал Ильича, Надежду Константиновну, Марию Ильиничну, Иннокентия, Виктора Таратуту (он был тогда секретарём ЗБЦК) и Житомирского (Отцова). Последний жил в Париже, и его вызвали специально для того, чтобы он мне сдал дела. С Житомирским я был очень дружен. Когда мне пришлось оставить свою квартиру в Берлине из-за слежки во время подготовки III съезда партии, я переехал к нему. Он мне помогал в работе по транспорту; я ему диктовал деловые немецкие письма, а очень часто и деловые письма на русском языке, так как у меня почерк очень скверный. А перед отъездом в Россию в 1905 г. я передал ему и Гецову все связи по транспорту.

Когда же издание партийных органов было опять перенесено за границу, то до моего приезда Житомирскому было поручено восстановить старые транспортные связи. Этого сделать ему не удалось, ибо личных знакомств у него не было, а так как в транспортировке литературы был перерыв больше чем в 2 года, то требовалось возобновление старых связей путём личных свиданий с немец-

кими социал-демократами и с крестьянами, живущими по обе стороны границы. Он попытался съездить на границу, но там ему социал-демократы не поверили. Не помогло и заявление, что он работал всё время со мной вместе. В Женеве Житомирский меня очень тепло встретил, помог мне устроиться и попутно информировал о том, что им было предпринято для налаживания транспорта. На мой вопрос, почему он не живёт в Берлине, где легче работать и ближе к границам, он сообщил мне, что случилось в Берлине за то время, пока я был в России. По его рассказам, берлинская полиция арестовала собрание русских социал-демократов. Кто-то из присутствовавших на этом собрании выбросил якобы адрес того склада, в котором хранилась наша литература, револьверы и адрес гостиницы, в которой жил т. Камо [1]. У него нашли чемодан с двойным дном, где лежал динамит [2]. У т. Камо, по словам Житомирского, была найдена его, Житомирского, визитная карточка, почему ему и пришлось оставить Берлин. Житомирский не советовал и мне обосновываться в Берлине, потому что там было очень строго; в одной гостинице арестовали Папашу и выслали, а меня там искали. Теперь не подлежит ни малейшему сомнению, что все аресты, которые тогда были произведены за границей среди большевиков, были организованы им, Житомирским, но тогда он ещё был вне подозрения.

Через несколько дней после моего приезда я пошёл на реферат Алексинского. Темы его реферата не помню, но он много говорил о III Государственной думе и о деятельности думской социал-демократической фракции. По его

---

[1] Камо — кличка; настоящее его имя — Семён Тер-Петросян.

[2] В примечании 1 к письму Аксельрода к Мартову от 20(7) декабря 1907 г. № 62 и в примечании 1 к письму Мартова к Аксельроду от 18(5) января 1908 г. № 65 редакция писем Аксельрода и Мартова пишет, что динамит был приготовлен для нападения на банкирскую контору Мендельсона (см. т. I «Материалов по истории русского революционного движения», «Письма П. Б. Аксельрода и Ю. О. Мартова», Русский революционный архив, Берлин). Это сообщение редакции неверно. Динамит был приготовлен, как я после выяснил, для Кавказа. Тов. Камо долго держали в прусских тюрьмах. Чтобы не быть выданным России, он артистически симулировал сумасшествие. Все специалисты Германии признали его ненормальным. Всё же он был выдан царскому правительству, которое поместило его в психиатрическую лечебницу, откуда он благополучно бежал. Тов. Камо принимал участие в гражданской войне на Кавказе. Трагически погиб при катастрофе в 1922 г. в Тифлисе.

словам, думская фракция III Государственной думы не ведёт классово-пролетарской линии, а своими выступлениями члены фракции только дискредитируют нашу партию. Из этого он делал вывод, что фракции нужно предъявить ультиматум с требованием проводить партийную линию. Если же она не выполнит требования, то её нужно отозвать из Думы. После реферата были оживлённые прения, в которых принимали участие и меньшевики. Против Алексинского очень горячо выступил т. Иннокентий. Это было чуть ли не первое публичное выступление ЦК, или Большевистского центра, против части большевиков (Алексинского, Луначарского, Богданова, Лядова и др., которые выделились в отдельную группу со своим печатным органом «Вперёд», после того как Большевистский центр отмежевался и осудил отзовизм-ультиматизм [1], махизм и богостроительство, но это уже было в середине 1909 г.). Тов. Иннокентий в своём выступлении признавал деятельность думской фракции слабой и осуждал её желание быть автономной и независимой от ЦК партии, но считал, что деятельность фракции надо изменить не ультиматумом или отзывом, а посредством выправления ЦК её партийной линии и открытой критикой поведения. Отказ же от участия в Государственной думе отразится вредно на интересах рабочего класса России, так как для партии важно использование даже III Думы в качестве трибуны. Жизнь впоследствии показала, что фракция РСДРП III Думы к концу её полномочий всё же до известной степени выправила свою первоначальную линию, а несколько большевиков, которые там были (например, т. Полетаев),

---

[1] Перед выборами в III Государственную думу (1907 г.) среди некоторой части большевиков возникло течение за бойкот выборов в эту Думу, причём мотивы подобной тактики переносились механически из эпохи булыгинской и I Государственной думы. Уже после того как в III Государственную думу прошли социал-демократы, среди большевиков возникло два течения: одно считало необходимым отказаться вовсе от использования думской трибуны и отозвать думскую фракцию социал-демократов (отзовисты), другое требовало предъявления думской фракции немедленного ультиматума о проявлении ею большей революционности в Думе и в случае отклонения ультиматума отзыва фракции (ультиматисты). Считая, что основная задача партии после поражения революции 1905 г. состоит «в собирании революционных сил пролетариата и использовании для этого всех легальных возможностей, в том числе и трибуны Государственной думы», большевики во главе с Лениным боролись со всей энергией с указанными уклонами.

принесли партии огромную пользу: т. Полетаев много потрудился над созданием «Звезды» и «Правды».

После ознакомления со всеми делами, связанными с транспортом (в скольких экземплярах печатается «Пролетарий», какие брошюры имеются для отправки в Россию, как организована экспедиция и пр.), было решено, что я еду опять на транспортную работу в Германию и обосновываюсь в Лейпциге. Меня снабдили заграничным паспортом некоего студента Рашковского, который, однако, мне пришлось сейчас же по приезде в Лейпциг бросить, так как оказалось, что Рашковский сам раньше жил в Лейпциге. При заявке паспорта в полиции нужно было указать девичью фамилию матери и другие подробности, мне не известные. Если бы по приезде в Лейпциг я случайно не узнал, что Рашковский жил там, то при прописке в полиции и указании несовпадающих сведений я мог бы быть арестован.

В конце декабря 1908 г. я выехал на границу Пруссии и проездом остановился в Лейпциге. Так как у меня были там знакомства среди немцев, то мне легко было найти комнату, где я мог жить без прописки, и адреса для получения из-за границы не по своему адресу писем, которые я сейчас же послал ЗБЦК в Женеву. По приезде в Кёнигсберг я остановился у секретаря социал-демократической организации т. Линде. У последнего и у Гаазе я узнал о переменах, происшедших в социал-демократических организациях на границах, получил у них рекомендации к тем социал-демократам, которые меня не знали, и поехал на все прежние границы. Мне легко и быстро удалось восстановить прежние связи для переправы литературы и товарищей из-за границы в Россию и обратно.

Вернувшись в Лейпциг, я прежде всего стал основательно подготовлять всё нужное для дела за границей: получил чердак в помещении социал-демократической «Лейпцигской народной газеты», где я устроил склад нашей литературы и приспособил всё для упаковки. Все материалы, нужные для упаковки, я выписал через экспедицию газеты. Литературу же нашу из Женевы и позже из Парижа Макс Зейферт и Леман разрешили мне получать в адрес конторы на их имена. В их же адрес я стал получать денежные переводы и письма из-за границы. Для писем из России я получил множество адресов активных работников лейпцигской социал-демократической ор-

ганизации, большинство которых работало тут же, в «Лейпцигской народной газете». Таким образом, по получении из России писем адресаты приносили их Максу Зейферту, а у последнего или я лично забирал каждый день, или же мне приносил их мой квартирный хозяин, активный социал-демократ, который несколько раз в день бывал по делам у Макса Зейферта. Оставалось только найти явки и квартиры для приезжавших ко мне товарищей из-за границы и из России. И с этой задачей я быстро справился: явку для заграничников я устроил в Народном доме. Там же было нечто вроде гостиницы для товарищей, которые приезжали на несколько дней. Гостиница была хорошая. Для тех, которые задерживались дольше у меня, гостиница была слишком дорога, и поэтому я имел ряд комнат в частных квартирах, которые я оплачивал только за те дни, когда кто-нибудь там жил. Явки для России были в частных квартирах. С явочными квартирами я был всегда связан телефоном через моего квартирного хозяина (у него дома был телефон). В Лейпциге за период 1909 — 1912 гг. у меня перебывало множество товарищей, многие из которых теперь активнейшие работники нашей партии и Советской власти. Нужно иметь в виду, что транспорт нашей литературы был запрещён и почти все товарищи, бывавшие у меня, являлись для саксонской полиции «нежелательными иностранцами». Они жили без заявки в полиции, да и мне самому пришлось порядочное время жить без прописки, пока я не раздобыл себе чужой заграничный паспорт, по которому мог прописаться.

От лейпцигской русской колонии, которая была довольно многочисленна и состояла главным образом из студентов национальных меньшинств царской России, я держался очень далеко. Только с Максом Савельевым и его женой, которые в то время учились в Лейпциге, я встречался часто. Плохо обстояло дело с организацией аппарата транспорта в России: получать литературу недалеко от германо-русской границы, отправлять её в какой-нибудь крупный русский город, а оттуда под различным видом рассылать или развозить по местным организациям было очень трудным делом в 1909 г. Меня ЦК связал с находившимися в Вильно Александром Струминым и Соней Кренгель. Им было поручено выполнить вышеописанную задачу. Я связал их с теми лицами в пограничной полосе

России, от которых они должны были получать литературу, и стал посылать её, не дожидаясь организации аппарата в России. По различным причинам виленцам не удалось выполнить возложенные на них задания, и мне пришлось возобновить отправку литературы в Россию небольшими партиями «панцырным» и чемоданным (с двойным дном) способами. Последним способом я отправил в описываемое время немало литературы с ехавшими в Россию товарищами. Они отвозили её в Питер, Москву или в другие города. Часто мы направляли литературу в Вильно, оттуда уже рассылали её по России.

Наконец, я настоял на том, чтобы для транспортной работы в России дали более ответственного товарища, с инициативой, который не ждал бы у моря погоды, а сам ездил бы на русскую сторону к границам, к тем контрабандистам, с которыми мы имели дело. Был назначен т. Зефир Илья (Сергей Моисеев), который в начале лета 1909 г. приехал ко мне в Лейпциг. Мы составили план дальнейшей работы, после чего он поехал в Россию для налаживания приёмки литературы. В июне того же 1909 г. т. Зефир вновь приехал ко мне в Лейпциг, и мы вместе поехали в Тильзит, где нас уже ожидали те лица, которые взялись доставлять литературу в Россию. Тов. Зефир взял у контрабандистов адреса, по которым их можно было найти в России, и сейчас же поехал туда сам. Дело сразу заметно двинулось вперёд.

Из всех связей, которые были тогда в нашем распоряжении, мы оставили лишь самые солидные: контрабандиста — литовского крестьянина Осипа (у него было порядочное хозяйство) и сувалкского мещанина Натана. Осип через своих людей забирал литературу в пакетах в Тильзите, в типографии Маудерода, и доставлял её в деревни близ железнодорожных станций Шавли и Радзивилишки бывшей Либаво-Роменской железной дороги. Оттуда литературу забирали товарищи из транспортной группы России. Осип брал недорого: 18—22 рубля за пуд, но зато он переносил в один раз не меньше 4 с половиной пудов (3 пакета по полтора пуда в упаковке, какая нами практиковалась в период до 1905 г.). В 1904 и 1905 гг. он транспортировал по 10 пакетов и больше в один раз. Но процедура доставки от Тильзита до русской деревни отнимала много времени. Несмотря на то, что Осип работал без провалов, эта граница была для нас менее ценна, ибо мы

главным образом транспортировали периодический орган «Пролетарий», который хотя и выходил аккуратно, но всё же терял значение от долгого лежания на границе.

Зато Натан доставлял литературу очень быстро и довольствовался за один раз лишь одним пакетом в полтора пуда. Мы называли этот транспорт «экспрессом», ибо в несколько дней он доставлял наши пакеты из Гольдапа (Пруссия), куда мы ему их присылали, до Гродно (недалеко от города). За такой транспорт мы не скупились платить и по 35—40 рублей с пуда. Сам Натан, с которым я изредка виделся, производил впечатление полуидейного человека, полуконтрабандиста. С нами он работал честно и много нам тогда помогал. Несмотря на то, что для отправки людей через границу в Россию и обратно у нас была хорошая граница Щучин — Граево, мы через Натана отправляли людей из-за границы и из России, так как Гродно и Августово были оживлёнными пунктами, через которые наша публика проезжала незаметно.

Обе границы работали с небольшим аппаратом. Для «экспресса» — транспорта, который главным образом и работал тогда, была направлена в Гродно товарищ К. Я. Лебит — жена П. Лебита, с которым я сидел вместе в Одессе (он сам тоже работал в Гродно по транспорту несколько месяцев в 1910 г.). Как организация, так и связи, о которых я писал выше, остались без изменения до 1913 г., хотя в России уже выходила легальная ежедневная газета «Правда».

Заграничная партийная литература стала попадать в Россию в большом количестве и аккуратно. Транспорт работал без перебоев до середины 1910 г. Тов. Зефир имел и свою штаб-квартиру в Минске (в переписке мы называли Минск Моршанском), но ему часто приходилось бывать по делам в Питере и Москве. В Москве же он и был арестован летом 1910 г. Мы стали искать заместителя Зефиру, ибо вся транспортная организация сохранилась и арестом Зефира не была затронута. И вот мы получили письмо от Матвея Бриндинского (он оказался провокатором), в котором он сообщал, что выезжает за границу по требованию т. Ногина (последний был тогда в Русском бюро Центрального Комитета). Мне письмо Матвея не понравилось (он писал в нём химическим способом, без шифра, что выезжает из Питера тогда-то и просит его встретить, для чего описал свою наружность). Я сейчас

же сообщил об этом письме Марку (Любимову) в Париж (последний заведовал тогда всеми техническими делами ЗБЦК). Марк высказал своё мнение, что Матвей написал такое письмо по неопытности. Когда Матвей приехал, выяснилось, что Макар (Ногин) назначил его преемником т. Зефира. Кроме т. Ногина его рекомендовали Мария Ивановна Томская и другие товарищи. (Матвей работал как профессиональный революционер с 1909 г., со времени своего побега из тобольской ссылки, в Питере и Москве, сначала как секретарь и организатор многих районов, потом как уполномоченный и заведующий паспортным бюро Центрального Комитета. После ареста т. Зефира Русское бюро ЦК назначило Матвея заведующим транспортом в России.) Я передал Матвею связи с товарищами в России, которые уже работали по транспорту. По приезде в Россию он взял к себе в помощники т. Валерьяна (Залежского), который вёл всю практическую работу, а сам Матвей вёл переписку со мной и с Русским бюро ЦК или с его уполномоченными. Местопребыванием Матвея был Двинск, а Валерьян жил то в Гомеле, то в Новозыбкове. В начале работы Матвея всё шло недурно: литература получалась и аккуратно развозилась по России. Но позже, хотя мы и посылали литературу на границу и оттуда её вывозили (я посылал деньги контрабандистам после того, как они и Матвей извещали, что литература забрана с границы), в России организации или совсем не получали литературы, или получали её очень редко. Из-за этого я несколько раз вызывал Матвея за границу. Там мы вырабатывали планы, как лучше и быстрее посылать литературу парторганизациям, и вначале, по возвращении Матвея в Россию, дело двигалось лучше, но потом литература опять начинала куда-то пропадать (позже уже выяснилось, что львиная доля всей посылавшейся нами литературы Матвеем отправлялась в московское жандармское управление и в департамент полиции). В 1911 г. я ему написал, что если майский листок, который был издан ЦО, не будет доставлен во-время таким-то и таким-то организациям, то мы распустим транспортную организацию в России за бездеятельность. Результат был поразительный: листок доставлен был во-время. В конце 1911 г. на основании накопившихся у меня данных против Матвея я потребовал удаления его с работы и недопущения на январскую партконференцию 1912 г., на которую он хотел проник-

нуть, и выдвинул против него обвинение в провокации, хотя прямых улик против него у меня и не было. Я думаю, что не лишне рассказать товарищам читателям, каким образом я пришёл к заключению, что Матвей — агент охранки. О первом странном письме, которое я получил от него из Питера, я уже писал выше. От этого письма у меня остался скверный осадок. Кроме того, мне казалось странным, что аппарат транспорта в России не арестовывается, литература всё время регулярно получается, но она куда-то пропадает; когда же я пригрозил роспуском организации, майский листок быстро и аккуратно был доставлен организациям. Меня также удивляло, что Матвей приезжал за границу с заграничными паспортами: в годы злейшей царской реакции не каждый нелегальный работник мог добыть такую роскошь, как заграничный паспорт. В августе 1911 г. Матвей был у меня в Лейпциге. Приехал к этому времени на совместное совещание и Марк из Парижа. Перед отъездом Матвей вручил мне свой денежный отчёт. В этом отчёте в расходах было указано, что Матвей вернул кому-то 100 рублей долгу. На моё замечание, что тогда эти 100 рублей должны быть внесены и в приход, он, нисколько не смутившись, взял обратно отчёт, а на следующий день 100 рублей красовались уже в приходе, зато на 140 рублей увеличился расход. Меня эта история страшно возмутила. Отчёта я не принял, а потребовал от него присылки отчёта со всеми оправдательными документами. Для меня настолько было ясно, что он нечистоплотный субъект, что я отправился к Рыкову, который находился в Лейпциге и должен был ехать вместе с Матвеем в Россию, и рассказал ему об инциденте с отчётом. Я ему заявил, что возражаю против его поездки вместе с Матвеем, а Матвею сказал, что Рыков остаётся в Лейпциге.

Рыков по приезде в Москву был тотчас же арестован, у него были взяты зашифрованные адреса, которые расшифровала охранка и по которым было произведено много арестов (московские газеты тогда писали, что, наконец-то, Рыков пойман с поличным и будет предан суду). Сейчас же после ареста Матвей мне написал, что Рыков наверно будет выслан административным порядком в Сибирь. (После отъезда Рыкова в Россию Загорский мне сообщил, что Матвей помогал Рыкову шифровать адреса. Я тогда подумал, что Матвей, выдав Рыкова, очевидно,

испугался последствий ареста для себя, поэтому он настоял перед охранкой, чтобы Рыкова только выслали в Сибирь.) И наконец, когда я узнал от делегата Виленской и Двинской организаций на январской партийной конференции 1912 г. М. Гурвича, что Матвей в октябре 1911 г. был арестован в Двинске и сейчас же выпущен, о чём он сам мне не сообщил, то я окончательно убедился, что он провокатор, и телеграфировал Надежде Константиновне Крупской, чтобы его не допустили на конференцию. Я случайно узнал, что он поехал прямо в Париж, чтобы оттуда попасть на конференцию, ибо он уже чувствовал, что я к нему отношусь с подозрением. Письмо, которое я послал вслед за телеграммой в Париж с изложением всех фактов, оказалось, очевидно, убедительным, ибо на конференцию он не был допущен. Он протестовал против моих обвинений, и дело было передано Бурцеву, который проверял основательность обвинения. Перед моим отъездом в Россию в 1913 г. я и Зефир (Моисеев) были допрошены Бурцевым по делу Матвея. Как я, так и Зефир были уверены в том, что он провокатор.

В 1917 г. по документам московского охранного отделения, изданным М. А. Цявловским под названием «Большевики», удалось установить, что Матвей играл крупную роль как злостнейший провокатор с 1909 г. Он не довольствовался передачей многочисленных транспортов литературы в охранку, арестом многих членов ЦК партии и русских организаций, но ещё составлял политические доклады о большевизме. Впрочем, я думаю, что последние составлялись не им, а жандармами на основании его донесений, ибо Матвей для этого был, по-моему, политически малограмотен.

После устранения Матвея, в конце декабря 1911 г., я связался с Валерьяном. Мы переменили явки, сменили кое-кого из товарищей, и транспорт заработал хорошо. С 1912 г., с оживлением рабочего движения в России, с выходом ежедневной газеты «Правда» транспорт и отправка заграничной литературы потеряли своё прежнее значение; транспорт всё уменьшался.

Поскольку я здесь касаюсь своей работы в Лейпциге в 1909—1912 гг., не лишне будет кратко остановиться на образовании и деятельности лейпцигской группы содействия РСДРП за тот же период.

Я уже упоминал о том, что по приезде в Лейпциг я сто-

ронился русской студенческой публики (эмигрантов было очень мало, и то это были главным образом фабрично-заводские рабочие, с которыми мы только впоследствии тесно связались), а между тем русская студенческая колония имела свой клуб, библиотеку-читальню и столовую, где всегда толкалась русская публика. Единственными товарищами, которые могли бы связать большевистскую группу со студентами, были Савельевы, но они вскоре после моего приезда уехали в Мюнхен на шесть месяцев. В середине лета 1909 г. в Лейпциг приехала Н. Маршак и начала посещать русские студенческие организации. Оказалось, что среди студенчества имеются сторонники большинства и меньшинства РСДРП, члены СДПиЛ и Бунда.

По инициативе Н. Маршак была создана группа, в которую вошли Савельевы, Маршак, я и студенты Брахман, Бродский и два меньшевика-партийца — Лондон и Рязанский. У бундовцев и у СДПиЛ группы содействия уже существовали. В группу Бунда входили: Спектатор (Нахимсон), Баксты, муж и жена, Рабинович и др., а в польскую группу — Радек, Бронский, Муха и др. После образования нашей группы и меньшевики создали свою группу содействия, в которую входили: Пётр (Рамишвили), Каплун, Бабаев (Кавказец) и др. После заграничного пленума ЦК РСДРП в начале 1910 г., на котором произошло соглашение между всеми частями партии (об этом ниже), члены меньшевистской группы кроме Петра (Рамишвили) вошли в нашу группу. При их вхождении мы согласились средства, которые группа собирает, отправлять не в заграничный центр, а непосредственно в Россию. Таким образом, в Лейпциге существовали три социал-демократические организации. Так как ни одна из вышеназванных групп не имела за собой больше половины студентов, то для того, чтобы приобрести влияние во всех студенческих выборных органах и провести в них социал-демократических кандидатов, необходимо было совместное выступление всех социал-демократов с единым списком. Это и заставило создать постоянный орган из представителей всех трёх групп для согласования действий в колонии, так как без студенческих организаций группы содействия не могли существовать: устройство вечеров, рефератов и пр. легально было возможно только под флагом студенческого русского ферейна (союза). Среди студентов была также сильная группа, которая отстаивала независимость

студенческих организаций от социалистических групп. Когда группа содействия большевикам была организована, я стал принимать в ней активное участие, хотя в студенческих учреждениях бывал редко и никогда там не выступал.

Что делала группа содействия для партии? Она следила за партийной жизнью и обсуждала партийные вопросы, устраивала дискуссионные собрания для всех социал-демократов по партийным вопросам (помню доклад Рыкова о ликвидаторстве в РСДРП в 1911 г. и Луначарского — о внутрипартийных разногласиях в 1912 г.), организовывала рефераты (в Лейпциге Владимир Ильич читал о Толстом в феврале 1912 г., и в этом же месяце т. Луначарский — на литературную тему и др.), устраивала собрания всех социал-демократов по поводу 1 Мая, 22(9) января и пр., наконец, продавала среди студентов и через немецких социал-демократов в книжных магазинах партийную литературу (заграничную — брошюры и газеты «Пролетарий», «Социал-Демократ» и питерскую «Звезду») и устраивала вечера, которые всегда пополняли средства партийной кассы. Кроме того, она производила сборы денег для заключённых и эмигрантов. Все три социал-демократические группы в Лейпциге, безусловно, имели крупное идейное влияние на лейпцигское русское студенчество.

Должен ещё прибавить, что через студентов, как членов группы, так и сочувствовавших нам, я отправлял в «панцырях» литературу в Россию (сейчас же после январской конференции 1912 г., как только вышло извещение о ней, я отправил это извещение с членом группы Б. Лондоном) и брал у студентов их заграничные паспорта, чтобы отправлять в Россию активных большевиков. В лейпцигскую группу содействия вступили сейчас же по приезде тт. Загорский, Пилацкая и Лазарь Зеликсон. Лейпцигская группа содействия всё время имела компактное большинство старых большевиков и была тесно связана с Большевистским центром и другими заграничными группами содействия большевикам.

УСИЛЕНИЕ РАЗНОГЛАСИЙ ВНУТРИ РСДРП
1908—1911 гг.

Разногласия между меньшевиками и большевиками перед революцией 1905 г. по всем крупнейшим вопросам тактики были очень велики. Разногласия по некоторым вопросам были разрешены самими октябрьскими событиями — революционным натиском 1905 г.,— например по вопросу, должны ли социал-демократы участвовать в выборах в булыгинскую Думу или выборы нужно бойкотировать, как предлагали большевики. Булыгинская совещательная Дума была сметена, появился новый закон о созыве Государственной думы. Но главные пункты разногласий между меньшевиками и большевиками остались и не были устранены ни IV (Объединительным) съездом, ни V съездом партии. Это были разногласия по вопросам о характере русской революции, о роли пролетариата в ней и по вытекающему отсюда вопросу об отношении пролетариата к крестьянству и к либеральной буржуазии. Я уже упомянул выше, что во время выборов во II Государственную думу выявились две тактики: меньшевики допускали «местные соглашения с революционными и оппозиционно-демократическими (кадетами.— *О. П.*) партиями», «если в ходе избирательной кампании выясняется опасность прохождения списков правых партий» (из пункта 4 резолюции I Всероссийской конференции РСДРП в ноябре 1906 г.). На деле же меньшевики и Плеханов во многих местах призывали голосовать за кадетов. Большевики же предлагали «на первой ступени избирательной кампании, т. е. перед массами... по общему правилу выступать безусловно самостоятельно и выставлять только пар-

тийные кандидатуры». Исключения допускались «в случаях крайней необходимости и лишь с партиями, вполне принимающими основные лозунги нашей непосредственной политической борьбы, т. е. признающими необходимость вооружённого восстания и борющимися за демократическую республику. При этом такие соглашения могут простираться лишь на выставление общего списка кандидатов, ни в чём не ограничивая самостоятельности политической агитации социал-демократии» (из особого мнения, поданного на той же конференции большевиками, оставшимися на ней в меньшинстве).

После разгрома II Думы, когда укрепился столыпинский режим, разногласия углубились. Они касались уже самого существования нашей партии. Плеханов громогласно заявил, что не надо было браться за оружие (речь идёт о вооружённом восстании в декабре 1905 г. в Москве и в других городах России), а меньшевики в печати обвиняли нас, большевиков, в том, что мы отпугнули кадетов тем, что стали выставлять социальные требования, 8-часовой рабочий день и пр.; выходило, что большевики виновны в том, что революция 1905 г. потерпела поражение. По заявлению меньшевиков, никаких надежд и признаков нового революционного подъёма не предвидится, ибо столыпинский режим укрепился всерьёз и надолго. Исходя из этого, меньшевики предлагали приспособиться к столыпинскому — царскому строю, а это значило, что РСДРП должна была работать легально в рамках царских законов, для чего она должна была выкинуть за борт программу и тактику партии, т. е. ликвидировать партию как революционную социал-демократическую партию. Иного взгляда придерживались большевики. Они заявляли, что коренные вопросы, которые вызвали революцию 1905 г., не разрешены. Рабочий класс не удовлетворён: он не получил ни свободы союзов, ни свободы стачек, ни свободы собраний и слова, ни 8-часового рабочего дня, нет никакого социального страхования, а заработная плата стала ещё ниже, чем была до революции. Не получил ничего и крестьянин: земля осталась у помещиков, налоги не уменьшились, он остался таким же бесправным, как и до революции. Значит, задачи революции не решены. Буржуазно-демократическая революция, говорили большевики, потерпела временное поражение, но она вспыхнет с ещё большей силой. Исходя из такой революцион-

ной перспективы, большевики категорически настаивали на сохранении как нелегальных партийных социал-демократических организаций в России, так и революционной социал-демократической программы и тактики.

Теперь все рабочие в России знают, что большевики оказались правы и что их кропотливая идейная организационная работа в идейном и практическом отношении не пропала даром; но потребовались колоссальные усилия и жертвы, чтобы отстоять партию от ликвидаторов справа и «слева», отзовистов и ультиматистов.

К тому времени как я приехал за границу, осенью 1908 г., меньшевики-ликвидаторы и большевики имели уже свои печатные органы за границей и уже оформились (у меньшевиков был «Голос социал-демократа», а у большевиков — «Пролетарий»). Оба течения были связаны с русскими организациями. Кроме того, в Вене издавалась Троцким газета «Правда», которую он считал нефракционной. Вокруг этой газеты группировались социал-демократы, главным образом за границей, которые якобы не хотели примкнуть ни к большевикам, ни к меньшевикам, но на деле они стояли близко к ликвидаторам. Троцкий был центристом, он пытался примирить в одной партии большевиков с меньшевиками на ликвидаторской платформе. После январской (1912 г.) Пражской всероссийской партийной конференции, созванной большевиками, Троцкий возглавлял Августовский блок, фактически направленный против большевиков (в Августовском блоке участвовали кроме группы венской «Правды» ликвидаторы, впередовцы, Кавказский областком, латыши и Бунд). В «клубе» венской «Правды» принимали участие помимо Троцкого тт. Урицкий, Семковский, Иоффе и др. Во главе «клуба» венской «Правды» и самой газеты стоял Троцкий, который вёл борьбу против Ленина и большевиков так же, как до, во время и после революции 1905 г. Когда Троцкий стал издавать «внефракционную» венскую «Правду», он вёл замаскированную ожесточённую борьбу против большевиков, чтобы рабочие в России не смогли установить настоящее лицо «нефракционной» газеты [1].

---

[1] В одном из писем в 1909 г. Ленин дал следующую характеристику Троцкого и его венской «Правды»: «Насчет *«Правды»* читали ли Вы письмо Троцкого к Иноку? (Дубровинскому.— *Ред.*). Надеюсь, убедились, если читали, что Троцкий повел себя, как подлейший карьерист и фракционер *типа* Рязанова и К⁰? Либо равенство в редакции,

Примиренческую позицию к Троцкому занимал в то время Каменев. После же того, как выяснилось, что меньшевики не выполнили постановления пленума ЦК 1910 г. о борьбе с ликвидаторством, закрытии своего фракционного органа и т. д., Троцкий продолжал усиленную кампанию против большевиков. После же Пражской конференции партии кампания против большевиков перешла в травлю. Вдохновителем Августовского блока ликвидаторов и созванной им конференции летом 1912 г. в Вене являлся всё тот же «нефракционный» Троцкий. Группа же «Вперёд» только-только складывалась. Она составилась после расширенного заседания редакции «Пролетария» в 1909 г. из различных товарищей: одни были против участия социал-демократов в Думе, другие были недовольны удалением из рядов большевиков «отзовистов», как тогда называли сторонников отзыва социал-демократических депутатов из III Думы. В группу «Вперёд» входили также сторонники идеалистической философии Маха, несовместимой с учением Маркса и Энгельса (Богданов — Рядовой и др.), и «богостроители» [1] (Луначарский и др.), от которых большевики отмежевались. Группа «Вперёд» издавала свой фракционный орган, который выходил нерегулярно. Эта группа влияния на рабочие массы в России не имела. Она пользовалась главным образом старыми большевистскими связями, но как только партийные товарищи узнавали, что вперёдовцы и большевики — не одно и то же, они тут же переходили к большевикам. (Вперёдовцы устроили партшколу на острове Капри. Выписали из России рабочих — членов партии. После окончания курса школы почти все ученики перешли к большевикам.) В группе «Вперёд» были Алексинский, Богданов, тт. Лядов, Луначарский и

подчинение ЦК... либо разрыв с этим проходимцем и разоблачение его в ЦО. Болтает о партии, а ведет себя хуже всех прочих фракционеров» (*В. И. Ленин,* Соч., т. 34, стр. 349).

[1] «Богостроительство» имело немногочисленных сторонников среди большевиков 1908—1910 гг. Тов. Ленин дал ему такую характеристику:

«Богоискательство отличается от богостроительства или богосозидательства или боготворчества и т. п. ничуть не больше, чем желтый чорт отличается от чорта синего. Говорить о богоискательстве не для того, чтобы высказаться против *всяких* чертей и богов, против всякого идейного труположства (всякий боженька есть труположство — будь это самый чистенький, идеальный, не искомый, а построяемый боженька, все равно),— а для предпочтения синего чорта желтому, это во сто раз хуже, чем не говорить совсем». (*В. И. Ленин,* А. М. Горькому, Соч., т. 35, стр. 89.)

др. Фактически эта группа хотя и считала себя левее большевиков, но пошла на блок с ликвидаторами и участвовала с ними в Августовском блоке и созванной им августовской конференции.

В последующие годы (с 1910 по 1914 г., вплоть до войны) в РСДРП образовались ещё две заграничные группы: меньшевики-«партийцы», или плехановцы, во главе с Плехановым и большевики-примиренцы «партийцы». Плеханов и плехановцы, оставаясь с меньшевиками, были против ликвидации нелегальной партии и приспособления к столыпинскому режиму и стояли за объединение всех партийных элементов, против ликвидаторства. Большевики же примиренцы заявляли, что они остаются большевиками, но не согласны и не могут мириться с раскольнической якобы тактикой и непримиримостью Ленина и ленинцев[1]. На деле большевики-примиренцы («партийцы» — как они себя называли) всеми средствами препятствовали и тормозили борьбу с ликвидаторами тем, что они цеплялись за решения пленума ЦК 1910 г., хотя никто из участников пленума, кроме большевиков, не выполнил этих решений; они мешали печатанию и распространению ЦО партии, созданию Организационного комитета по созыву партконференции и т. д. (В эту группу входили Марк (Любимов), Лёва, Лозовский и др. Большевики-примиренцы не имели никакого влияния на существовавшие тогда в России организации.) В 1912—1914 гг. (до войны) обе вышеназванные группы почти слились и начали издавать совместно за границей орган «За партию», а в России — «Единство»[2].

---

[1] Большевики-примиренцы («партийцы») обвиняли Ленина и Большевистский центр в раскольничестве и нетерпимости по отношению к своим идейным противникам, потому что большевики отмежевались в своей среде от отзовистов, ультиматистов, махистов, «богостроителей», разоблачали примиренцев (которые брались мирить непримиримое, а после своей неудачи фактически отходили от большевиков), вели борьбу против ликвидаторов и поставили их вне партии на партконференции в 1912 г.

Теперь каждому рабочему в Советском Союзе должно быть ясно, что только благодаря долголетней борьбе большевиков внутри РСДРП против всех извращений революционного марксизма ленинская партия победила в октябре 1917 г. и победу эту закрепила.

[2] Союз двух названных групп распался после объявления войны. Тов. Лёва стал решительным противником войны, а Марк, к сожалению, пошёл с Плехановым и погряз в оборонческом болоте. Я не могу вспомнить без сожаления Марка (Любимова). Это был честный, прекрасный товарищ и дельный партработник.

Не меньший разброд был и у «националов», входивших формально после Стокгольмского съезда в РСДРП. У латышей боролись два основных течения — большевики и меньшевики. То одно течение брало верх, то другое. В Бунде господствовало меньшевистско-ликвидаторское течение, но там было незначительное меньшинство, которое было недовольно политикой своего Центрального Комитета. Что же касается социал-демократов Польши и Литвы, то хотя они и поддерживали на съездах, конференциях и заседаниях ЦК РСДРП в основных вопросах политики и тактики большевиков, но колебались в некоторых вопросах организационной политики, даже мешали проведению решительных мероприятий по созданию Организационного комитета для созыва партконференции. Больше того, они не только отказались участвовать в Пражской всероссийской партконференции, но даже выступали против неё, тем самым они усилили антибольшевистский фронт и препятствовали борьбе с ликвидаторами. И у них была оппозиция — «розламовцы» [1] во главе с Уншлихтом, Радеком, Ганецким и др.

---

[1] Оппозиция в социал-демократии Польши и Литвы под названием «розламовцы» появилась в 1911 г. на почве чрезмерного централизма Главного правления (ЦК) социал-демократии Польши и Литвы по отношению к своим местным организациям, выразившегося в целом ряде организационных мероприятий и в том, что ЦК не информировал местные организации социал-демократии Польши и Литвы о своём отношении к разногласиям и положению внутри РСДРП. Главное правление занимало двусмысленную позицию, начиная со второй половины 1911 г., в вопросах воссоздания центральных органов РСДРП. Оно хотя и не примкнуло к антибольшевистскому блоку (Августовскому), но в то же время враждебно относилось к январской конференции большевиков 1912 г. и к центральным органам, выбранным на этой конференции. Во главе оппозиции стояла Варшавская организация, которая высказалась против организационных методов ЦК социал-демократии Польши и Литвы на общегородской своей конференции 1911 г. К Варшавской организации примкнули часть Ченстоховской и вся Лодзинская организация. Разногласия между ЦК и Варшавской организацией настолько обострились, что ЦК организовал параллельные организации в Варшаве и Лодзи.

Оппозиция имела свой нелегальный печатный орган «Газета Работнича», легальный еженедельник «Трибуна», издававшийся в Питере в 1913—1914 гг. на польском языке, и свой Центральный Комитет. «Розламовцы» шли большей частью рука об руку с большевиками в вопросе воссоздания центральных органов РСДРП. «Розламовцы» объединились с социал-демократами Польши и Литвы в 1917 г.

Я привёл всё вышеизложенное для того, чтобы ясно было, что тогда творилось в рядах РСДРП. Десять лет потребовалось долбить и доказывать то, что теперь так ясно партии. Большевики во главе с Лениным отстаивали чистоту революционных марксистских лозунгов, боролись за них, удерживали и создавали нелегальные партийные организации с чёткой революционной тактикой и со строгой дисциплиной.

В середине 1909 г. я был вызван Марком в Париж. К моменту моего приезда уже прибыли из России секретарь русской коллегии ЦК Давыдов-Голубков, член ЦК Мешковский-Гольденберг, Михаил Томский, Донат-Шулятиков (из Москвы) и др. В Париже тогда находились: Ленин, Надежда Константиновна, Марк, Иннокентий и др. На следующий день после моего приезда на квартире Ленина открылось неофициальное заседание расширенной редакции «Пролетария» с участием вышеназванных лиц. Фактически же это было заседание Большевистского центра с представителями Питера и Москвы и некоторых специально приглашённых товарищей, в числе которых был и я. Эти неофициальные заседания длились, кажется, два дня. На них обсуждались вопросы, связанные с дальнейшей работой в России, об отношении к отзовистам-ультиматистам и «богостроителям», которые находились в рядах большевиков. Совещание единодушно отмежевалось от всех отклонений от марксизма и большевизма.

Когда все резолюции были предварительно обсуждены и одобрены, открылось официальное заседание, на котором присутствовали кроме вышеназванных лиц Богданов, Марат (Шанцер) и ещё кто-то, точно не помню (на официальном заседании расширенной редакции «Пролетария» я не присутствовал). Постановления расширенной редакции «Пролетария» точно и определённо наметили линию большевиков по вопросам тактики и организации РСДРП, которая проводилась ими до конференции 1912 г. На этой конференции многие из решений были закреплены в резолюциях. В то время в крупных городах России ещё существовали парторганизации и функционировало с перерывами Русское бюро ЦК, состоявшее из одних большевиков, ибо меньшевики в его работе не принимали никакого участия. В партийной печати за границей обострилась борьба с ликвидаторством. В январе — феврале 1910 г. в Париже был созван пленум Центрального Коми-

тета. Кто из большевиков, приехавших из России, принимал участие в пленуме, я не помню, ибо я лично в нём не участвовал, а был лишь информирован о нём т. Ногиным, бывшим на пленуме Центрального Комитета. Среди членов ЦК большевиков были разногласия по вопросу об объединении всех течений в партии. Тт. Ногин и Иннокентий, собравшие большинство среди членов ЦК большевиков, провели на пленуме (на словах) объединение всех течений в РСДРП с единым ЦК и ЦО из представителей большевиков, меньшевиков и «националов». Согласно постановлениям пленума ЦК меньшевики-ликвидаторы должны были закрыть свой заграничный орган «Голос социал-демократа», послать в русский ЦК трёх своих представителей и способствовать восстановлению нелегальных партийных организаций. С другой стороны, большевики должны были закрыть свой фракционный орган «Пролетарий», сдать типографию, транспорт и все финансы ЦК, который создал Заграничное бюро ЦК из представителей (по одному) большевиков, меньшевиков, СДПиЛ, Бунда и социал-демократов Латышского края (так как в ЦК социал-демократов Латышского края тогда преобладали большевики, то ЗБЦК фактически было большевистским). Пленумом ЦК была намечена редакция ЦО «Социал-демократ» из пяти лиц: двое от большевиков, двое от меньшевиков и один от СДПиЛ. Этот же пленум ЦК постановил оказывать финансовую помощь венской «Правде» как популярной рабочей газете и послал в её редакцию своего представителя. Тов. Ногин рассказывал мне о решениях пленума, захлёбываясь от удовольствия, радовался, что наконец-то удалось объединить на практической работе в России большевиков и меньшевиков (пленумом были решительно осуждены ликвидаторство и отзовизм-ультиматизм) и втянуть в работу «националов». Одно только его смущало: Ленин оказался решительным противником тех постановлений пленума, которые делали уступки меньшевикам, и тех решений, которые затрудняли работу большевиков, поставив их в зависимость от случайных представителей «националов», хотя и подчинился решению большинства членов ЦК большевиков. Тов. Ногин с горечью мне говорил, что Ленин не понимает, насколько важно для работы в России единство.

Большевики выполнили постановление пленума: закрыли свой орган, передали крупную сумму денег «дер-

жателям» (Каутскому, Мерингу и т. Цеткин) согласно решению пленума ЦК, а также передали весь технический аппарат ЗБЦК. А меньшевики своего органа не закрыли, и никто из них в Русском бюро ЦК не работал. Они даже противодействовали восстановлению Центрального Комитета. Больше того, сторонники ликвидаторского «Голоса социал-демократа» в России открыто выступали против нелегальной партии, против ЦК и ЦО. Да и сам «Голос социал-демократа» тоже не отставал от своих российских сторонников. Со стороны ликвидаторов — русских и заграничных — после пленума ЦК поднялся буквально крестовый поход против нелегальной партии и в особенности против большевиков. Началась с их стороны травля сторонников нелегальной партии в России во всех легальных рабочих организациях, во главе которых стояли меньшевики-ликвидаторы. Примиренческая тактика части членов ЦК большевиков затрудняла борьбу с ликвидаторами. Так, вследствие примиренчества части членов ЦК большевиков большевики должны были уже зависеть от представителя СДПиЛ, который входил пятым членом в редакцию ЦО, чтобы провести свою линию в «Социал-демократе», и от ЗБЦК — в финансовом и техническом отношениях (у «держателей» так и осталась часть сданной им суммы денег, которая могла тогда очень и очень пригодиться большевикам). Мне не довелось видеть т. Ногина до 1917 г., поэтому я не мог узнать, какое впечатление произвёл на него финал решений пленума ЦК 1910 г., но заграничные большевики-примиренцы нисколько не были смущены результатом решений пленума.

В конце декабря 1910 г. я вновь очутился в Париже. К этому времени в Париж из России приехали Михаил Миронович (Н. Н. Мандельштам) и А. И. Рыков. Я уже не помню, по какому поводу в одном — не то русском, не то французском — кафе собрались Марк, Лёва, Рыков, я, Михаил Миронович и Лозовский. На этом собрании я выдвинул вопрос о том, что следовало бы тем немногочисленным парторганизациям, которые работают в России, перед 1 Мая, 22(9) января и в связи с другими событиями посылать заблаговременно прокламации в напечатанном виде или в рукописях. В последнем случае более крупные организации смогли бы найти способ для их размножения. Я заявил, что берусь доставлять листовки аккуратно и вовремя русским организациям.

Моё предложение было принято, и парижане стали составлять список литераторов для выполнения принятого решения. В этот список Марк, Лёва и Лозовский включили литераторов всех течений, в том числе и Мартова, но в него не были включены ни Ленин, ни другие большевистские литераторы. Так всегда случается с примиренцами: начинают мирить непримиримое, а затем скатываются в оппортунистическое болото. Так было и с примиренческим ЦК 1904 г., так случилось и с большевиками-примиренцами описываемого периода. Я был очень возмущён невключением в список большевистских литераторов и рассказал об этом Надежде Константиновне и Ильичу. После возвращения т. Ногина в Россию были сделаны многократные попытки создать Русское бюро ЦК, но все попытки до конца 1911 г. кончались только арестами.

Большевистский заграничный центр принимал все меры, чтобы создать Бюро ЦК в России. Однажды мною был послан товарищ к польскому члену Русского бюро ЦК в Краков, т. Ганецкому; этот товарищ должен был сопровождать т. Ганецкого в Москву и связать его с членами Русского бюро ЦК; но когда они явились в Москву, то члены Руского бюро ЦК, с которыми надо было связаться, были уже арестованы. Большевики употребили невероятные усилия и принесли колоссальные жертвы, чтобы, с одной стороны, отстоять и воссоздать после многочисленных арестов местные парторганы и ЦК в России, а с другой стороны, вести в России и за границей идейную борьбу в печати и на немногочисленных партсобраниях против разлагающих партию ликвидаторов и других антипартийных группировок. Усилия большевиков увенчались в конце концов успехом.

Перед возвращением в Лейпциг я был у Ильича. В разговоре о партийных делах за границей и в России зашла речь о том, что нет авторитетного партийного органа в России, который был бы способен собрать воедино все имеющиеся организации и вокруг которого сплотились бы заграничные большевики. Я предложил большевистским членам редакции ЦО взять на себя организацию такого центра. Ленин усмехнулся и сказал Надежде Константиновне, которая вошла в комнату во время нашего разговора: ««Пятница» предлагает организовать центр для воссоздания центральных органов партии». Оказалось, что у Ленина и у товарищей, которые тогда с ним работали,

уже был составлен план созыва партконференции, о чём я узнал позже.

За время моего пребывания за границей на работе по транспорту и посредничеству между Россией и заграницей меня очень часто вызывали из Берлина в Женеву и из Лейпцига в Париж в моменты острых разногласий в партии. По приезде туда я всегда бывал у Ленина. Бывало, спрашиваешь Ильича: «По какому поводу меня вызвали?» На мой вопрос я получал всегда одинаковый ответ: «Побудьте несколько дней, повидайтесь с товарищами, а потом поговорим». А когда я к нему вновь заходил уже перед отъездом, он меня спрашивал: «Ну как, определились?». Только после того, как я ему говорил, как я смотрю на создавшееся положение, он излагал свой взгляд и свои предложения. До войны у меня была интенсивная деловая переписка с Надеждой Константиновной и с Ильичём, но, к сожалению, она у меня не сохранилась. Перед отъездом в Россию, летом 1905 г., я оставил свой архив, в том числе и письма Ильича и Надежды Константиновны, в Женеве у т. Лядова (как мой архив, так и архив т. Лядова в Женеве пропали), а в 1913 г., перед последним отъездом в Россию, я всю переписку уничтожил.

ПОДГОТОВКА ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ И ЕЁ СОЗЫВ

Конец 1911 и начало 1912 г.

В 1911 г. 18(5) июня было созвано собрание живших за границей и случайно прибывших туда членов ЦК — антиликвидаторов (большевики и СДПиЛ), которое констатировало невозможность воссоздания центральных парторганов, выбранных на Лондонском съезде, ибо все члены Русского бюро ЦК были арестованы, а в ЗБЦК меньшевики и ликвидаторы получили большинство (в то время ЦК социал-демократов Латышского края стал ликвидаторским). На этом совещании было решено создать организационную комиссию для подготовки созыва партконференции и заграничную техническую комиссию для ведения технических дел из трёх товарищей: одного большевика, кажется т. Камского, большевика-примиренца — Лёвы и представителя СДПиЛ — Ледера. В июне или июле ко мне в Лейпциг приехали Семён Шварц и Захар — Бреслав. От них я узнал, что они едут в Россию в связи с подготовкой партконференции. Я дал им связи с транспортной группой в России, чтобы отправить через границу делегатов конференции, а их самих отправил через разные границы.

Для организации конференции были привлечены также бывшие участники партийной школы, закончившие незадолго до этого занятия и уехавшие в Россию. Туда же поехал и т. Серго (Орджоникидзе). Для той же цели была создана в России организационная комиссия по созыву конференции, которая встретила горячий отклик. Вокруг неё сразу объединились все существовавшие тогда организации в России и на Кавказе. В то время когда организа-

ционная комиссия в России делала большие успехи в деле организации партконференции, за границей антиликвидаторы СДПиЛ и большевики-примиренцы стали тормозить работу по созыву конференции. Между большинством заграничной технической комиссии и представителями русской организационной комиссии начались трения.

Из редакции ЦО вышел представитель СДПиЛ (после совещания членов ЦК — антиликвидаторов 18(5) июня 1911 г. из редакции ЦО были удалены ликвидаторы Мартов и Дан). А когда «Социал-демократ» вышел из печати без участия представителя СДПиЛ, то т. Лёва, член технической комиссии, потребовал от меня, чтобы я не отправлял в Россию «Социал-демократа», и в то же время предлагал мне отправлять «Информационный бюллетень», который стала издавать заграничная техническая комиссия (всего вышло два номера). Я, конечно, отказался выполнить его требование и написал об этом в редакцию «Социал-демократа» письмо, которое было там напечатано. Тов. Лёва осенью 1911 г. явился ко мне в Лейпциг проездом из Берлина в Париж, где он, очевидно, имел совещания с «держателями» по поводу прекращения выдачи средств на печатание «Социал-демократа» и на транспорт. После того как он убедился, что я не прекращу отправки в Россию «Социал-демократа», он мне заявил, что техническая комиссия прекращает выдачу средств на транспорт.

В начале ноября я получил от Ильича спешное письмо, в котором мне предлагалось немедленно поехать в Прагу и там всё приготовить для партконференции. В этом же письме была записка к чешскому социал-демократу Немецу от Ильича. Я сейчас же поехал в Прагу. Немец познакомил меня с двумя чешскими социал-демократами — заведующим Народным домом и его помощником, и вместе с ними мы составили план практических мероприятий по подготовке конференции. С чехами я уговорился насчёт явок к ним из Парижа и из Лейпцига и насчёт телефонных разговоров с ними из Лейпцига. Когда все приготовления были закончены, я вернулся в Лейпциг и оттуда сообщил Ильичу о сделанных приготовлениях и явках. Сам же я стал подготовлять в Лейпциге приём делегатов из России.

К этому времени во многих городах делегаты уже были выбраны, и мы их ожидали со дня на день. В середине

декабря я получил письмо от Натана с границы, что с нашим паролем и на явку, которую он нам дал, приехало четыре человека. Он отправил их за границу, ко мне. Я ждал день, другой, а товарищей всё не было. На явке, куда они должны были приехать, я бывал по нескольку раз в день. Наконец, их задержка стала меня сильно беспокоить[1]. Я выяснил, когда приходят поезда из Берлина, и решил к этому времени бывать на вокзале, полагая, что пропавшие товарищи всё же явятся. Я отравился на Баварский вокзал рано утром к первому поезду. Когда я подошёл к вокзалу, то увидел, что оттуда вышло четыре человека. Я тотчас узнал в них россиян. Шли они все вместе, были в сапогах, которых в Средней Германии никто не носит, и, кажется, даже в галошах, в зимних потёртых пальто и в тёплых русских шапках, которых немцы тоже не носят. Трое из них были маленького роста, а один высокого роста и довольно-таки толстый (это был Залуцкий). Я решил, что это именно те товарищи, которых я ждал, но, прежде чем подойти к ним, я их осмотрел с ног до головы. Приезжие тоже обратили на меня внимание. Наконец, я подошёл к ним и спросил, какая улица им нужна. На мой вопрос я получил ответ, что это не моё дело. Тогда я спросил у них, не нужна ли им Цейцерштрассе (улица, на которой была явка и куда они должны были явиться). Кто-то из них мне ответил, что нет. Я решил всё же не отставать и пошёл вслед за ними. Между ними начался спор. Один говорил, что я шпик, а другие высказывали предположение, что я пришёл их встречать. Наконец, ко мне подошёл, кажется, Павел Догадов и начал со мной разговор. Мы быстро установили, что ищем друг друга, и я пошёл с ними вместе к т. Загорскому, на квар-

[1] В Германии около русской границы шныряли агенты германских пароходных компаний, которые заставляли русских эмигрантов с помощью германских жандармов брать у них пароходные билеты. Последние ловили русских эмигрантов и сажали в карантин (эмигранты называли этот карантин «баней»), где держали их дней 6—8. Тех из них, которые действительно ехали в Англию и Америку, отправляли целыми группами в германские портовые города для дальнейшей отправки; тех же, которые не имели заграничного паспорта и не хотели ехать ни в Лондон, ни за океан, прусские жандармы возвращали в Россию. Таким образом был арестован на прусской границе т. Носков в 1903 г. и многие другие в последующие годы. Я и боялся, что они попали в «баню», хотя на наших границах проезжавшим товарищам давали такие маршруты через германские города, где не было ни жандармов, ни пароходных обществ.

тире которого для них была приготовлена комната и всё нужное для того, чтобы им не пришлось днём ходить по городу. Эти четыре товарища были делегатами на конференцию. Из них двое рабочих — Степан Онуфриев (обуховский рабочий) и Залуцкий — были из Питера, Павел Догадов — из Казани и Серебряков — из Николаева. Я сейчас же сообщил об их приезде Ильичу. В ответ получил от Ильича письмо, в котором он высказывал предположение, что московский делегат на конференцию наверно провалился, а без московского делегата не хотелось бы открывать конференции, и поэтому Ильич просил, чтобы я послал кого-нибудь в Москву, с тем чтобы там попытаться произвести новые выборы. По получении этого письма я решил немедленно отправить в Москву Лазаря Зеликсона, находившегося тогда в Лейпциге, где он работал полировщиком по дереву. Тов. Лазарь согласился ехать, и 1 января 1912 г. (18 декабря 1911 г.) он выехал из Лейпцига в Москву. Спустя несколько дней после его отъезда я получил от Натана извещение, что через границу проехало два лица, что они прибыли на нашу условную явку, а затем отправились прямо в Париж. (Натан меня аккуратно извещал о переходе через границы, потому что платил за переход я, а не товарищи, переходившие границу; это мною было сделано во избежание грабежа, который практиковался на границах по отношению к нашей публике контрабандистами.) В этом же письме Натан мне писал, что к нему явился жандарм, им подкупленный, и сообщил, что ему, жандарму, поручено наблюдение за меблированными комнатами, куда заезжают лица, разыскивающие способ перехода через границы. Это оказался адрес нашей явки. Натан мне сообщил новый адрес и новый пароль и добавил, что если даже кто-либо приедет на старую явку, то тоже ничего не случится, ибо жандарм никого не арестует. Арестов действительно не было. Оказалось, что в Париж проехали пропавший московский делегат Филипп (Голощёкин) и провокатор Матвей. Последний, очевидно, сообщил охранке явку на границе. Из письма Надежды Константиновны ко мне о «пропавшем» московском делегате т. Филиппе выяснилось, что за последним была слежка, вследствие чего он с трудом добрался до Двинска, где жила его сестра. У неё он встретился с Матвеем, который тоже собирался на конференцию, так как получил

разрешение на поездку туда от Семёна Шварца, к тому времени уже арестованного, очевидно, выданного тем же Матвеем. Сообщение Натана о провале явки, после того как я узнал, что через границу проехал Матвей, отправившийся на конференцию, ускорило посылку моей телеграммы об устранении Матвея, о которой я рассказывал выше.

От т. Лазаря я получил сообщение, что ему удалось собрать товарищей, работавших в московских легальных рабочих организациях, и что последние выбрали делегата на конференцию. Найти же нелегальную организацию из-за последних провалов ему, Лазарю, не удалось. Он передал делегату адреса, явки и пароли, после чего т. Лазарь был арестован, очевидно, не без участия самого делегата, ибо последним был не кто иной, как провокатор Малиновский.

О прибытии за границу Малиновского известила телеграмма, посланная им уже из Германии на адрес явки, куда он должен был заехать. В этой телеграмме он просил не открывать конференции до его приезда.

После приезда первых четырёх делегатов в Лейпциг приехал М. И. Гурвич (его кличка тоже была Матвей) как делегат от Виленской и Двинской организаций партии. Наконец, в начале конференции, когда я уже был в Праге, мне сообщили из Лейпцига, что приехал ещё делегат от нелегальных организаций Тулы — Аля (он же Жорж — Романов), оказавшийся провокатором. Романов не имел явки ко мне и потому заехал к Бухарину, который был тогда в Германии (в Ганновере). Бухарин, по всей вероятности, списался с Парижем, откуда он узнал явку в Лейпциг. Организационная комиссия по созыву конференции решила допустить Романова на конференцию. Непосредственно в Париж приехали кроме Филиппа делегат от Саратова — Валентин (т. Воронский), делегат от Екатеринослава — Савва (Зевин), сторонник Плеханова, делегат от киевской меньшевистской организации — Виктор (Шварцман), Серго Орджоникидзе — от Тифлиса и Сурен Спандарьян (он же Тимофей) — от Баку. Оба последние были и членами ОК по созыву этой конференции. Когда я приехал в Прагу, конференция была уже открыта и велись прения по докладу т. Орджоникидзе от имени организационной комиссии. Организационная комиссия предложила конституировать конференцию как Всероссийскую

партийную конференцию с правом выбора центральных партийных учреждений, ибо организационной комиссией были приняты все меры для того, чтобы на конференции были представлены действительно все партийные организации (организационная комиссия пригласила Плеханова, Горького, группу «Вперёд», СДПиЛ и др.).

Против конституирования Всероссийской партконференции возражал яростно екатеринославский делегат Савва (Зевин). Малиновский тоже заявил, что он будет голосовать против, ибо он имеет соответствующий императивный мандат от своих московских избирателей (это не помешало ему на следующий день голосовать за объявление конференции всероссийской). Савва, насколько я припоминаю, при голосовании этого вопроса воздержался.

Кроме перечисленных уже мною лиц на конференции присутствовали Ленин как редактор ЦО, Надежда Константиновна Крупская, т. Александров (Семашко) от Комитета заграничных организаций содействия большевикам.

Конференция всё время заседала в чешском социал-демократическом Народном доме (этот Народный дом после раскола в партии в 1920 г. был захвачен чешскими социал-демократами с помощью полиции, несмотря на то что огромное большинство чешской социал-демократической партии примкнуло к Коммунистическому Интернационалу); там же, в ресторане, делегаты столовались, а жили все у чешских рабочих, членов социал-демократической партии. Конференция заседала очень долго — недели две. Порядка дня конференции точно не помню. Конференция обсуждала вопрос о ликвидаторах, которых она поставила вне партии, о текущем моменте и выборах в IV Думу, о думской социал-демократической фракции (конференция констатировала улучшение её работы), организационный вопрос, вопрос о страховой кампании (в резолюции конференции по этому вопросу был детально рассмотрен страховой закон III Государственной думы о больничных кассах и пр. и детально определены требования революционной социал-демократии по страхованию рабочих, которые Советская власть действительно ввела в жизнь), о нелегальной социал-демократической печати, о формах заграничных организаций содействия, о голоде, о захватнической политике царизма в Персии и Китае, о ЦО и о выборах в центральные учреждения партии. Конференция внимательно заслушала доклады с мест, в резуль-

тате которых была констатирована необходимость усиления работы по созданию нелегальных ячеек и связи их с революционными социал-демократами во всех легальных рабочих организациях путём объединения их во фракции по профессиям.

Из докладов делегатов с мест и представителя российской организационной комиссии по созыву конференции получилась ясная картина тех усилий со стороны немногочисленных местных организаций, состоявших из большевиков, которые были употреблены на местах, чтобы сохранить связь с рабочими фабрик и заводов. Среди последних охранка старалась внедрить провокаторов под видом твердокаменных большевиков, которые выдавали лучших товарищей организации, как только последняя начинала хорошо работать и налаживать связь с рабочими фабрик и заводов. Оставшимся на свободе товарищам опять приходилось начинать сызнова. К ним на помощь приезжали большевики из ленинской гвардии — профессиональные революционеры, которые бежали из тюрем и ссылок. Работа снова налаживалась, но опять начинались провалы, и так повторялось много раз во многих городах. Всё же охранке не удавалось совсем уничтожить местные организации большевиков, к которым рабочие на местах относились с большим доверием, как показали последующие 1913—1914 гг. К меньшевикам-ликвидаторам, несмотря на то что полиция редко прибегала по отношению к ним к репрессиям, рабочие не шли и их мало поддерживали.

Из доклада российской организационной комиссии выяснилось, что многие местные организации выбрали делегатов на конференцию (Урал, Сибирь и др.), но делегаты были арестованы.

Во время конференции работало несколько комиссий, выбранных ею.

Конференция заседала в момент, когда уже явны были признаки подъёма рабочего движения. Помню, какой живой отклик нашло на конференции сообщение пражской немецкой прессы о столкновениях между рабочими и полицией в Риге. Газеты тогда сообщали, что фабрика, на которой работали женщины, забастовала, но заводоуправление не открывало ворот фабрики, и забастовщицы вынуждены были остаться на фабрике. Когда об этом узнали рабочие соседних фабрик, они взломали ворота и освобо-

дили работниц. При этом произошло столкновение с полицией. Утром, перед открытием заседания конференции, я показал Ильичу газету. Сейчас же по открытии заседания он перевёл на русский язык сообщение и добавил, что все признаки говорят о том, что времена чёрной реакции уже прошли.

Когда обсуждался вопрос о центральном органе (ЦО), я резко выступил против его редакции за то, что она иногда забывает, что ЦО — «Социал-демократ» — существует не только для заграничных товарищей, которые в курсе всех партийных споров, но главным образом для товарищей в России.

Я предложил превратить ЦО в месячный научный журнал, наподобие «Neue Zeit» («Новое время»), научного органа ЦК германской социал-демократической партии, так как для массового читателя имеется популярная «Рабочая газета» за границей и «Звезда» в России. Хотя моё предложение было отвергнуто, но всё же конференция выразила пожелание, чтобы в центральном органе помещалось больше статей пропагандистского характера.

После окончания работ Всероссийской партийной конференции я вернулся в Лейпциг.

По возвращении моём в Лейпциг было получено известие, что в Берлин приехали члены III Государственной думы Полетаев и Шурканов[1]. Думская социал-демократическая фракция была приглашена на конференцию, но её представители опоздали. Адреса своего они не сообщили, но им можно было писать до востребования. Когда Ильич узнал о приезде думцев, он просил вызвать их в Лейпциг. Я не находил возможным сообщить в письме до востребования лейпцигский адрес, поэтому послал в Берлин т. Загорского, который нашёл депутатов в Берлине и вместе с ними приехал вечером на второй день в Лейпциг. После их приезда началась кутерьма. Ильич не хотел, чтобы Шурканов (он тогда был меньшевиком-партийцем) знал, что Малиновский вошёл в ЦК, и поэтому приходилось то устраивать заседание ЦК вместе с Полетаевым, но без Шурканова, то вместе с Полетаевым и Шуркановым, но без Малиновского. Шурканов, конечно, не должен был знать о том, что заседают без него. Заседания происходили в здании типографии «Лейпцигер фольксцейтунг»,

[1] Шурканов также оказался провокатором.

в кабинете тогдашнего заведующего т. Зейферта. В первый же вечер при встрече в кафе с депутатами Думы Полетаевым и Шуркановым я заметил слежку. Меня это сильно обеспокоило. В Лейпциге ведь тогда был весь русский ЦК и большинство делегатов конференции, ожидавших отправки в Россию. До возвращения из Праги за мной слежки не было, значит, она была вызвана конференцией, но о последней кроме тех, кто присутствовал на ней, знали три товарища, которые мне так или иначе помогали. На следующий день я отправился к Малиновскому и Тимофею, которые жили в предместье Лейпцига, в небольшой гостинице, у одного социал-демократа. При выходе из трамвая я увидел, что за гостиницей следят. Когда мы вышли втроём (мы должны были отправиться на заседание ЦК с депутатами Думы), шпик пошёл за нами. Нам пришлось порядочно кружить, пока мы от него отделались. По дороге Малиновский всё время выражал удовольствие, говорил, что Лейпциг напоминает ему Россию, так как ему приходится здесь убегать от слежки так же, как в России. Несмотря на слежку, я был убеждён, что охранка не знала о месте работы конференции и о составе её участников. Мысль о том, что на конференции присутствовали два провокатора, понятно, никому и в голову не приходила. Заседания представителей ЦК с думскими депутатами кончились благополучно, и депутаты, Тимофей и я, по решению ЦК отправились в Берлин к «держателю» большевистских средств Каутскому. Последнему наша делегация должна была сообщить, что состоялась Всероссийская партийная конференция, выбравшая ЦК, к которому перешло всё имущество партии, в том числе и средства, переданные большевиками «держателям» на хранение по решению пленума ЦК в 1910 г. Владимир Ильич тоже поехал в Берлин, чтобы узнать результаты переговоров с Каутским. Вечером того же дня делегация отправилась к Каутскому. Толковали мы с ним довольно долго, но безрезультатно, так как он хотел раньше узнать об отношении к январской конференции всех остальных течений РСДРП, после чего он обещал дать ответ на требование Центрального Комитета. Вечером мы встретились с Ильичем в ресторане и информировали его о нашем разговоре с Каутским, после чего он уехал в Париж. Думские депутаты остались в Берлине, а я и Тимофей вернулись в Лейпциг. Все делегаты конференции очень скоро

благополучно добрались до России, о чём они меня известили (самым аккуратным оказался провокатор Аля (Романов): ещё с границы он прислал открытку о благополучном прибытии на родину).

Январская партийная конференция имела огромное значение в истории нашей партии. Она воссоздала центральные учреждения партии, которые просуществовали до Апрельской партийной конференции (1917 г.). Центральный Комитет и редакция ЦО, избранные на январской конференции, связались со всеми организациями России, создали ежедневную газету в Питере — «Правду» и направляли и руководили деятельностью думской шестёрки (депутаты IV Думы от рабочей курии). Центральный Комитет и редакция ЦО партии, избранные на январской конференции 1912 г., фактически осуществляли руководство (организационное и идейное) рабочим движением 1912—1914 гг. по всей России.

Летом 1912 г. Владимир Ильич и редакция ЦО переехали из Парижа в Краков, чтобы быть поближе к России и более оперативно руководить движением. Проездом в Краков Владимир Ильич, Надежда Константиновна и её мать прожили в Лейпциге несколько дней, и мы много говорили о немецкой социал-демократии. Я защищал её изо всех сил, а Владимир Ильич тогда уже к немецкой социал-демократии относился весьма скептически. После 1917 г. Ильич неоднократно шутливо указывал мне на действия «моих друзей» — немецких социал-демократов.

МОЁ ЗНАКОМСТВО С ГЕРМАНСКИМ РАБОЧИМ ДВИЖЕНИЕМ

1911—1912 гг.

При первом моём знакомстве с немецкими рабочими в 1902 г. у меня создалось такое впечатление, что живётся им как у Христа за пазухой. Те рабочие, которых я видел на собраниях, были великолепно одеты (по сравнению с русскими рабочими, конечно), на собраниях они немало выпивали пива и ели бутерброды, которые приносили с собой. Недурны были и квартиры тех активных рабочих социал-демократов, у которых мне приходилось бывать. Если ко всему этому прибавить ещё те свободы, которыми они в то время пользовались, то получится тот «идеал», о котором я мечтал тогда для российского пролетариата. Однако очень скоро от моего «идеала» ничего не осталось. Мне приходилось бывать в берлинских рабочих кварталах и домах, сплошь заселённых рабочими. Эти рабочие жилища совсем не были похожи на те, которые я видел раньше: квартиры состояли из передней, где находилась кухня, и одной небольшой комнаты, в которой жила семья из четырёх-пяти и больше человек. В такой квартире и обстановка была некомфортабельная. Несмотря на расцвет промышленности, в рабочем Народном доме, в котором помещались все профсоюзы Берлина, всегда толпились безработные, как берлинцы, так и приезжие. Ночлежные дома были заполнены людьми, не имеющими крова.

Не лучше обстояло дело с прусскими «свободами». На народных собраниях, созывавшихся социал-демократами, в президиуме сидели полицейские, которые нередко закрывали собрания по пустяковому поводу, например по той

причине, что председатель собрания отказывался удалить женщин и молодёжь, которые по законам не имели права присутствовать на политических открытых народных собраниях. Приходилось только удивляться, как мастерски и быстро вводили полицейских, когда надо было удалить рабочих из зала закрытого полицией собрания. Несмотря на крушение моего наивного «идеала» по мере ознакомления с германским рабочим движением, оно всё же казалось мне колоссальным, прямо гигантским.

Социал-демократическая партия до войны 1914 г. была единственной политической партией пролетариата в Германии. Её организации были не только в городах с рабочим населением. Мне пришлось изъездить всю прусско-русскую пограничную полосу с крестьянским населением, и во всех этих местах существовали небольшие партийные организации, к которым я обращался за содействием в своей работе.

Социал-демократическая партия насчитывала уже в 1903 г. несколько сот тысяч членов и несколько миллионов подписчиков ежедневной партийной печати, так как всякий мало-мальски промышленный город Германии с рабочим населением имел свою ежедневную газету. Партия имела собственные крупные типографии и издательства, которые в свою очередь имели сеть книжных магазинов, разбросанных по всей Германии. Немецкая социал-демократия имела колоссальное влияние на рабочий класс и городскую бедноту: в 1903 г. она собрала больше 3 млн. голосов на выборах в рейхстаг, несмотря на то что женщины и солдаты не имели права голоса и закон о выборах вводил многие ограничения, касавшиеся главным образом рабочих. Все народные собрания, которые социал-демократы созывали по различным поводам, бывали переполнены, несмотря на то что в одном Берлине таких собраний происходило иногда в одно и то же время до сотни. Социал-демократия имела всегда во всех выборных органах своих представителей, начиная с имперского и кончая областными парламентами, городскими и сельскими думами по всей Германии.

Социал-демократия стояла во главе и фактически руководила трёхмиллионным профдвижением не только в центре, но и на местах, на фабриках и заводах. (В последних профсоюзы имели назначенных уполномоченных — по одному на определённое число работающих

членов союза. Эти уполномоченные собирали членские взносы. Они назначались главным образом из активных социал-демократов.) В руках социал-демократов находилась потребительская и производственная рабочая кооперация, имевшая свои отделения во всех городах Германии и успешно конкурировавшая с частным рынком, давая более доброкачественные продукты. Германские социал-демократы через профсоюзы, главным образом через их уполномоченных, были хорошо связаны с рабочими фабрик и заводов. Немалую службу в осуществлении связи с рабочими массами сослужили немецкой социал-демократии кроме партийной ежедневной печати народные дома с их кафе и ресторанами, неимоверное количество маленьких ресторанов-пивных, содержатели которых были активными членами партии. Надо принять во внимание, что немцы, в том числе и рабочие, почти всё свободное время проводили в ресторанах, пивных и кафе. Там происходили профессиональные, кооперативные, партийные и другие собрания, там же рабочие беседовали, спорили и дискутировали обо всём, там же читали газеты и пр.

В те времена буржуазия боролась с социал-демократами также и тем способом, что не давала им помещений для партийных и народных собраний, а собрания под открытым небом были запрещены. Это и вынудило социал-демократическую партию строить свои народные дома на средства рабочих. Их строили партийные, профессиональные и кооперативные органы. Одновременно партия поощряла открытие ресторанов-пивных членами партии. Владельцами таких пивных и ресторанов сделались тогда главным образом члены партии, которых преследовали фабриканты.

Если принять во внимание, что ни в одной стране — я уже не говорю о России — не было такого мощного рабочего движения во всех его видах, как в Германии, то будет понятно, почему я сделался горячим приверженцем немецкой социал-демократии довоенного периода. И не раз я мечтал о том, чтобы своими глазами увидеть в России такое же мощное рабочее движение.

Конечно, я видел и недостатки немецкого рабочего движения: профсоюзы заключали длительные договоры с предпринимателями о продолжительности рабочего дня, зарплате и условиях труда, связывающие рабочих по ру-

кам и ногам. Больше того, в 1905 г. Всегерманский съезд профсоюзов, состоявший в своём большинстве из социал-демократов, высказался против политической всеобщей стачки как метода борьбы (крупные русские стачки 1905 г. выдвинули тогда в Германии этот вопрос), а немного спустя съезд германской социал-демократии громадным большинством высказался за генеральную забастовку. Образовалась большая трещина в отношениях между социал-демократической партией в целом и эсдеками, которые работали в профессиональных союзах. Это была победа немецких оппортунистов, которые находились во главе профсоюзов, но я был тогда уверен, что партия социал-демократов настолько сильна и авторитет её среди рабочей массы настолько велик, что она сможет вести рабочий класс в бой, побороть оппортунизм в своих рядах. Она бы это, конечно, и могла сделать, если бы хотела. Но она этого не захотела. Партия была абсолютно легальной и настолько приспособилась к этой легальности, что не устраивала демонстраций, если их не разрешала полиция, и спокойно подчинялась полицейскому произволу, когда полиция из-за пустяков закрывала собрания в Пруссии.

Больно было смотреть, как берлинские социал-демократы отказывались от демонстрации на кладбище в Фридрихсгайне, где похоронены жертвы революции 1848 г., в день годовщины похорон только потому, что полиция демонстрации не разрешала. Самыми усердными посетителями кладбища в дни годовщины были русские социал-демократы, жившие тогда в Берлине.

Своим законопослушанием во что бы то ни стало немецкие социал-демократы воспитали рабочий класс в чрезмерной легальности, и было очень мало членов партии, которые помнили закон против социалистов [1]; те же, кто

---

[1] Закон против социалистов в Германии был проведён рейхсканцлером Бисмарком через рейхстаг (парламент) в октябре 1878 г.

Непосредственным поводом для его введения послужили два покушения на императора Вильгельма: 1) рабочего-жестяника Геделя — 11 марта 1878 г. и 2) доктора Ноблинга — 2 июня того же года (последний тяжело ранил императора). Но всем было ясно, что Бисмарк воспользовался покушением, чтобы парализовать растущее влияние немецкой социал-демократии на рабочий класс.

Закон против социалистов загнал немецкую социал-демократическую партию в подполье. Было запрещено издавать партийную прессу, созывать партийные и народные собрания, распространять

его помнил и пережил, считали себя чуть ли не мучениками, так как, видите ли, либо на чердаке того дома, в котором они жили, был произведён обыск, либо их выслала прусская полиция под самое рождество из Пруссии в Саксонию, которая находится в четырёх часах езды от Берлина (эти два факта врезались мне в память из разговоров с двумя активными товарищами Берлинской организации социал-демократической партии: председателем профсоюза переплётчиков Зилиером и гравёром Петерсоном). Легальное воспитание членов партии немецкой социал-демократии сильно отразилось в первые годы, между прочим, и на членах Германской компартии, перешедших от социал-демократов.

Видел я и иные немалые грехи в тактике немецкой социал-демократии. Из-за того, чтобы не идти против закона, они до войны (во время войны тем паче) не работали среди солдат кайзеровской Германии под предлогом, что, мол, социал-демократ может работать среди молодёжи прежде, чем она попадёт в казармы, и после, когда она уйдёт оттуда. Больше того, нас, русских, возмущало самое отношение активных членов партии и рабочих, призван-

---

социал-демократическую литературу, собирать деньги на партию и состоять членом социал-демократической партии и её организаций.

Немецкая социал-демократическая партия издавала свой центральный орган за границей, там же она проводила свои съезды. Несмотря на преследования, она работала весьма успешно, что доказывают выборы в рейхстаг за время существования закона против социалистов.

Следующая таблица показывает число мандатов и голосов, собранных социал-демократией в этот период:

	Число мандатов	Число голосов	Процент к общему числу голосов
Перед введением закона	12	493 447	6,0
Июль 1878 г., непосредственно после покушения на императора	9	437 158	8,0
В 1881 г., во время действия закона .	12	311 961	6,1
В 1884 г.	24	599 990	9,7
«1890 »	35	1 427 248	20,0

25 января 1890 г. закон против социалистов был рейхстагом отменён (169 голосами против 98), так как социал-демократия того времени развила громадную деятельность среди рабочего класса, несмотря на то что она была загнана в подполье. Этим она вынудила буржуазию к отмене закона против социалистов.

ных в королевскую армию, к военной службе. Они рассказывали о днях, проведённых в армии, с гордостью, как будто это была не королевская армия, а их красная армия — армия захватившего власть германского пролетариата.

Несмотря на все недочёты, которые я видел в руководстве германским рабочим движением, я был убеждён, что классовая борьба, которая беспрерывно происходила в Германии, выпрямит тактику немецких социал-демократов, ибо я считал активных работников и вождей немецкой социал-демократии, за которыми шли рабочие массы, искренними сторонниками революционного марксизма и людьми, преданными рабочему движению, в чём я жестоко ошибся.

Только в Лейпциге в 1909—1912 гг. мне удалось детально ознакомиться с местной парторганизацией и её работой. Общее собрание избирательного округа (административное деление) выбирало комитет. В нём постоянно работал лишь секретарь. У него был аппарат для сбора членских взносов — кассиры, которые ходили на квартиры к членам партии и получали следуемые взносы. Прокламации распространялись по квартирам. Отдельные группы членов партии получали задание распространять прокламации по определённым улицам. Очень интересно была организована кампания по выборам в рейхстаг в 1911 г. Каждая группа во главе с уполномоченным от Лейпцигского комитета партии социал-демократов в целях проведения кампании на нескольких улицах получала список избирателей данных улиц с обозначением профессии каждого избирателя и точным его адресом. Из этого списка выбирались рабочие, ремесленники и мелкие служащие и для них приготовлялись в конвертах комплекты литературы об избирательной кампании. Конверт с адресом избирателя или отправлялся почтой, или же относился на дом кем-либо из данной группы. Через несколько дней эти квартиры, куда были отнесены или отосланы такие конверты, посещались членами вышеназванной группы, которые вели уже устную агитацию и разъясняли смысл печатного избирательного материала. В этой избирательной кампании участвовал и я.

Лейпцигская социал-демократическая организация осуществляла уже тогда единство руководства всеми формами рабочего движения в Лейпциге и предместьях.

Комитетом созывались тайные заседания активных работников. Эти заседания были тайной не только от полиции, но и от парторганизаций. Там заслушивались отчёты руководителей профсоюзов, кооперативов, выборных от рабочих в больничные кассы и представителей партийного комитета. На этих собраниях выдвигались кандидаты во все вышеназванные организации и органы и принимались резолюции по всем вопросам. Тут же определяли, кто будет выступать и кто будет предлагать список в президиум собрания, кандидатов в комитет партии, оглашать резолюции на официальных заседаниях и конференциях. В Лейпциге такие заседания назывались «Каморра». Многие русские товарищи, которые проезжали через Лейпциг, всегда ругали немецких социал-демократов, и мне тогда казалось, что они это делают потому, что не видели немецких социал-демократов на работе. Летом 1912 г., когда Владимир Ильич был в Лейпциге, он в разговоре со мной сильно обрушился на социал-демократическую партию за её пассивность, за то, что она борется с оппортунистами в своей партии на словах, да и то только перед съездами, а резолюции, которые последние принимают, остаются только на бумаге. Ильич уже тогда находил, что немецкая социал-демократия целиком пропитана оппортунизмом и что она врастает в буржуазную Германию. Я с этим не соглашался. Оказалось, что германская социал-демократическая партия настолько вросла в кайзеровскую буржуазную Германию, что цеплялась за неё даже тогда, когда в ноябре 1918 г. была поставлена восставшим пролетариатом во главе революции. Когда я в августе 1914 г., в самарской тюрьме, узнал на допросе от жандарма, что Плеханов — за войну, что германская социал-демократическая фракция рейхстага целиком голосовала за военные кредиты, меня пронзила острая боль. Для меня позиция Плеханова была менее неожиданной, чем позиция немецкой социал-демократической партии. Ведь ЦК германской социал-демократической партии и её съезды всё время осуждали баденские и гессенские социал-демократические фракции ландтагов за их желание голосовать за областные бюджеты, а тут вся фракция рейхстага голосует за военные кредиты, т. е. за войну, в то время, когда «оборона» отечества не зависела даже от голосования социал-демократов, ибо у буржуазных партий было три четверти всех голосов в рейхстаге! Я тогда понял, что германская

социал-демократия на деле не была ни интернациональной, ни революционной. Теперь мне кажется, что, если бы даже не было войны, немецкая социал-демократия стала бы сотрудничать со всеми буржуазными партиями, как она это делала во все последующие годы. Для такой огромной и сильной партии, какой до войны была немецкая социал-демократия, было два пути: или бороться уже тогда за завоевание власти пролетариатом, или пойти на сделку с буржуазией. От первого пути она отказалась даже тогда, когда власть в 1918 г. попала к ней в руки.

ПАРИЖ

1912—1913 гг.

Летом 1912 г. передо мной встал вопрос о поездке в Россию, ибо с переездом центра партии в Австрию (Краков тогда ещё входил в Австрийскую империю) моё пребывание в Германии потеряло своё значение. Но я хотел поехать в Россию таким образом, чтобы попасть в гущу рабочих — на завод. Моё ремесло, которое я к тому же успел до 1912 г. основательно позабыть, для этого не годилось, да ко всему этому в России портняжные мастерские были главным образом мелкие. Мне хотелось быстро научиться чему-нибудь, что дало бы мне возможность, с одной стороны, зарабатывать на жизнь, а с другой — попасть на завод. Одно время я думал воспользоваться знанием стереотипного дела, которое я изучил в «Лейпцигской народной газете» (орган Лейпцигской социал-демократической организации), думая, что нам придётся ставить такие же большие типографии в России, как в 1903—1906 гг.; тогда печатали старую «Искру» и «Вперёд» со стереотипов, отлитых с матриц, присланных из-за границы. Но я не знал, употребляются ли в России такие же матрицы, машины и котлы для отливки стереотипа, как в Германии. В Германии же ничему подходящему быстро научиться было невозможно. Поэтому я обратился с просьбой о принятии меня в число учеников электромонтёрной школы, открытой в Париже на средства какого-то русского богача для эмигрантов, не имевших никакого ремесла, которым, кстати сказать, приходилось довольно-таки туго во Франции. Меня с трудом приняли заочно, ибо из анкеты, которую я заполнил, было видно, что я знаю реме-

сло, очень выгодное в Париже. Школа, куда я поступил, носила имя «Рашель» по имени умершей дочери богача. Сама школа была плохо оборудована машинами для учёбы, но практические занятия были поставлены в ней недурно. В школе работами руководили эмигранты: мастер-механик Михайлов, очень хороший практик, знавший своё дело и читавший нам лекции по механике, и электромонтёр-практик Рудзинский, который знал недурно и теорию электротехники. Практические занятия у тисков, в кузнице и по установке электрического освещения производились вперемежку со слушанием лекций русских инженеров, которые работали на заводах в Париже. Взрослые ученики, главным образом интеллигенты, старались изо всех сил постичь учение, что не всем удавалось. Что касается меня, то я отдался изучению этого дела серьёзно, и за восемь месяцев (с ноября 1912 г. до начала июля 1913 г.) я действительно кое-чему научился на практической работе. Что же касается практического стажа, то перед окончанием школы я был послан на электрическую установку вместе с другими учениками в какое-то учреждение, а после окончания школы я, Зефир и Котов самостоятельно провели электричество в квартире Житомирского.

За восемь месяцев пребывания в Париже, я, конечно, принимал деятельное участие в работе большевистской группы (я был членом бюро группы).

Парижская группа содействия имела большое значение в жизни заграничных организаций партии и *даже для русского социал-демократического движения* с момента переезда в Париж (в конце 1908 г.) Большевистского центра из Женевы во главе с Лениным. Само собою разумеется, что в тот город, в котором находились заграничные центральные органы нашей партии, стремились самые активные элементы российского социал-демократического движения из ссылок, тюрем, от преследований, а также делегированные от парторганизаций. Хотя они приезжали на короткий срок, но вносили большое оживление в парижские круги нашей партии, знакомя с тем, что происходило в России — в центре и на местах. Постоянный приток новых товарищей из разных мест необъятной России вносил свежую струю в парижскую группу содействия большевикам, и этим группа выделялась из общей массы групп содействия. Само собой разумеется, что все члены Большевистского центра, которые жили в Париже, были членами

парижской группы, что, конечно, придавало последней серьёзность и авторитет. Надо принять ещё во внимание, что в Париже в 1909—1912 гг. находились заграничные центры меньшевиков, впередовцев, социалистов-революционеров и других организаций, поэтому идейная борьба, которая велась между социал-демократами и социалистами-революционерами, с одной стороны, и внутри самой социал-демократии — с другой, не могла не отразиться на жизни и деятельности парижской группы содействия большевикам. Группа в целом и отдельные активные члены её принимали деятельное участие в этой идейной борьбе. Нередко парижская группа заслушивала доклады и информации членов Большевистского центра (большевиков — членов редакции ЦО, ЦК и ЗБЦК) по вопросам, которые должны были быть или внесены в соответствующие партийные учреждения, или опубликованы. Доклады же о заседаниях пленумов ЦК, расширенной редакции «Пролетария», о партийных совещаниях и партийных конференциях делались даже до опубликования их решений. Парижская группа устраивала публичные рефераты на разные темы; в дебатах иногда участвовали лидеры всех течений внутри тогдашней социал-демократической партии и других партий. Члены парижской группы содействия большевикам принимали деятельное участие в дебатах, устраиваемых другими социал-демократическими течениями и партиями. Во время моего пребывания в Париже (конец 1912 г. и половина 1913 г.) эта группа уже не носила вышеописанного характера, так как после Пражской Всероссийской партийной конференции заграничный ЦО партии переехал в Краков.

В группу тогда входили: Владимирский (Камский), Мирон Черномазов (после Февральской революции было установлено, что он провокатор), братья Беленькие — Абрам и Гриша, Зефир, Константинович, Котов, Манцев, Людмила Сталь, Антонов-Бритман, Свиягин, Н. Кузнецов (Сапожков), Наташа (Гопнер), Надежда Михайловна Семашко, Михаил Давыдов, Абрам Сковно, Голубь, Исаак-Раскин, Морозовы, Шаповаловы, Дёготь, Ильин и ещё несколько товарищей, фамилий которых я не помню.

Парижская группа содействия в 1912—1913 гг. отличалась от многих заграничных групп своим составом и своей деятельностью. В Германии, Бельгии и даже Швейцарии того периода в группах большинство составляли студенты,

старые члены партии среди них были лишь одиночки, бежавшие из тюрем, ссылок и от преследования. Работу свою они вели главным образом среди русских студентов. Парижская же группа большевиков состояла почти целиком из старых революционеров, которые были вынуждены оставить Россию и готовы были в любое время по постановлению парторганов ехать обратно в Россию. Контингент новых членов составляли почти исключительно выпущенные из русских тюрем и бежавшие из ссылок. Парижская группа не имела в описываемое время связи с парижским русским студенчеством и среди него не работала. Работу она вела среди русских рабочих и политических эмигрантов, которых в Париже было очень много.

Кроме продажи партийной литературы, устройства рефератов, собирания средств для партии и обсуждения партийных вопросов парижская группа участвовала через своих представителей в эмигрантской кассе, которая помогала сильно нуждающимся, в обществе помощи ссыльным и заключённым и в других русских организациях совместно со всеми российскими революционными заграничными организациями того периода.

Парижская группа большевиков, как и группы других социал-демократических партий России, Польши и т. д., не входила как часть парижской организации во французскую социалистическую партию. Некоторые члены парижской группы по своему желанию вступили во французскую партию (я вступил в немецкую секцию парижской организации французской социалистической партии, членом которой я состоял до своего отъезда в Россию). Но никакого постановления ни французской, ни российской партий о вступлении русских социал-демократов во французскую социалистическую партию не было. Только позже устав Коммунистического Интернационала обязывал членов Компартии, переехавших в другую страну, немедленно вступать в Компартию последней. 1 мая 1913 г. по инициативе большевистской парижской группы состоялись огромный интернациональный первомайский митинг и празднество, в которых участвовали русские, итальянские, немецкие, французские рабочие и социал-демократы других стран. Митинг прошёл с большим подъёмом.

Сейчас же после приезда в Париж я был кооптирован в Комитет заграничных организаций содействия большеви-

кам, куда входили Владимирский (Камский), Н. Кузнецов (Сапожков), Семашко (он был в отъезде) и Мирон Черномазов [1]. О деятельности Комитета заграничных организаций у меня в памяти ничего не сохранилось, хотя я и участвовал во всех его заседаниях.

По приезде в Париж я узнал, что лишь некоторые товарищи получали питерскую «Правду». Мною несколько раз поднимался вопрос в Комитете заграничных организаций и в бюро партийной группы о массовом распространении «Правды» среди русских в Париже. Были вынесены несколько раз постановления, но результатов они не давали. Тогда я сам взялся за это дело, хотя у меня в Париже не было никаких знакомств. Мне удалось узнать, что в Париже имеется контора, которая выписывает русские газеты и сдаёт их в газетные киоски в городе. Я отправился в эту контору и условился о выписке «Правды» и о её распространении. Я написал в контору «Правды», чтобы в Париж посылалась каждый день «Правда» в количестве, определяемом парижским агентством. «Правда» стала поступать, но агентство не посылало денег конторе «Правды» за проданные номера. Пришлось тогда отказаться от услуг агентства и самому взяться за это дело: я стал выписывать «Правду» (в начале по 100 экземпляров ежедневно) на адрес школы, в которой я учился. Часть экземпляров тут же расхватывалась, а остальные продавались т. Зефиром и другими учениками школы в русской столовке на улице Глясьер, в которой обедали ученики и множество русских. Впоследствии дело пошло так хорошо, что ко мне постоянно обращались читатели «Правды» из далёких углов Парижа с просьбой посылать им газету почтой, и моя квартира действительно превратилась в экспедицию «Правды». После работы в дни, когда «Правда» приходила (конфискация её в Питере на заграничном тираже отражалась почему-то меньше), я заделывал номера в бандероли и отправлял их почтой. Я установил переписку с редакцией «Правды», и так как я аккуратно по-

[1] Я думаю, что он стал провокатором после приезда в Россию, куда он был послан для работы в «Правде» в начале 1913 г., ибо перед своим отъездом он несколько раз приходил ко мне советоваться, как ему ехать, что взять с собой и что оставить в Париже. Он мне оставил для просмотра всю свою переписку, с тем чтобы я уничтожил личные письма и сохранил деловые.

сылал ей деньги за проданные экземпляры, то редакция присылала мне в Париж столько экземпляров, сколько я просил, и притом тоже очень аккуратно.

В Париже, как я уже сказал выше, было большое количество политэмигрантов. Наряду с элементами, связанными с революционными партиями, было и немалое количество эмигрантов, случайно попавших в тюрьму и ссылку. Нищета почти среди всех эмигрантов была большая, а работу для всех найти невозможно было, так как большинство из них ничего не умело делать (рабочие работу находили). Очень трудно было русским эмигрантам и без знания языка. Научиться же было нелегко, ибо в Париже было много русских учреждений, где говорили по-русски, вследствие чего эмигранты не сталкивались с французами, от которых они могли бы научиться языку. (Когда я был в Париже, там уже существовал профсоюзный центр для русских рабочих; этот профсоюзный центр был связан с французским профдвижением, и при нём, если не ошибаюсь, были курсы для обучения рабочих французскому языку.) Многим ответственным работникам нашей партии приходилось разносить молоко, мыть стёкла в окнах магазинов и перевозить на ручных тележках домашние вещи русских из одной квартиры в другую, зарабатывая себе таким образом средства на пропитание.

Большинство политэмигрантов, членов нашей партии, стойко переносило нужду и лишения и при возвращении в Россию заняло подобающее место в партии. Несмотря на всё, шла творческая работа революционной мысли у тех вынужденных эмигрантов, которые или стояли во главе нашей партии или близко с ней соприкасались. Эта часть политэмигрантов связалась с социалистическим рабочим движением Европы и Америки, из которого почерпнула лучшее и откинула ненужное и вредное в нём.

После окончания школы электромонтёров я собрался ехать в Россию. О поездке в Россию кроме Заграничного бюро ЦК знали тт. Котов и Зефир. Житомирскому, у которого я бывал ежедневно, я сказал, что еду в Германию, чтобы поступить на завод «Сименс — Шуккерт». У меня Житомирский уже не пользовался прежним доверием, после того как я узнал, что состоялось партийное следствие (о котором Житомирский не знал) из трёх членов ЦК — большевика, бундовца и меньшевика, которое

рассматривало материал, данный Бурцевым [1] о Житомирском. Бурцев сообщил тогдашнему ЦК нашей партии (в 1910 или 1911 г.) как сведения из верного источника, что, когда в 1904 г. Житомирский поехал из Германии в Россию, заграничные русские охранники послали о Житомирском в департамент полиции телеграмму такого содержания, какие охранки обыкновенно давали, когда ехали агенты полиции. Следственная комиссия, рассмотрев сообщение Бурцева, решила, что этого сообщения недостаточно для обвинения Житомирского в провокации, и он был оставлен в партии. Всё же после этого Житомирский больше не получал никаких ответственных поручений и почти совсем отошёл от партии, хотя считался членом парижской группы. После факта, сообщённого Бурцевым о Житомирском, перед нами встал вопрос, откуда он берёт деньги на жизнь в Париже в отдельной хорошей квартире, не имея совсем практики как врач. У меня об этом был разговор с Ильичём в январе 1911 г., так как Ильич знал, что Житомирский — мой давнишний знакомый. Чтобы познакомиться поближе с жизнью Житомирского, я принял его приглашение зайти к нему, которое он передал мне через Абрама Сковно чуть ли не в первый день моего приезда в Париж. Он был очень рад моему приходу, предложил мне переехать к нему и т. д. Я к нему не переехал, но почти ежедневно бывал у него.

С моим приездом в Париж Житомирский стал опять интересоваться делами группы и активно в ней работать. У Житомирского кроме меня бывали Зефир и др. Не знаю, расспрашивал ли Житомирский товарищей об их работе или о других товарищах, меня же он никогда ни о чём не спрашивал за исключением одного раза. В январе 1911 г., когда я был в Париже, Житомирский уговорил меня поехать с ним в Версаль, находящийся в получасе езды от Парижа. При проезде через какую-то деревушку Житомирский мне сказал, что здесь живёт т. Лейтейзен (Линдов),

---

[1] Бурцеву удалось открыть провокатора Азефа и др. У него были знакомства с бывшими провокаторами царской охранки, которые снабжали его материалами о провокаторах в русском революционном движении. У Бурцева были также связи в департаменте полиции. Бурцев в тот период был ещё революционером и очень много помогал партиям в обнаружении провокаторов, которые находились в их рядах. Он действовал тогда в согласии со всеми революционными партиями.

и спросил, не знаю ли я, где он теперь находится. Вопрос показался мне странным, и я ему ответил, что не знаю (я действительно не знал, где Линдов, но, если бы и знал, не сказал бы, так как вопрос меня поразил).

Днём отъезда из Парижа я выбрал 14 июля, день взятия революционерами в 1789 г. Бастилии (Бастилия служила той же цели, что и Петропавловская крепость при царизме), когда в Париж съезжаются почти со всей Франции. Парижское население празднует падение Бастилии танцами на улицах, около ресторанов и в пивных... Я был уверен, что никакой шпик не уследит за мной в такой день. На вокзал проводить меня пришли тт. Зефир и Котов. Перед отходом поезда появился и Житомирский. Он очень тепло со мной простился, даже поцеловался и стал уговаривать, чтобы в следующий свой приезд в Париж я заехал к нему. Своим отношением он меня даже растрогал.

По дороге я останавливался в Баден-Бадене и в Лейпциге. Слежки никакой в пути не заметил. В Бадене мне, правда, показалось, что за мной следят, но я решил, что это местные шпики, а в Лейпциге я ничего не заметил. В день, когда я уже собрался ехать по чужому легальному паспорту в Россию, товарищ, у которого я был в Баден-Бадене и с которым я собирался в Россию, получил письмо от немки, у которой он жил. В письме сообщалось, что к ней пришёл шпик и стал расспрашивать обо мне. Шпик напугал немку, заявив, что я экспроприировал какой-то парижский банк и теперь он едет по моим следам. Немка описала наружность шпика и умоляла, чтобы я остановил шпика, который поехал за мной, и выяснил с ним это недоразумение. Немка была уверена, что шпик ищет не меня. Когда я вышел из своей квартиры, то мой взгляд упал на субъекта, сидевшего рядом с моей квартирой на окне кабачка, которое всегда было закрыто. Всё в этом субъекте сходилось с описанием, данным баденской немкой. Я отправился к т. Загорскому, у которого меня ждала телеграмма от Ильича с предложением выехать в Поронино. И я решил ехать туда. С т. Загорским мы составили такой план: мы отправили посыльного за вещами товарища, который был легален, чтобы отнести их на Эйленбургский вокзал, откуда отправлялись поезда в Россию на Калиш, а следить за посыльным пошла т. Пилацкая. Шпик пошёл за вещами товарища. В это время т. Загорский забрал мои

вещи и отвёз их на новый Лейпцигский вокзал. Вечером т. Загорский пошёл провожать товарища. Оказалось, что с ним поехал и шпик. Как я после узнал, шпик доехал до границы, где у товарища был произведён тщательный обыск. Жандармы расспрашивали обо мне. Ради осторожности с моими вещами поехала т. Пилацкая, а я сел в поезд на следующей станции; там т. Пилацкая передала мне билет и вещи, а сама вышла из поезда, у которого её ждал т. Загорский. Так я приехал благополучно к Ленину. Когда я рассказал о слежке и о моём предположении, что это дело рук Житомирского, то некоторые товарищи, присутствовавшие при моём рассказе, сказали мне, что, может быть, мне всё это только показалось. На следующий день после моего приезда в Поронино было получено письмо от т. Загорского: он писал, что в ту же ночь, когда я выехал, был обыск у моего хозяина в Лейпциге. Кстати, когда при открытии русской церкви в Лейпциге присутствовал великий князь Николай Николаевич, то у моего хозяина опять был обыск, но это уже было много времени спустя после моего отъезда из Лейпцига.

Мы решили сообщить Житомирскому, что меня вызывало Заграничное бюро ЦК в Краков, где я останусь работать и жить. Я ему послал в день своего отъезда в Россию якобы мой краковский адрес, а польские товарищи в Кракове должны были наблюдать за квартирой, адрес которой я послал Житомирскому, не началась ли за ней слежка, которая могла быть только по указанию Житомирского. В последнем случае связь Житомирского с охранкой была бы установлена вполне. Наш расчёт оказался верным. Не только я при аресте в Самаре точно установил, что Житомирский — провокатор, но и те товарищи, которые следили за квартирой в Кракове, мне об этом написали в ссылку.

Так был раскрыт крупный провокатор, который принёс нам, большевикам, много вреда.

НЕДЕЛЯ В ПОРОНИНО

Конец июля 1913 г.

В Поронино у Ленина и Н. К. Крупской я прожил дней семь. Жили они в крестьянском двухэтажном доме. Внизу жили Ильич, Надежда Константиновна и её мать, наверху же были одна или две комнаты, очевидно, специально для приезжающих, ибо, когда я приехал, там уже жил один товарищ, туда же поселили и меня. Владимир Ильич в Поронино, так же как и в Лондоне, Женеве и Париже, где мне его приходилось видеть, занимался и гулял в определённые часы. Несмотря на то что почти все дни, которые я провёл в Поронино, шёл дождь, Владимир Ильич много гулял пешком или ездил на велосипеде по окрестностям Поронино, расположенного в живописном месте. Из Поронино очень хорошо были видны Закопанские горы. Часто я принимал участие в прогулках Владимира Ильича. Однажды мы поехали в местечко Закопане, которое находилось недалеко от Поронино, а оттуда отправились на целый день в горы смотреть так называемое «Морское око». С нами был и третий товарищ, но точно не могу припомнить, был ли это т. Ганецкий, который тогда жил в Поронино, или кто-либо другой. Помню только, что до конца он с нами не дошёл. За этот день раз двадцать начинался дождь, и вперемежку с ним появлялось солнце.

Вымокли мы основательно. Во время дождя мы иногда прятались в какие-то избушки, очень похожие на сибирские этапные пункты, специально построенные для того, чтобы туристы могли укрываться в них от дождя. Лазили мы долго, поднимаясь высоко по камням и хватаясь за железные скобы, вделанные в скалы. Большую часть пути

пришлось идти по тропинке над огромным обрывом. Красота была необычайная. Но когда мы дошли до «Морского ока», то оказалось, что облака закрыли всё, и ничего не было видно. Три раза мы начинали спускаться с горы и поднимались обратно, как только появлялось солнце, пока мы, наконец, не увидели глубокую впадину в горе, наполненную чистым снегом. Поздно ночью, промокшие и озябшие, мы вернулись в Поронино. Эта прогулка мне врезалась в память. Помнил её и Владимир Ильич. В 1918—1919 гг., когда начались трения между наркомом путей сообщения и московским райкомом железнодорожников и Цекпрофсожем, где я тогда работал, Ильич шутя мне несколько раз говорил, что лучше бы он сбросил меня в обрыв во время нашей закопанской прогулки.

В одну из таких прогулок Владимир Ильич изложил мне план подготовки партийного съезда. Вопрос этот предполагалось поставить на обсуждение совещания осенью 1913 г., на которое я должен был пригласить южан. В план Ильича входило пригласить на партийный съезд социал-демократов Латышского края и оппозицию в СДПиЛ, «розламовцев», для чего он перебирал товарищей, которых можно было бы послать к латышам. Я не возражал против приглашения польской оппозиции, но категорически настаивал на приглашении на партийный съезд Главного правления СДПиЛ [1]. Одновременно я предлагал известить об этом местные парторганизации СДПиЛ, чтобы последние знали, что не большевики повинны будут, если их Главное правление не пойдёт на съезд, созываемый большевиками, и тем самым поставит себя вне рядов РСДРП. (Между большевиками и Главным правлением СДПиЛ были разногласия в вопросе о методах воссоздания РСДРП.) На это Владимир Ильич мне заявил, что теперь

---

[1] Несмотря на то что Главное правление СДПиЛ было приглашено на Пражскую январскую общепартийную конференцию 1912 г., оно отказалось принять в ней участие. Оно предложило вышеназванной конференции выделить нескольких товарищей для ведения переговоров о созыве действительно общепартийной конференции с участием всех течений РСДРП, в том числе и «националов». Главное правление СДПиЛ давило через Розу Люксембург на немцев-«держателей», чтобы большевикам не выдавали их средств, которые так необходимы были для расширения работы в 1912—1913 гг.

В то же время Главное правление СДПиЛ отказалось также участвовать в ОК Августовского блока и на конференции, созванной им в Вене в августе 1912 г.

речь идёт не о дипломатничании, а о создании боеспособной партии. Главное же правление СДПиЛ если оно и придёт на съезд, то только с тем, чтобы тормозить его работу.

Мне казалось, что если приедут на наш съезд представители из Польши с мест, то через них можно будет давить на Главное правление СДПиЛ, чтобы последнее приняло действительное и серьёзное участие в работах центральных учреждений РСДРП, поэтому я с доводами Владимира Ильича не согласился. Тогда Владимир Ильич заявил мне, что в таком случае я не могу оставаться на центральной работе, и так как это совпало с моим желанием поступить на работу на завод, то было условлено, что я еду на местную работу в Питер или Москву. Я получил явку в Питер (с Москвой я сам был связан) и отправился на юг России выполнять задания Заграничного бюро Центрального Комитета.

ВОЛЬСК

1913—1914 гг.

Русскую границу я переехал по паспорту студента Б. Лондона, а в Варшаву мне т. Загорский прислал паспорт, по которому я жил в Москве в 1907 г., на имя Пимена Михайловича Санадирадзе, дворянина Кутаисской губернии. Документ был неважный, но другого у меня не было. Были ли у меня поручения для варшавской организации СДПиЛ (она была на стороне «розламовцев») не помню, хотя я там виделся с несколькими товарищами — членами СДПиЛ.

Из Варшавы я поехал в Киев, где должен был видеться с тт. Петровским и Розмирович. Выполняя поручение, я сообщил т. Розмирович, что т. Петровский должен поехать в Поронино, так как в конце сентября 1913 г. состоится заседание ЦК совместно с думской шестёркой (шесть членов Государственной думы от рабочей курии — большевики) и ответственными работниками областей. Кроме того, я указал, сколько товарищей должны ещё поехать по выбору т. Петровского с ним вместе из Киева и прилегающих городов на это совещание и от каких городов должны быть выделены товарищи для партийной школы, которую проектировалось открыть в Галиции, около Поронино. (Самого т. Петровского в Киеве не оказалось.) Я поехал в Полтаву к т. Любичу (Саммеру), который работал в земстве. Его в городе не оказалось: он уехал в Харьков. Из Полтавы я поехал в Харьков к т. Муранову, тогдашнему члену IV Государственной думы от Харьковской губернии. Мне пришлось пробыть больше недели в Харькове, пока меня очень таинственно свели с т. Мурановым, за которым

сильно следили. Для того чтобы получить это свидание, я должен был ночевать на какой-то харьковской горе около полотна железной дороги. Ночью явился т. Муранов, который выехал из города чуть ли не на паровозе (т. Муранов, сам железнодорожник, был хорошо связан с железнодорожниками). Я ему передал поручения, которые имел к нему (они были аналогичны поручениям, которые я передал т. Петровскому). Наутро я выехал в Москву через Пензу, где хотел остановиться на один-два дня у моих друзей Итиных. В дороге я заболел дизентерией в очень сильной форме и еле-еле дотащился до их квартиры. Эта болезнь, которая чуть не отправила меня к праотцам, приковала меня к постели больше чем на полтора месяца. Приехав в Москву, я через т. Красина, бывшего тогда техническим директором фирмы «Сименс — Шуккерт», поступил в качестве электромонтёра в эту фирму. Меня командировали на монтаж строящегося цементного завода «Ассерни», который находился в 7 верстах от Вольска. Я немного трусил, идя работать на завод: я не был уверен, справлюсь ли с работой по оборудованию электроосвещения завода. У меня был опыт по проведению электричества в квартирах, но это совсем не то, что на заводе. Но я решил научиться работать во что бы то ни стало, значит, надо было пробовать. Когда я явился к т. Красину просить работы, последний спросил меня, хочу ли я только получить заработок или же научиться работать. Свой вопрос он пояснил: если я хочу лишь заработка, то тогда могу остаться в Москве, если же хочу научиться работать, то нужно ехать на монтаж в глухое место, чтобы ничто не отвлекало от работы. Как мне ни хотелось остаться в Москве, я всё же выбрал глушь, чтобы научиться работать. Тов. Красин оказался прав. Завод, куда я попал, оборудовался по последнему слову заграничной техники, работа кипела вовсю. Монтёров нагнали много, русских и немцев. Для каждой отрасли сложной электротехнической работы были особые монтёры во главе с одним старшим, более опытным монтёром, который распределял вспомогательную рабочую силу, выдавал материал и указывал, что нужно сделать. Во главе же всей работы на заводе «Ассерни» от фирмы «Сименс — Шуккерт» находился техник, немец Гассер. Инженеры жили в Вольске, а на завод являлись очень редко. Мне никогда и в голову не приходило, что цемент требует для своей выделки столь сложной конструкции

машин и механизации производства. Весь сложный процесс производства от начала до конца, за исключением подачи мела в мокрую мельницу и подставки пустой бочки и заделки дна, когда она заполняется уже готовым цементом, происходит автоматически, механическим путём.

Я изучил весь завод и побочные производства, ибо я оборудовал его почти целиком электрическим освещением. Работал я день и ночь и в отличие от других монтёров не ограничивался только руководством работой, но работал и сам, лазил в самые опасные места и выполнял трудные работы. Со мной работали человек 50, среди которых были неквалифицированные рабочие и слесари, изготовлявшие нужные скобы, кронштейны и пр. Мне приходилось работать с таким материалом, которого я раньше никогда и не видал. Но я работал не за страх, а за совесть. Техник Гассер видел, что я в свободное время наблюдаю за другими работами, и стал давать мне работу по установке под его руководством небольших моторов и динамомашин, распределительных щитов и пр. И в этой области я делал большие успехи. Я и Николай Николаевич Мандельштам, который там же работал старшим монтёром, оставили завод последними. На заводе я проработал с октября 1913 г. до начала апреля 1914 г. Зарабатывал там недурно: фирма платила 18 копеек в час, а за работу в праздники и сверхурочные часы в полтора раза больше — 27 копеек в час и, кроме того, 1 рубль 50 копеек суточных. Пребывание на заводе дало мне многое: я научился работать и увидел, как живут, работают и проводят время русские крестьяне и рабочие, от которых я долгое время был оторван, живя за границей. А жили они на заводе «Ассерни» и на соседних цементных заводах Зейферта и Глухоозерском очень плохо. На заводе тогда работали временные и постоянные рабочие: временные — в связи с постройкой завода, а постоянные — на производстве в самом заводе. К моему приезду завод уже работал (хотя не весь). Временные рабочие работали с монтёрами различных фирм, но они нанимались и оплачивались администрацией завода «Ассерни».

Это была преимущественно местная рабочая молодёжь и крестьяне Пензенской губернии, которых было очень много на заводе. Получали они за 10 часов работы по 50 копеек в день. Очень часто Николай Николаевич Мандельштам и я оставляли временных рабочих по их

просьбе работать по ночам — хотя мы хорошо знали, что они ночью не работали,— только чтобы увеличить их заработок. За ночную работу им платили в удвоенном размере. Пришлые рабочие жили в землянках в ужаснейших, антисанитарных условиях. Мимо этих землянок невозможно было пройти из-за смрада. Для части квалифицированных рабочих, которые работали на производстве, были построены деревянные казармы, где жили и все монтёры. Никаких организаций и культурных учреждений на заводе не существовало, да, кажется, их не было и в Вольске, если не считать двух-трёх кинематографов. Песни и ругань висели в воздухе вокруг завода по воскресеньям и в праздничные дни. Часть местной молодёжи и пришлых рабочих пропивала в праздничные дни не только свой заработок, но и сапоги, валенки и куртки. После этого им приходилось работать несколько месяцев, пока они вновь приобретали обмундирование. Однажды заводоуправление решило понизить подённую плату на 10 копеек в день и ограничить сверхурочные работы для вспомогательных рабочих. Под руководством рабочих, которые работали у партийных монтёров (нас было четверо — три большевика: Н. Н. Мандельштам, М. Петров и я, и один меньшевик — Рябиков), временные рабочие объявили забастовку. Мы решили не работать со штрейкбрехерами и заявили нашему начальству, что не можем работать с другими рабочими, так как бастующие рабочие уже научились работать, а штрейкбрехеров придётся вновь обучать. Явилась полиция, но рабочие забастовку выиграли.

Живя в Вольске, я связался с Русским и Заграничным бюро Центрального Комитета. С Надеждой Константиновной я вёл регулярную переписку через Пензу. Я получал газету «Правда», наш журнал «Просвещение» и всю страховую большевистскую литературу из Питера по адресу конторы газеты «Вольская жизнь», которой я посвящу ниже несколько строк. Во всей России проводилась в то время страховая кампания. (III Государственная дума приняла куцый закон о страховании рабочих во время болезни и пр., и по этому вопросу были крупные разногласия с меньшевиками. Как они, так и большевики вели широкую кампанию в ежедневных газетах, издавалось много брошюр, были даже периодические журналы обоих течений по вопросам страхования.) На совещании

трёх большевиков нашего завода было решено созвать собрание из квалифицированных рабочих завода «Ассерни» для обсуждения вопросов страхования. Совещание происходило у меня в комнате. Я стал снабжать более сознательных рабочих из присутствовавших на совещании страховой литературой и «Правдой». Эти же рабочие часто обращались ко мне и к Н. Н. Мандельштаму за разъяснением тех или иных вопросов. И у нас с ними установился полный контакт, хотя, к сожалению, создать из них партийную организацию не удалось, ибо по окончании монтажа мы должны были уехать из Вольска. Если не изменяет память, то кое-какие связи мы передали Вардину, который вместе с т. Антошкиным жил в Вольске под надзором полиции. На всех трёх заводах Вольска работало человек 20 монтёров московской конторы фирмы «Сименс — Шуккерт». Кроме нас, четверых партийных, было человека два, близко к нам стоявших; по праздникам мы, шесть человек, сходились вместе на квартире одного из монтёров, живших в Вольске. Остальные же монтёры были мещане-обыватели. Время своё они проводили скучно, нудно, по праздникам большею частью в ресторанах.

Зарабатывали они все недурно, а денег в Вольске некуда было девать за исключением ресторанов. Иногда все монтёры собирались вместе, но разговоры на политические темы к ним не прививались, хотя рабочее движение в России поднималось тогда с каждым днём. Зато монтёры рассказывали друг другу о происшествиях на фабриках и о столкновениях с нашей и заводской администрацией. Об этом и о скверных условиях охраны труда на цементных заводах московские монтёры стали давать заметки в выходившую в Вольске, кажется ежедневно, небольшую газету «Вольская жизнь». Таким образом, мы, партийные монтёры, познакомились с редакцией довольно радикальной для такой глуши газетой. Однажды я развернул полученный номер «Вольской жизни» (редакция сама, по своей инициативе, стала присылать мне газету по адресу конторы завода) и нашёл там большущую хвалебную статью, посвящённую заводу «Ассерни». В статье наряду с верным описанием новейших машин были помещены явно лживые сведения о том, что на заводе совсем нет пыли, что функционируют школа, больница, баня, что построены замечательные квартиры для рабочих и пр.

Нам, монтёрам, стало сразу ясно, что статья написана заводоуправлением, ибо ни один честный сотрудник газеты не мог писать, что на заводе совсем нет пыли. Стоило человеку пройти мимо мокрой мельницы, как его с ног до головы обдавало серой жидкостью; проходя же мимо угольной мельницы, он немедленно превращался в трубочиста, а всё окружающее покрывала густая серая пыль цементной мельницы. Если бы постоянно не работали пылесосы, то, возможно, и совсем бы нечем было дышать. Замечательно чисто и даже красиво было в тягосиловом машинном отделении. Что же касается школы, больницы, бани и пр., то всё это было ещё только в проекте, а пока были «замечательные» бараки. Мы были возмущены этой статьёй, ибо газета была очень приличная для тогдашнего времени, и написали опровержение. Редакция не хотела поместить его без предварительных переговоров с нами. Мы направили на переговоры с редакцией двух партийных товарищей — монтёров Петрова и Рябикова. Они вернулись вместе с одним из редакторов, которому мы показали завод. Только этим мы убедили редакцию «Вольской жизни», что наше опровержение было правильно. В связи с этим инцидентом мы установили связь с редакцией «Вольской жизни». Оказалось, что её редактируют высланные в Вольск большевики.

Наконец, монтаж был закончен, и я на пасху 1914 г. вернулся в Москву. Контора «Сименс—Шуккерт» чуть не в тот же день хотела отправить меня на ремонт и монтаж в текстильный район, недалеко от Москвы (куда именно, не помню), ибо перед пасхальными праздниками текстильные фабрики закрывались на небольшой срок. Тогда производился ремонт старых и монтаж новых электротехнических машин. Но я категорически отказался ехать, ибо мне опротивела глушь. Меня манил Питер, где борьба кипела вовсю. Я решил было махнуть туда, но жаль было бросить место, где я кое-чему научился и где я мог бы ещё многому поучиться. Я поставил условие: или работа в крупном городе, или расчёт. Контора выбрала первое: она предложила мне ехать в Самару вместе с немецким техником Гассером на оборудование и устройство городского электрического трамвая в самом городе. Предложение я принял. В Москве я пробыл несколько дней. Для того чтобы повидаться с московскими товарищами, я пошёл не то на платную лекцию, не то на концерт, который был

устроен в пользу МК в здании Московского художественного кружка на Большой Дмитровке, 15/а, (впоследствии здание МК ВКП(б)). Там я действительно встретил старых знакомых и друзей: Карпову, Яшнову, Константинович, которую я знал по Парижу, и провокатора Романова, который с места в карьер стал меня расспрашивать, приехал ли я на работу в Москву и т. д. Тов. Глеба (Манцева), которого мне хотелось повидать, я не встретил (его жена была на вечере, но его самого не было). В течение нескольких дней, которые я пробыл в Москве, мне удалось повидать Карпова, Богданова, бежавшего со мной вместе из киевской тюрьмы Мальцмана [1], но никаких связей с Самарской организацией мне достать не удалось. Пришлось ограничиться несколькими частными адресами. Переменив инструменты для предстоящей работы, я выехал в Самару.

---

[1] Этот, с позволения сказать, революционер в 1918 г. смеялся надо мной за то, что я ещё остался работать в партии. «Только такие дураки, как вы, ещё продолжают работать. Разве не видите, что положение безнадёжное?»

САМАРА

1914 г.

В Самару я приехал 29 (16) апреля 1914 г. и в тот же день приступил к работе на электрической городской станции, где устанавливались машины для трамвая. Работа для меня была очень интересная, но мне приходилось весьма туго: надо было очень интенсивно работать в качестве слесаря, сверлильщика и т. д., так как вспомогательные рабочие должны были оплачиваться фирмой Шуккерта, а не заказчиком, и поэтому их принимали на работу в недостаточном количестве. К тому же самая работа была нова для меня. Мне приходилось иметь дело с машинами, превращающими переменный ток в постоянный (умформеры), который нужен для трамвая, с трансформаторами (разборкой, варкой масла для удаления водяных остатков из него и их установкой) и приборами сложнейшей конструкции, которых я до того времени не видал. Хотя я работал только 10 часов в день, я всё же сильно уставал, так как по вечерам был занят по делам парторганизации и приходилось поздно ложиться спать и рано вставать, чтобы идти на работу. По этим причинам я отказался от сверхурочных работ, хотя работа была очень спешная. Мне удалось устроить к нам на работу т. Вавилкина [1] и других, выброшенных с Трубочного завода, как бунтовщиков. Неожиданный арест не дал мне возможности работать до окончания монтажа, который

[1] С т. Вавилкиным я встречался на съездах железнодорожников в конце 1917 и начале 1918 г. Он являлся представителем самарских железнодорожников. Во время самарской учредилки он отправился на Урал и в Сибирь, где, как говорят, погиб от колчаковских сатрапов.

дал бы мне многое в смысле усвоения методов работы, применявшихся немецкими монтёрами, приехавшими для установки машин [1].

Остановлюсь теперь на своей партработе в Самаре.

Когда мне стало известно, что я еду в Самару, я написал Надежде Константиновне Крупской, чтобы Ильич написал в редакцию самарской газеты «Заря Поволжья», что мне можно доверять, я просил их также, чтобы меня связали с сторонниками питерской «Правды». (Ильич под разными псевдонимами иногда помещал свои статьи в еженедельнике «Заря Поволжья».)

По приезде в Самару я стал искать товарищей, адреса которых получил в Москве перед отъездом, но связать меня с местной парторганизацией они не могли: одни сами не были связаны с организацией, а другие боялись связать меня, так как явок у меня не было, а лично меня никто не знал. Несмотря на то что за помещением редакции «Заря Поволжья» была постоянная слежка, я ежедневно ходил туда в ожидании письма обо мне из Поронино от Ильича. Вскоре товарищи из редакции начали подозрительно ко мне присматриваться и подробно расспрашивать о том, кто, мол, я, откуда приехал, зачем и т. д. Так как я не знал, кто сидит в редакции — большевики или меньшевики, я, конечно, отвечать подробно на их расспросы не мог, что ещё больше усилило их подозрительность. Я стал реже ходить в редакцию. Чтобы скорее связаться с самарскими товарищами, я стал писать письма Малиновскому в думскую фракцию, прося связать меня с кем-нибудь.

Наконец, было получено долгожданное письмо из Поронино. Отношение ко мне большевиков, которые работали в редакции, сразу изменилось. Степан (Белов), секретарь редакции, большевик (во время войны он сделался оборонцем и меньшевиком, а позже подвизался в самарской учредилке), ввёл меня в курс самарских дел.

---

[1] Меня работа по электротехнике сильно привлекла, и я даже в ссылке следил, насколько, конечно, это было возможно, за электротехнической литературой. По той же причине, возвратившись в Москву в марте 1917 г. из ссылки, я отправился на первое собрание электромонтёров в Хлебной бирже, где обсуждался вопрос, организовать ли отдельный союз электромонтёров или войти в союз металлистов, ибо я думал работать по этой части. Но МК РКП(б) был другого мнения, дав мне работу среди железнодорожников, которая отняла у меня всё время.

Положение было незавидное. Никакой парторганизации, ни большевистской, ни меньшевистской, в Самаре не существовало, хотя на многих фабриках и заводах были смешанные партгруппы из меньшевиков и большевиков. Меньшевики организовали легальное «общество разумных развлечений», куда входили и большевики. В этом обществе устраивались лекции на общеобразовательные темы, была библиотека и пр. Здесь же происходили споры между меньшевиками и большевиками по углам, а не открыто — в докладах с прениями. Председателем «общества разумных развлечений» был какой-то самарский адвокат, фамилии которого я не помню. Лица, ответственные за политическую физиономию общества перед начальством, следили за тем, чтобы в помещении общества ничего неразрешённого не происходило. На собраниях и лекциях могли присутствовать только члены общества. Несмотря, однако, на все ограничения, в помещении общества всё время толпились рабочие, там же встречалась и наша публика, но никаких заседаний конспиративного характера не устраивалось, ибо там, наверно, были глаза и уши самарской охранки.

Другим центром, вокруг которого группировались подлинные революционные элементы рабочего класса Самары, была газета «Заря Поволжья», но и она не имела определённой политической физиономии. В редакции были два меньшевика, два большевика, они сообща намечали пятого члена редакции — секретаря. В апреле 1914 г. секретарём был Белов, большевик.

В Питере «Правда» и «Луч» вели между собой борьбу не на жизнь, а на смерть, а в то же самое время в Самаре на страницах одной и той же газеты выступали руководители как революционно-пролетарского направления в русском и международном рабочем движении, так и псевдореволюционного и холопско-буржуазных воззрений.

Повидавшись ещё кое с кем из самарских большевиков, мне удалось убедить их в необходимости и возможности создать самостоятельную большевистскую нелегальную парторганизацию. Все предпосылки для создания организации были налицо. Через газету и «общество разумных развлечений» отдельные большевики были связаны с рабочими группами заводов, но создать организацию они боялись, мотивируя тем, что в неё проникнут

провокаторы и охранка быстро ликвидирует организацию. В первых числах мая, в воскресенье, в овраге около Трубочного завода, состоялось собрание большевиков. На нём присутствовали: от Трубочного завода — Бедняков, Вавилкин и ещё один рабочий, фамилию которого я не помню; от большевиков самарского рабочего кооператива — Станкевич, от редакции — Белов и ещё несколько товарищей, имена которых я забыл. На этом учредительном собрании большевиков я сделал доклад о положении в партии, а Белов (или Бедняков) информировал о положени дел в Самаре. После обмена мнениями было решено создать большевистский Временный самарский комитет, который должен был уже подготовить созыв самарской конференции большевиков, вести текущую работу и связаться с ЦК и ЦО партии. Во Временный комитет вошли Бедняков, Белов, я, конторский служащий Веньямин (фамилию я забыл) и ещё один рабочий с Трубочного завода. Мне было поручено связаться с центральными органами партии и организацией распределения питерской «Правды» и нашего журнала «Просвещение».

Так как Малиновский не ответил на мои письма, которые я ему посылал в апреле, я информировал о самарских делах Заграничное бюро ЦК в лице Н. К. Крупской и установил с ней постоянную и частую переписку. Я ей писал шифрованные письма по имевшимся у меня заграничным адресам, а от неё получал письма через Пензу, откуда мне пересылал их т. Итин, с которым я работал вместе в Берлине и Одессе. Он достал для этого хороший пензенский адрес на Земельный банк, что гарантировало от вскрытия и пропажи заграничной корреспонденции, а из Пензы в Самару письма уже шли с меньшим риском. После же бегства Малиновского из Думы я потерял связь с русским ЦК, ибо был связан с последним через Малиновского, писать же другим членам нашей думской фракции я не мог, так как они не знали моих кличек. Это вынудило меня писать за границу и о чисто русских делах.

Что касается распространения «Правды» и «Просвещения», то самарские товарищи познакомили меня с одним товарищем, который занимался распространением легальной рабочей печати среди рабочих фабрик и мастерских. Я обратился к Мирону Черномазову в «Правду»

и Максу Савельеву в «Просвещение» с просьбой посылать в Самару по адресу вышеназванного товарища столько номеров, сколько он потребует. Я же обещал следить за тем, чтобы деньги своевременно высылались. Таким образом наша литература распространялась в Самаре.

Члены Временного комитета очень часто встречались в «обществе разумных развлечений», в городских ресторанах и садах. Заседания же Временного комитета партии, который очень часто собирался, происходили на лодках и в садах. Связи комитета с партийными товарищами на фабриках и заводах всё больше расширялись, и через них комитет был информирован о настроениях широких кругов рабочих. Уход Малиновского из Думы 8 мая 1914 г. вызвал недоумение и раздражение в рабочей среде, поэтому Временный комитет осудил поступок Малиновского и вынес против него резкую резолюцию, которую я послал Заграничному бюро ЦК для напечатания.

В середине мая поднялся вопрос о выпуске «Зари Поволжья» несколько раз в неделю. Редакция газеты постановила созвать расширенное собрание редакции с представителями от фабричных партийных групп Самары. Ни секретарь редакции Белов, ни другие большевики — члены редакции — вопроса о подготовке к расширенному собранию редакции газеты не поставили на заседании Временного комитета Самарской парторганизации большевиков. В субботу вечером, перед собранием расширенной редакции газеты, я встретил Белова, от которого лишь тогда узнал о предполагаемом собрании редакции. На мой вопрос, по чьей инициативе созывалось собрание и какие вопросы стоят в порядке дня, он ответил, что два меньшевика — члены редакции — предложили созвать собрание в целях обсуждения вопроса об улучшении распространения газеты и об учащении её выхода. На мой вопрос, не попытаются ли меньшевики переизбрать редакцию газеты, Белов ответил, что этого быть не может. Он ещё добавил, что я очень подозрителен, ибо думаю, что имею дело со столичными меньшевиками. Весь этот разговор между мной и Беловым произошёл в присутствии Анны Никифоровой. В понедельник после работы я встретил Белова в условленном месте, и первый мой вопрос был о том, чем кончился расширенный пленум редакции. Белов невозмутимо рассказал мне, что на пленуме

представителей крупных заводов не было, и меньшевики этим воспользовались и предложили переизбрать редакцию. Предложение было принято. Меньшевики провели в редакцию трёх своих членов, а большевики двух, в том числе и его, но он, Белов, категорически отказался войти в редакцию, ибо меньшевики действовали нелояльно. Моему возмущению халатностью большевиков — членов редакции, которые даже не поставили вопроса во Временном комитете о подготовке к пленуму редакции, не было границ. Но ещё больше меня возмутило то, что Белов отказался войти в состав редакции и ушёл с поста секретаря редакции, не посоветовавшись с нами: после его ухода редакция, а значит и газета, без боя переходила к меньшевикам. На первом же собрании Временного комитета было постановлено завоевать газету во что бы то ни стало, хотя Белов предложил начать издание своего еженедельного органа в противовес «Заре Поволжья». Его предложение было решительно отвергнуто, и мы, большевики, начали агитацию против меньшевистского направления в газете на заводах, фабриках и в мастерских, предлагая превратить «Зарю Поволжья» в газету большевистского направления. В своих выступлениях и агитации мы себя называли «правдистами», а меньшевиков — «лучистами», и рабочие великолепно понимали, что в лице тех и других ведётся борьба между большевиками и меньшевиками. Несмотря на частые конфискации, газета «Заря Поволжья» жила без дефицита, ибо рабочие поддерживали её материально всё время. Но когда газета целиком перешла к меньшевикам, когда Дан, Мартов и К° стали заполнять столбцы её, а большевики совсем прекратили помещать свои статьи, то рабочие перестали посылать на поддержку газеты свои крохи. В первую же неделю господства меньшевиков поступления упали с 89 рублей в неделю до 15 рублей (за точность цифр не ручаюсь, но такими они у меня остались в памяти, и общую картину выражают они верно).

Когда нашей агитацией почва была подготовлена, мы потребовали созыва расширенной редакции «Зари Поволжья» для разрешения вопроса о направлении газеты, что было равносильно опросу всех членов и сочувствующих РСДРП, работающих у станка. Для этого были созваны на предприятиях собрания из членов и сочувствующих РСДРП, на котором выступали как меньшевики, так

и большевики, излагавшие тактические и организационные взгляды обоих течений в РСДРП. В конце собрания ставился на голосование вопрос, как вести самарскую рабочую газету — в направлении питерской «Правды» или «Луча», после чего были выбраны делегаты на конференцию, которая должна была окончательно решить этот вопрос. 21 (8) июня собрались делегаты от партгрупп заводов, фабрик и мастерских в одной даче на Барбашиной поляне, но собрание пришлось распустить, ибо полиция и шпики уже подходили к месту собрания. Временный же комитет не мог собраться до созыва заседания (по существу конференции) расширенной редакции, так как все его члены участвовали на собраниях в качестве докладчиков от большевиков, и мы поэтому точно не знали, за кем большинство. Но, после того как вышеназванное собрание было распущено, мы сделали подсчёт, показавший нам, что мы имели перевес больше чем на две трети. Конференция была назначена на следующее воскресенье.

Как только Временный комитет решил начать кампанию по завоеванию газеты, я обратился к Заграничному бюро ЦК с вопросом, сумеет ли оно обслуживать «Зарю Поволжья» литературными силами по общеполитическим вопросам, ибо в Самаре у нас литераторов было мало. В ответ на это я получил письмо от Ленина, в котором он вполне одобрил наше решение и обещал помочь литературными большевистскими силами. Он просил в случае нашей победы дать ему условную телеграмму и обещал тогда немедленно же прислать статьи для первого нашего номера. Владимир Ильич в своём письме подчеркнул значение «Зари Поволжья» для всех поволжских городов. Я втянул для постоянной работы в газете стоящего далеко от парторганизации большевика Андреева, адрес которого мне дали в Москве. Он работал в самарском земстве.

Вторичное собрание, назначенное в лесу на 28 (15) июня, не могло там состояться, ибо ещё до начала собрания патруль, выставленный вокруг места собрания, дал знать условной песней, что полиция находится вблизи. Было решено переехать на лодках на другой берег Волги для проведения собрания, так как тянуть дольше с решением этого вопроса нельзя было. Перебравшись туда, мы разместились на бугорке, в роще, откуда могли видеть, что делается на Волге. Несмотря на то что собрание

состоялось вдали от города и место собрания было изменено, на него явились почти все делегаты-большевики. Был сделан доклад бывшим членом редакции большевиком т. Кукушкиным и содоклад — редактором-меньшевиком о сути наших разногласий и по вопросу о положении дел в редакции. После докладов состоялся оживлённый обмен мнениями, и голосование дало большинство, три четверти, за большевистское направление газеты. Характерно было то, что за большевиков голосовали представители Трубочного и других крупных заводов, за меньшевиков же — пекари и рабочие других мелких мастерских. Конференция выбрала редакцию из пяти товарищей, большевиков: четырёх редакторов и одного кандидата, а меньшевикам было предоставлено право выделить одного редактора, от чего они отказались. В редакцию вошли тт. Белов, Бедняков, типограф Кукушкин и Андреев, который работал в земстве, а кандидатом — Веньямин из Временного комитета. Сейчас же по возвращении с конференции я послал Ильичу условную телеграмму о нашей победе. Первый номер «Зари Поволжья» я увидел уже в тюрьме, ибо на следующий же день был арестован. В первом номере была помещена хорошая передовая — «Реформа или реформы», которая объявляла о том, что газета будет вестись в «правдистском» духе... Рабочие радостно встретили новое направление газеты, о чём свидетельствовали поступавшие массами в редакцию приветствия от рабочих и сразу увеличившиеся денежные поступления. Когда перед войной поднялась революционная волна, газета была закрыта, так же как и питерская «Правда», и среди большевиков были произведены аресты.

Несмотря на все недостатки «Зари Поволжья», она сыграла большую роль в самарском рабочем движении того времени.

В конце мая или в начале июня 1914 г. я получил от Заграничного бюро ЦК поручение созвать поволжскую конференцию нашей партии и подготовить выборы по Поволжью на международный Венский социалистический конгресс, который должен был состояться 15 (2) августа 1914 г., и на съезд нашей партии. Я получил директивы послать побольше рабочих, участвующих в нелегальном и легальном рабочем движении. Так как я сам объехать Поволжье не мог (я работал по постройке трамвая, и работа

была очень спешная), то я сговорился с т. Кукушкиным и Анной Никифоровой (последняя работала в Сызрани и очень часто бывала в Самаре, где я с ней встречался), что они возьмут это на себя. Они должны были объехать поволжские города, чтобы выяснить, где какие организации имеются и установить с ними связь. Только после этого могла быть назначена поволжская партийная конференция, которая выбрала бы поволжский областной центр и произвела бы выборы на партийный съезд. Попутно они должны были предложить произвести выборы во всех городах и на международный Венский конгресс. Результатов их поездки я не узнал, так как находился уже в тюрьме, а война, разразившаяся в конце июля 1914 г., сделала невозможным созыв Венского конгресса и партийного съезда.

АРЕСТ, ТЮРЬМА И ЭТАП
1914—1915 гг.

Возвращаясь с обеда на работу 29(16) июня, я услышал за собой в садике около самарского собора быстрые шаги и слова: «Господин, подождите». Оглянувшись, увидел, что за мной бежит запыхавшийся околоточный надзиратель. Я, конечно, двинулся быстрее от него, но, когда уже был у калитки, которая вела на глухую улицу, мне преградили дорогу два шпика, часто встречавшиеся за последние дни среди рабочих, прокладывавших рельсы около моей квартиры. Настигнув меня, полицейский спросил, как меня зовут. Я ответил: «Раз вы гонитесь за мной, то должны знать и моё имя». Невдалеке стоял извозчик, и я очень скоро очутился в жандармском управлении. Ни при себе, ни на квартире у меня ничего нелегального не было. На квартире были только номера «Правды» и «Просвещения» (по одному экземпляру). Если бы я был взят на улице в субботу, а не в понедельник, жандармы нашли бы у меня шифрованное письмо Н. К. Крупской, которое трудно было разобрать и с которым я бесплодно промучился два дня, чтобы расшифровать указанные в нём адреса. Я решил принять в разговоре с жандармами тон благородного негодования по поводу ареста невинного и занятого человека, и это мне вначале вполне удалось: начальник жандармского управления Познанский заколебался и чуть было не освободил меня как случайно арестованного, но вдруг это сорвалось. За свою доверчивость он мне после здорово мстил. Как только меня ввели к Познанскому, я ему заявил, что произошла ошибка с моим арестом, что, очевидно, меня приняли за другого, я же

работаю по постройке трамвая, работа очень спешная, и там меня ждут рабочие. Оказалось, что они фамилии моей не знали и искали меня по фотографической карточке. Последняя была мало похожа на меня, в особенности, когда я был одет в рабочий костюм. Но карточка произвела на меня ошеломляющее впечатление: лоб, глаза и нос были мои, волосы же и борода — чужие: такой бороды и такой причёски я никогда не носил. Ко всему этому одет был этот человек в смокинг, которого я сроду не надевал. Я сразу узнал работу Житомирского. Незадолго до моего отъезда из Парижа Житомирский пристал ко мне, Котову, Зефиру, Андронникову и другим, чтобы мы у него снялись все вместе на одной карточке, ссылаясь на то, что у него есть хороший фотоаппарат. Мы долго не соглашались сниматься, но в один хороший, солнечный день, когда мы случайно собрались у него на квартире, он вновь предложил сняться. Публика согласилась, и он нас всех вместе снял. После этого он пристал ко мне, чтобы я снялся один. Я согласился, но потребовал, чтобы он мне отдал негативы, на что Житомирский согласился, и действительно их мне отдал. Познанский мне показал один из этих снимков, и я его узнал по фону, несмотря на то, что Житомирский меня одел в смокинг и сделал другие волосы и бороду. Житомирский недурно рисовал, и для него не представляло никакого труда это сделать. Да не только в снимке я узнал «работу» Житомирского: описание моего телосложения (как врач он меня несколько раз лечил) и обычной моей одежды тоже носило следы его указаний. Все изменения, внесённые Житомирским в фотогравюру, делали меня мало похожим на неё. Это меня ободрило и в то же самое время обескуражило Познанского. Когда Познанский рассматривал карточку, вошёл в комнату бугурусланский жандарм, которому Познанский подал мою карточку с вопросом, имеется ли в этой комнате (где происходил допрос) кто-либо, похожий на неё. Тот ответил отрицательно. После этого я ещё пуще стал ломать комедию, но Познанский потребовал все циркуляры, которые обо мне имеются, и при этом назвал моё настоящее имя, а не то, что было в паспорте. Когда он вслух прочитал циркуляры, я уже был уверен, что он не выпустит меня из своих рук. Он заявил, что спешить некуда, что выпустить меня всегда успеют, если окажется, что я не тот, кого они ищут. Меня отправили в тюрьму, а через несколько дней Познанский

явился ко мне и показал мне телеграмму из Кутаиса, в которой говорилось, что там действительно имеется Санадирадзе, но проживает он в Кутаисе. Он предложил мне назвать себя, заявив, что иначе я буду об этом жалеть. Я думал, что телеграмма — только фокус с его стороны, и поэтому не стал больше с ним разговаривать. Через несколько дней он опять явился в тюрьму для снятия формального допроса. Он мне предъявил выписку из метрических книг, присланную из Кутаиса, из которой видно было, что у Санадирадзе были братья и сёстры, а я указал в день ареста, что у меня их нет. Не сходились также ни отчество отца, ни имя и отчество матери, которые я назвал [1]. Видя, что положение вполне выяснилось, я назвал своё настоящее имя. На это Познанский сказал, что я хорошо сделал, назвав себя, ибо у него против меня нет никаких данных, и он мог бы меня даже освободить. На мой вопрос, почему он этого не делает, он заявил, что для этого требуется мой переход на их сторону. Из моей тюремной практики я хорошо знал, что жандармы часто предлагали политическим арестованным поступать к ним на службу — стать провокаторами и предателями, но мне раньше такого предложения никогда не делали. Я и тогда не ожидал такого предложения со стороны Познанского и ответил ему очень хладнокровно (не понимаю и теперь, откуда у меня взялось тогда хладнокровие), что предпочитаю оставаться нейтральным (ни с жандармами и ни с революционерами). Мой ответ взбесил Познанского, и он стал кричать, что знает, что я член ЦК ленинского толка, что я приехал созывать поволжскую партийную конференцию, что я называюсь в Самаре «Ерманом», что я вёл всю кампанию по завоеванию «Зари Поволжья» и пр. Под конец он заявил, что я буду предан суду, несмотря на то, что у меня ничего не нашли, и они для этого не пожалеют выпустить против меня своего осведомителя. После допроса я стал анализировать те факты, которые жандарм выболтал. Что в деле имелась провокация,— было ясно.

---

[1] Мой паспорт на имя Санадирадзе был мне прислан с Кавказа. Никаких подробностей о его семье я не знал, и поэтому мне приходилось всё выдумывать. Я рассчитывал, что жандармы запросят по телеграфу, действительно ли выдан паспорт Санадирадзе тогда-то, за таким-то номером — и только. При неуверенности Познанского утвердительный ответ из Кутаиса мог бы привести к моему освобождению.

Ясно было, что она была и в Самаре, ибо только два раза я назывался «Ерманом»: на собрании в рабочем кооперативе перед выборами на расширенное собрание редакции «Зари Поволжья», на котором я выступал под этим именем, и на самом собрании редакции, где я фигурировал под этим же именем. О поволжской конференции знали только Кукушкин и А. Никифорова. Больше всего меня занимал вопрос о членстве в Центральном Комитете. Этот вопрос был поднят на январской партконференции 1912 г. Там была выдвинута моя кандидатура в члены ЦК, но так как я не мог сейчас же ехать в Россию, то она отпала. Так как выборы ЦК на конференции были тайные, то провокатор, который, очевидно, присутствовал на конференции, точно не знал, кто оказался выбранным, и он назвал и меня среди выбранных. Значит, жандармы и охранка знают всё о партконференции, думал я после допроса[1]. Все эти мысли были очень мучительны. Какой это ужас — ты встречаешься с товарищем, обсуждаешь с ним вопросы классовой борьбы, а он оказывается Иудой, предающим интересы класса! Хуже всего то, что в каждом товарище ты начинаешь после этого видеть предателя.

Месть Познанского не заставила себя долго ждать. Вскоре после допроса меня отправили в жандармское управление, затем в полицейское управление, а оттуда — в тёмный подвал сыскного отделения «для установления личности», хотя она была Познанским досконально установлена. После всяческих издевательств меня перевели в арестный полицейский дом, где сидели воры, сутенёры, скупщики краденого и пр. Тут я познакомился с подонками общества. Каких только воровских и мошеннических специальностей не было: были форточники, ширмачи, карманники, орудующие только в банках, ожидающие крестьян на дорогах, ведущих к городу, которым они продают «золото» и выгодно обменивают фальшивые деньги и пр. Теснота и грязь были ужасные. Мне приходилось по целым

---

[1] Только после Февральской революции я узнал из опубликованных М. А. Цявловским документов охранки, что на заседании ЦК от 1 ноября 1913 г. за границей было решено предоставить право Русскому бюро ЦК кооптировать в ЦК меня и В. Н. Яковлеву. На заседании ЦК решались вопросы, какие поручения давать тому или другому работнику, а там сидел Малиновский, значит, об этом знал и департамент полиции. Но обо всём этом мы ведь узнали только после Февральской революции 1917 г.

ночам сидеть на подоконнике, обняв решётку. Полицейские были грубы, ругань висела в воздухе. В этой грязной дыре был один только политический — я. Я стоял в стороне от всех групп обитателей полицейского дома, которые делились по своим «специальностям», каждый со своими «вождями». Последние даже вспомнили обиды, которые политики нанесли им в 1905 и в последующие годы, за что мне от них чуть не попало.

При переводах с места на место меня увидели некоторые самарские товарищи. Мне даже удалось обменяться с ними несколькими словами. Они советовали заявить судье, который должен был меня судить за проживание по чужому паспорту, что я его приговор обжалую. В таком случае, по их словам, я попаду в «дворянский» арестный дом, где свободно можно получать газеты, устраивать свидания и говорить через окно. Они ещё обещали послать адвоката к «мирошке», чтобы добиться моего освобождения на поруки. Наконец, я предстал перед судом. Мировой судья, ни о чём меня не спрашивая, заявил мне, что я присуждён за проживание по чужому паспорту к трём месяцам тюрьмы. Арестованные по политическим делам очень редко привлекались к ответственности за проживание по фальшивому или чужому паспорту. Когда они даже привлекались, то их не переодевали в арестантское платье и оставляли сидеть вместе с политическими. Поэтому здесь по отношению ко мне была месть со стороны Познанского. Он не отстал от меня даже и тогда, когда я уже числился за тюремным начальством, после получения приговора о высылке в Сибирь. Под залог судья отказался меня отпустить, и меня перевели в «дворянский» арестный дом. Здесь я ознакомился с последними номерами «Правды» и «Зари Поволжья». Как «Правда», так и самарский орган заговорили открытым революционным языком. Я узнал о Бакинской стачке и об отклике, который она получила в стране. Товарищи, которые приходили ко мне (они подходили к окну арестного дома), рассказывали, что временный Самарский комитет нашей партии, членом которого я был, превратился уже в постоянный по решению большого собрания партработников, что связи расширяются, что ожидают приезда т. Муранова и что превращение самарского органа печати в большевистский было встречено весьма сочувственно не только в Самаре, но и по всему Поволжью, ибо оттуда получаются приветствия,

подписка на газету и пожертвования. Наконец, я стал следить с замиранием сердца за питерской забастовкой и баррикадами в начале июля 1914 г. Однажды я заметил из окна, что, когда к моему окну подходит кто-либо из товарищей, в кустах в садике против моего окна кто-то прячется, подслушивает наш разговор и что-то записывает. Я предупредил товарища и вынужден был запретить хождение ко мне активных товарищей во избежание ареста. «Мирошка» заявил адвокату, что обо мне имеется дело у жандармов и поэтому он меня не может освободить до разбора дела. Начались строгости в «дворянском» арестном доме, поэтому я отказался от апелляции, и меня перевели в тюрьму. Тут для меня начались новые мытарства. Меня отделили от политических заключённых, с которыми, сидя в одном коридоре, несмотря на строгости, удавалось всё же видеться и говорить. С переводом меня в уголовный коридор я потерял всякую связь с политическими заключёнными. На прогулку также ходил с уголовными. Меня остригли и переодели в арестантское платье, которое я и носил до окончания срока наказания. Хуже всего было то, что койка у меня была закрыта с 6 часов утра до проверки, которая до меня доходила поздно ввиду того, что уголовные бывали на работе вне тюрьмы. К тому же очень изнурительна была уборка камеры. Пол, нижняя часть стены и посуда должны были блестеть. За малейшее упущение таскали в карцер. Нужно отдать справедливость тюремному начальству огромной самарской тюрьмы: чистота внешняя была идеальная, хотя она и достигалась издевательствами над арестованными. За эти два с половиной месяца, которые я просидел, как уголовный, в одиночке, я очень много прочёл научных книг и произведений наших и иностранных классиков.

За время моего сидения у меня было несколько допросов. На один из них явился молодой, неопытный жандарм, от которого я узнал о войне и который прочёл мне весь материал обо мне и предложение жандармов в департамент полиции по моему делу. Они предложили выслать меня на пять лет в Восточную Сибирь. На основании нескольких неправильных дат, которые имелись в документах охранки, я доказал, что многие обвинения против меня выдуманы, и на этом основании поставил под сомнение правильность всего их обвинительного материала. Это помогло, и я получил всего лишь три года ссылки в Енисей-

скую губернию. Меня перевели в пересыльный коридор, где сидели товарищи, высылаемые по политическим делам. Из-за войны этапы не отправлялись, а ехать за свой счёт мне не разрешили. Понавезли в Самару народу тьму-тьмущую в ожидании возобновления отправки этапов. На одной из прогулок я увидел кроме товарищей самарцев т. Карташёва из «Северного союза», которого я не видел с 1903 г. Наконец, пошли этап за этапом, а меня всё не отправляли. Товарищей самарцев, получивших приговоры после меня, отправили с первым же этапом после вручения им приговора, а я всё сидел и ждал. Все мои протесты перед начальником тюрьмы оставались без последствий. Только после моих протестов перед тюремной инспекцией и прокурором меня, наконец, отправили. С момента объявления приговора после окончания срока отсидки по постановлению судьи и до прибытия на место назначения в ссылку прошло 6 месяцев! Последним актом мести против меня в самарской тюрьме был обыск во дворе тюрьмы при приёме меня конвоем. На морозе меня раздели догола и во всех швах моей одежды искали денег и тоненьких пил на том основании, что 12 лет назад я бежал из тюрьмы.

Я настолько был рад избавлению от самарской тюрьмы, что время проезда этапным порядком в железнодорожных арестантских вагонах до Челябинска пролетело незаметно. В Челябинске не оказалось конвоя, который должен был везти нас, арестованных, на Новониколаевск, вследствие чего нас переводили целый день из одного места заключения в другое, а вечером отвели в тюрьму. После весьма тщательного обыска нас, 85 человек, вогнали в комнату, на дверях которой красовалась надпись: для 28 арестантов. Теснота была невероятная. Нельзя было ни лежать, ни стоять, ни сидеть. Была такая духота, что арестованные падали в обморок. Под утро к нам в камеру ещё втиснули прибывших этапом из Новониколаевска, и дышать стало совершенно нечем. Тогда те обитатели камеры, которые были около окон, распахнули их (это было в конце ноября 1914 г.). Результатом была простуда почти всех этапников камеры. Хрипота и кашель длились во время всего путешествия, были случаи воспаления лёгких. Это было уже сущим адом.

До Красноярска добрались мы сравнительно без инцидентов, если не считать родов у одной уголовной в нашем вагоне, в котором не оказалось никого хотя бы немного

причастного к медицине. В красноярской пересыльной тюрьме пришлось мне ждать очереди на Енисейск до конца января 1915 г.

Я уже упоминал о том, что о начавшейся войне я впервые узнал от одного молодого жандарма, который допрашивал меня. В последние дни моего пребывания в «дворянском» арестном доме газеты ничего конкретного о возможности войны не говорили. В тюрьме же я был настолько изолирован (я сидел с уголовными), что за всё время ни с кем не говорил и не виделся, ибо в то время в самарской тюрьме были очень строгие порядки. Упомянутый жандарм мне рассказал, что идёт война между Россией, Францией и Англией, с одной стороны, и Австрией и Германией — с другой, и что последняя напала на Россию. Эта война, по его мнению, не может продолжаться больше шести месяцев, так как она втянула большие массы народа и остановила нормальную жизнь воюющих стран. После этого он мне сообщил, что Плеханов за войну с Германией и что немецкая социал-демократия голосовала за военные кредиты кроме Либкнехта, который за это расстрелян военными властями. О России он рассказал, что в ней происходит какой-то большой национальный подъём. В Одессе Пуришкевич целовался на улице с евреями, по всей России происходят манифестации. Забастовки, которые бывали перед объявлением войны, совсем прекратились. Что война происходит,— я ему поверил, но всё остальное я считал чистым вымыслом, хотя проверить его слова у меня не было возможности. Несколько дней я метался, охваченный волнением: что же происходит на свете, что стало с международным Венским конгрессом, что же предприняли социалисты всех стран против войны, ведь имеются резолюции Базельского конгресса II Интернационала против войны! На все эти вопросы я не получал никаких объяснений. В один из таких мучительных дней меня привели в баню, разделённую на одиночки. Я окликнул соседа, который отозвался. Он оказался бывшим чиновником тюремного ведомства, сидел за растрату. Так как он работал в тюремной конторе, то был в курсе того, что делалось на воле. Он подтвердил рассказанное жандармом. Он сообщил мне, что расстрел Либкнехта не подтвердился и что французские и немецкие социалисты поддерживают свои правительства. Никаких протестов, заявлений против войны нигде не было, по крайней мере из

газет этого не видно. На мой вопрос, как относятся русские социалисты к войне, он не мог дать удовлетворительного ответа (мнение Плеханова, роль которого в нашей партии мне была известна, не было для меня авторитетно). Я без долгих дум и анализов решил, что царское правительство ведёт войну не в интересах рабочих и крестьян и что для русской революции будет полезнее поражение царской России, чем её победа, ибо в случае поражения царизм ослабеет и легче будет с ним бороться. Революция 1905 г. была после поражения в японской войне, а Парижская коммуна 1871 г. была провозглашена после поражения Наполеона III. В этом заключался весь мой тогдашний краткий анализ вопроса о войне.

Очень часто в тюремной церкви служили по вечерам молебны с пением «боже, царя храни», что, как мне казалось, означало победу русского оружия. Для меня такие моменты были очень тягостны, но впоследствии оказалось, что в церкви служат молебны по поводу таких «побед», как взятие бывших наших же городов — Августово и др. Наконец, нас стали осведомлять о ходе войны ежедневной раздачей телеграмм русского телеграфного агентства, которым мы, конечно, очень мало верили. Об отношении ЦК, ЦО и Ленина к войне я косвенно узнал из телеграммы вышеназванного агентства об аресте 27(14) ноября 1914 г. пяти депутатов-большевиков думской фракции. Я тогда сделал заключение, что раз их арестовывают, то значит, они против войны. Впрочем, в этом я нисколько не сомневался. Во время путешествия по этапу и в красноярской пересыльной тюрьме мне пришлось видеть многих бундовцев, латышей, польских социал-демократов и сторонников других партий. Ни у одной из вышеперечисленных групп не было такого ясного и у всех одинакового взгляда на войну, как у большевиков, которых я немало встречал в дороге, хотя последние были из разных мест России и друг с другом не были знакомы. В красноярской тюрьме я встретил т. Бурянова из Самары, т. Тунтула из Прибалтики, т. Маслянникова и др. Мы все до отправки на место назначения драли глотки, споря с оборонцами из меньшевиков, бундовцев и прочих оппортунистов.

На Ангаре я встретил уже много большевиков, но картина и здесь была такая же: они все были против войны, а в деревне, где я очутился, несмотря на то, что в ней были анархисты, социалисты-революционеры, максималисты,

польские социал-демократы и большевики,— все были также против войны, хотя в оценке последствий войны существовали различные оттенки. Совершенно случайно я установил переписку из ссылки с т. Зефиром, которого я оставил в Париже летом 1913 г. Он оказался на фронте во французской армии, как и многие другие русские политэмигранты, в том числе, к сожалению, и некоторые большевики. Меня чрезвычайно тогда огорчило и удивило, что т. Зефир, такой твердокаменный и преданный партии большевик, отправился добровольцем во французскую армию. Несмотря на то, что он мне присылал длиннейшие письма, где немало места было уделено объяснению его поступка, я всё же его не понимал, ибо он был против войны и в то же время не «жалел» о своём вступлении во французскую армию. Впрочем, военные познания, приобретённые им в качестве капрала французской армии, пригодились в борьбе на фронтах против белых. Тов. Зефир явился ко мне в октябре 1917 г., когда в Москве уже шли на улицах бои, в которых он тотчас же принял участие. Из писем т. Зефира во время войны с французского фронта я узнавал о настроениях и мероприятиях нашего заграничного центра, с которым он не потерял связи.

ЖИЗНЬ ПОЛИТИЧЕСКИХ ССЫЛЬНЫХ В ДЕРЕВНЯХ ПРИАНГАРЬЯ

1915—1917 гг.

30 января (12 февраля) 1915 г. меня, Тунтула, Бадина и ещё 11—15 политических совместно с уголовными и военными «преступниками», состоявшими из немцев, австрийцев и турок, живших в России, и евреев из прифронтовой полосы, всего человек 50—60, отправили этапом из Красноярска в Енисейск (около 400 вёрст). Этап двигался пешком. Только больные и слабые женщины ехали на подводах, которые везли вещи этапных. Этап двигался со скоростью 15—25 вёрст в день, в зависимости от того, в скольких верстах находились деревни, в которых были этапки, где мы останавливались на ночлег.

Этапки эти представляли собой обыкновенные одноэтажные крестьянские избёнки с решётками на окнах, очень тёмные, холодные и невероятно грязные. Их начинали топить только по приходе этапа. Не чище этапок были и сами арестованные. В красноярской пересылке белья не стирали, а когда сами арестованные ухитрялись стирать, пользуясь оставшейся горячей водой от «чая», то надзиратели отбирали бельё, а между тем многим пришлось ждать очереди несколько месяцев, прежде чем они попали в этап. Финансовое положение этапных было не лучше. Этапная коммуна политических жила исключительно на казённые 10 копеек в день, которые выдавались ежедневно. Плохо было и с одеждой; на улице был крепкий мороз да часто ещё со снежными вихрями, которые не давали двигаться вперёд по дороге, занесённой снегом. Больше всего от непогоды страдали иностранные военные «преступники». Один немец — рабочий Обуховского или

Путиловского завода — Клейн заболел в дороге воспалением лёгких, от которого умер, не доехав до больницы.

Медленно, с трудом мы добрались до Енисейска. Здесь нас водворили в каменный тёмный тюремный замок-крепость, толстые стены которого могли бы служить прекрасными дорогами для катанья белых русских купеческих троек на масленице. Не завидовал я тогда обитателям енисейской тюрьмы. К счастью, мы там просидели недолго, и нас, 22 человека, послали уже со стражниками, а не с конвойными солдатами на Ангару, в село Богучаны, которое находилось в 700 верстах от Енисейска. По дороге мы почти во всех деревнях находили лишь по одному, по два старых ссыльных, но, чем дальше мы отходили от Енисейского тракта, тем больше и больше встречали политических ссыльных. Большинство из них прибыло в ссылку недавно. Только отойдя от Енисейского тракта, мы уже начали останавливаться для ночёвки в крестьянских избах, а там, где были политические ссыльные, мы, политики, конечно, отправлялись к ним. На пути от Енисейска до Пинчуги [1] мы прошли три деревни под странными названиями: Покукуй, Потоскуй и Погорюй. Эти деревни получили свои названия наверно ещё от ссыльных далёких времён, но названия эти так и остались, хотя одну из деревень — не помню, какую именно — официально называли ещё Бык. Название это, однако, не привилось. Самые названия этих трёх деревень говорят за себя, разве что в каждой из них можно было сразу и тосковать, и горевать, и куковать. Деревни были очень маленькие и состояли каждая из нескольких очень бедных дворов. Жители их занимались рыбной ловлей и охотой. Хлеб был привозной. Так как хлеб в этих деревнях достать было трудно, то этапы через них пропускались не часто и не больше, чем в количестве 21—22 человек. Жутко стало при переходе через эти деревни, ибо каждый из нас думал: неужели меня водворят в такой деревне? (Между прочим, все 22 человека нашего этапа получили назначение в разные деревни.) На душе стало легче, когда мы подошли к Пинчуге и Иркинеевой. В каждой из этих деревень было много политических, которые нас очень хорошо, тепло прини-

---

[1] В Пинчуге раньше находилось волостное правление, откуда оно было переведено затем в село Богучаны, но волость и в 1915 г. называлась Пинчугской. Эта волость была, пожалуй, больше, чем Эстония, Литва и Латвия.

мали. Там я нашёл Анну Никифорову, с которой встречался в Самаре, т. Малышева и других большевиков. В селе Богучанах, где было местопребывание пристава, мы, прежде чем попасть к приставу, который должен был отправить нас на место назначения, попали в специальный дом политссыльных, устроенный последними. Тут мы расположились, нас накормили, и оттуда мы уже отправились по своим деревням. Нужно самому пройти путь от Красноярска до Енисейска и оттуда до села Богучан, длившийся больше месяца, в холод, полуголодным, усталым и грязным, чтобы понять и оценить радость каждого из нас, когда мы встретили такой тёплый приём и такую заботу к ссыльным. Только этим обстоятельством, пожалуй, можно было объяснить дружное сожительство социалистов-революционеров, анархистов, большевиков и меньшевиков, которые на воле беспрерывно спорили о методах борьбы с врагами рабочего класса и всех угнетённых.

Я получил в Енисейске назначение в деревню Федино, о чём официально был извещён приставом, но с моей отправкой туда вышла заминка. Федино была самая дальняя деревня в Енисейском уезде. Так как в моих бумагах было сказано, что я имею склонность к побегам, меня назначили туда; оказалось же, что хотя на географической карте Енисейского уезда деревня Федино действительно значится самой последней и дальней, но на самом деле она расположена ближе всего к железной дороге и находится на самой границе Енисейского и Канского уездов. Пристав в Богучанах знал географию своего района не по карте, и поэтому он хотел исправить ошибку, сделанную в Енисейске. Он предложил мне остаться в Богучанах, пока он не получит ответа из Енисейска на его предложение дать мне другое назначение. В Богучанах было веселее, ибо там было много ссыльных, туда всё время приходили этапы, там были почтовое отделение, больница, школа и вся волостная интеллигенция, но в полицейском отношении там было очень скверно. Два раза в день приходили стражники проверять ссыльных, и нельзя было даже выходить из села за поскотину (деревни там огорожены заборами, чтобы скот не уходил в тайгу). Всё время ссыльные находились под наблюдением стражников. Меня выручил исправник, который приехал осматривать свою вотчину. Он стал на защиту своих чиновников против обвинения их приставом, что они-де не знают географии своего

уезда, и приказал немедленно отправить меня в Федино. Отправка была произведена так поспешно, что я был вынужден везти с собой мокрое бельё, которое отдал в стирку, после того как пристав предложил мне устроиться в Богучанах. Меня сопровождал стражник до деревни Карабуля. Там я вечером повидался с местными политссыльными и у одного из них, у т. Циммермана, переночевал. Рано утром стражник сдал меня местному крестьянину, который довёз меня до следующей деревни. 6 марта 1915 г. меня привезли в деревню Федино.

Не лишне будет здесь остановиться несколько на описании жизни и быта крестьян деревни Федино, в которой мне довелось пробыть два года. Такое описание тем более не лишне, что крестьянский быт деревни Федино является, за малым исключением, пожалуй, типичным для жизни крестьян Приангарья и Чунского района, за исключением трёх деревень — Покукуя, Потоскуя и Погорюя, где приходилось жить большому количеству политических ссыльных.

В Федине было не больше 40 дворов, из которых 3—4 двора могли считаться малоимущими, остальные же принадлежали к середнякам и даже кулакам. Вся деревня принадлежала к одному роду Рукосуевых, только один двор носил другую фамилию — Брюхановых. Земли вокруг Федина было довольно много, но она была далеко от деревни, что при отсутствии дорог[1] летом затрудняло её обработку. Землю почти все дворы обрабатывали сами, своими силами, которых было достаточно в Федине даже во время войны, ибо из этого края в солдаты почему-то не брали (летом вся деревня в страдную пору вместе с ребятами отправлялась в поле; возвращались лишь на праздники; дома оставались только дряхлые старики и старухи).

В каждом дворе было немало лошадей, коров, овец, свиней и кур. Если бы в России крестьянин имел столько

[1] Летом можно было ехать только верхом в Богучаны, Плахино и Почет; верхом же и на лодках по реке Оне — к пашням. Сёдла для верховой езды крестьяне выделывали из досок, ввиду чего они имели четырёхугольную форму. Поверх седла привязывались подушки, а под седло клали всякую всячину, чтобы не стереть бока лошади. Лодки они сами выдалбливали из стволов деревьев длиной 9—12 аршин, после чего их расширяли. Зимой же, после осенней распутицы, устанавливался хороший санный путь во все стороны от деревни.

лошадей и скота в своём хозяйстве, то его приравняли бы к помещику. Леса в тайге, вокруг деревни, было сколько угодно для построек, на топливо и для сплава. Весной, осенью и зимой местные крестьяне ловили рыбу или отправлялись на целые недели на охоту на сохатых, медведей, лисиц и белок. При вскрытии реки в первой половине мая многие из местных жителей отправляли в Енисейск на плотах зерно и муку своего недоброкачественного помола (до войны они продавали рожь по 14 копеек за пуд, и то её неохотно покупали, в 1915 г. у многих крестьян был ещё большой запас, а летом 1916 г. в Енисейске рожь продавалась уже по 1 рублю 10 копеек за пуд). Покупали её главным образом туруханцы. Холст и сукно крестьяне вырабатывали сами, даже на продажу, также сами выделывали кожу для летних чирок, зимних бродней и других надобностей.

В будни они одевались в одежду своего собственного изготовления, и только по праздникам взрослые члены семьи — мужчины надевали одежду и сапоги городского покроя, которые они приобретали у одного татарина, приезжавшего раз в год летом на плотах и закупавшего у крестьян сукно, холст, масло, пушнину, яйца и пр., взамен чего он давал крестьянам то, что им было нужно.

Почти у всех крестьян водились деньги, которые они прятали (во время войны по сибирским деревням разъезжали скупщики золотых монет, платившие им царскими бумажками по 1 рублю 20 копеек — 1 рублю 50 копеек за золотой рубль, в то время как бумажный рубль в России пал уже до одной трети прежней стоимости). Интересно отметить, что в семьях женщины и мужчины имели свои отдельные кассы и друг другу не помогали. Женщины получали деньги за холст, сукно, яйца, молоко, масло и прочие мелочи, остальное шло мужчинам. Из своих денег женщина должна было покупать праздничную одежду как для себя, так и для маленьких детей.

Деревня была поголовно безграмотной в буквальном смысле этого слова. Мальчики очень рано впрягались в работу, а девочкам грамота «не для чего». Школа была далеко, в 50 верстах от Федина, в деревне Яр. Насколько я припоминаю, никто из фединцев туда своих детей не посылал. Единственный грамотей в деревне кроме ссыльных был стражник. Ни часовни, ни церкви в Федине также не было. Несколько раз в году появлялся поп со своей свитой

и сразу отпевал умерших, крестил детей и пр. Поп во время своих редких приездов в обиду себя не давал: он брал всё — пушнину (белку), холст и пр.

Никаких молитв фединцы не знали. Вся их религия сводилась главным образом к иконе и к тому, что они крестились до и после еды.

В избах внешне было поразительно чисто. Фединцы скоблили полы, потолок и стены, но в кроватях, стенах, между досками в полу (они большей частью спали на полу) была тьма-тьмущая клопов. Не меньше было и тараканов. Спали местные жители в одежде зимой и летом, что чистоты не прибавляло, хотя они часто мылись в своих чёрных банях.

В деревне во время моего пребывания умерло много грудных детей от поноса, так как им сейчас же после рождения давали коровье молоко. Зато я не помню случая, чтобы за то же время умер кто-либо из взрослых. Живут они до глубокой старости. Медицинскую помощь населению оказывал фельдшер, приезжавший один раз в году.

По праздникам — осенью и зимой — шло поголовное пьянство. Крестьяне ходили вместе с женщинами и детьми друг к другу в гости, таская с собой четверти с самогоном, который выделывался в Плахине, где не было стражника. Молодёжь орала песни. Нужно отдать справедливость: никакой драки ни во время пьянства, ни вообще за всё время моего пребывания в деревне я не видел. Изредка собирался сход для выборов старосты, сотского, распределения на каждый двор податей и определения количества и очереди поставки лошадей для нужд волости и полиции. На этих сходах много говорили, кричали и галдели, обыкновенно все сразу, но, какое именно принималось решение, я никогда не мог понять. В конце концов богатеи и кулаки брали верх. Они преуменьшали количество имевшихся у них лошадей и прочего скота, чтобы платить меньше податей, уменьшить своё участие в подводной повинности. Хозяйство своё фединцы вели из рук вон плохо. Лошадей и скота они имели много, но зимой держали его полуголодным под открытым небом, и это тогда, когда вокруг было такое количество леса! Молока зимой у крестьян еле хватало для детей, и нам они отказывали в продаже его, а рядом, в Почете, было маленькое хозяйство польского ссыльнопоселенца Корольчука, который присылал нам зимой вдоволь мороженого молока, а также масло и сыр.

Он держал своих коров в тепле и кормил их в достаточной мере. Крестьяне видели его хозяйство, и всё-таки их коровы мёрзли. В страшные морозы, доходящие иногда до 45—48° по Реомюру, они стояли под открытым небом (поить их водили к реке). Крестьяне были очень консервативны, и как бы хорошо и доверчиво они ни относились к политическим, которых охотно пускали и даже звали в свои дома и давали им мелкий кредит, тем не менее политические ссыльные оставались для них преступниками.

К моменту моего приезда в Федино там оказались два уголовных ссыльнопоселенца, военный «преступник» немец — мастер Порохового завода из-под Питера и четверо политических ссыльнопоселенцев. Один из них — одессит Хаим Бер, интеллигент, сосланный по эсеровскому делу,— страдал тихим помешательством, вследствие чего дошёл до ужасного состояния: он жил в полуразрушенной избе на печке. Второй ссыльнопоселенец — оборванный и грязный Якоб Гарбец, рабочий-красильщик из Польши — был сослан по делу СДПиЛ. По образу жизни его нельзя было отличить от местных крестьян. Третий поселенец был латыш Паист из Прибалтийского края, жил он особняком от ссыльных, и, наконец, четвёртая — работница-анархистка, незадолго до меня переведённая в Федино с каторги, Ида Зильберблат. Из всех политических ссыльных деревни она была единственным живым человеком. Даже немец оказался невероятным мещанином. Он прожил в России 25 лет и за это время не научился русскому языку и не знал ни русской, ни немецкой политической жизни.

Для охраны всех политических ссыльных в деревне находился стражник Роман Петрович Благодатский, который был со всеми ссыльными на положении чуть ли не «товарища», что дало ему право приходить ко мне в первые дни моего пребывания в Федине во всякое время дня и вечера, пока я в вежливой форме не предложил ему удалиться из моей квартиры. Картина жизни ссыльных оказалась не радужная. В конце марта т. Зильберблат поехала в Богучаны, а Паист совсем уехал из Федина. Остальные ссыльные остались уже до окончания весенней распутицы, которая длится месяц-полтора, и во время неё из-за разлива рек никакого сообщения с Богучанами не имелось.

Первым делом я поселил в маленькой избушке, которая осталась политссыльным в наследство от прежних политссыльных, больного Хаима Бера вместе с одним ста-

риком, уголовным поселенцем. Последний должен был за ним присматривать. Я написал родным Бера в Одессу, которые оказались очень состоятельными людьми, чтобы они ему присылали денег на жизнь и нужную одежду. Наконец, я предложил им обратиться к енисейскому губернатору с просьбой поместить их сына в больницу, а стражнику предложил сообщить по начальству о состоянии Бера. Это помогло. После распутицы его отправили в больницу в Красноярск.

В Канском уезде, Абаканской волости, граничившей с деревней Федино, находились две деревни невдалеке от нашей: Плахино, в 12 верстах, где ссыльных тогда не было, и Почет, в 35 верстах от нас. В Почете жили трое политссыльных: один русский—Никита Губенко и два поляка — Фома Говорек и Пётр Корольчук. Последний завёл своё сельское хозяйство и поэтому там осел основательно. Через него я выписал себе газеты и стал получать корреспонденцию из России, ибо с Почетом у нас была постоянная связь даже во время распутицы. Получение газет, книг и писем помогло мне избавиться от ужасной тоски и немного привыкнуть к новому положению, ибо в деревне не с кем было даже поговорить. Положение сразу и сильно изменилось после распутицы: с каждым этапом летом 1915 г. привозили по одному, по два ссыльных. Первыми явились студент питерского университета Петриковский (Петренко), большевик, и харьковский социалист-революционер служащий Кнышевский, затем Сохацкий, член СДПиЛ, с женой (не ссыльная), а за ними социалист-революционер Борис Орловский и Павел Козлов. Наконец, появились ещё максималист Алексей Феофилактов с женой (она была сослана в Плахино, но там не было стражника, и поэтому она часто бывала в Федине); типограф из Гомеля, сосланный по эсеровскому делу, Давид Трегубов, ссыльнопоселенец; солдат Яков Блат; толстовец Иван Выхватнюк, сосланный за отказ пойти в солдаты; немецкий рабочий Адам Станкевич и др. Словом, колония ссыльных разрослась до 23 человек, из которых политических ссыльных было 14. Тут были административно-ссыльные, которые получали по 8 рублей в месяц, и поселенцы, которые ничего не получали. Найти работу в Федине было трудно, когда же удавалось всё же найти временную работу, то приходилось работать за 10 копеек начиная с часу ночи до 9 часов утра (молотьба), при 30—40°

мороза по Реомюру. Материальное положение поселенцев ещё ухудшалось тем, что они, так же как и административно-ссыльные, не имели права отлучаться из деревни. Неодинаковое материальное положение ссыльных при тесной жизни в маленькой деревушке такого количества людей могло дать повод к целому ряду неудовольствий и недоразумений. Поэтому фединская колония установила такой модус: устраивается общая столовая, каждый ссыльный по очереди готовит обед для всех. Продукты для обеда, ужина и завтрака закупаются сообща и делятся поровну между всеми по норме, которую определяет общее собрание. Так же поступают с керосином, мылом, сахаром и пр. Продукты и всё закупалось через т. Корольчука в Абакане, а сыр, масло, сало и зимой молоко он нам доставлял сам из своего хозяйства. За квартиру, хлеб и кипяток каждый из нас вначале платил по 3 рубля в месяц местным крестьянам. Оставались неразрешёнными вопросы об обмундировании членов колонии и финансовый. Эти вопросы мы разрешили таким образом: все деньги, которые ссыльные, вошедшие в коммуну, получали, передавались выбранному кассиру, и на эти деньги последний производил нужные закупки. Каждый член коммуны имел у кассира свой личный счёт. В конце каждого месяца все расходы делились между всеми членами коммуны, и на эту сумму уменьшался личный счёт тех товарищей, которые имели деньги на своём счету; та же сумма записывалась как долг на тех товарищей, которые денег на своём счету не имели. Каждые три месяца делался генеральный подсчёт: товарищи, которые имели деньги на своём счету, уплачивали в кассу сумму, которая причиталась за три месяца с неимущих товарищей. После этого начинались новые записи на счета всех членов коммуны до нового генерального трёхмесячного подсчёта. Товарищи, которые имели в кассе больше 20 рублей, имели право тратить на себя до 2 рублей без санкции комитета коммуны. Комитет состоял из кассира и двух товарищей. Все трое выполняли и функции политического центра всех ссыльных. Личные расходы товарищей, которые имели меньше 20 рублей, могли быть произведены лишь с разрешения комитета. Последний рассматривал также вопрос приобретения одежды для товарищей, которые на своём счету денег не имели, а в одежде нуждались. Этой организацией фединская колония избегла склоки на материальной почве, ко-

торая существовала во многих колониях ссыльных. Ссыльнопоселенцы, которые от правительства не получали материальной помощи, зарабатывали на самое необходимое для себя различными способами. Зимой они ловили налимов и собирали кедровые орехи для продажи. Иногда удавалось и белок настрелять, но последнее бывало редко, ибо поселенцам не полагалось иметь охотничьих ружей. Летом жить было легче.

Во время войны деревни Канского уезда остались без работников, так как всех почти забрали на войну (с Ангары крестьян не брали в солдаты); туда уходили поселенцы на заработок (из-за нужды в работниках в 1916 г. поселенцам разрешали перемещение не то по своей губернии, не то по своему уезду).

Летом многие ссыльные валили лес, который они гнали плотами в Енисейск на постройки или на лесопилки. За каждое бревно можно было получить по 1 рублю или по 1 рублю 20 копеек, но зато обратно приходилось ехать пароходом по Енисею, потом на лодках против течения по Ангаре и, наконец, на лошадях верхом до нашей деревни, и всё это путешествие стоило недёшево. Фединские крестьяне тоже занимались весной сплавом леса, но они возвращались домой через Канск, что было ближе и дешевле, так как можно было ехать пароходом, поездом и лишь немного лошадьми. Так или иначе ссыльные кое-как устраивались и могли прожить, не будучи другим в тягость.

Жизнь, как она мной была выше описана, обходилась одному товарищу в месяц в 1915 г. в среднем без обмундирования 6—7 рублей, а в 1916 г.— 10—12 рублей. Когда в Федино стали присылать австрийцев, немцев, турок и евреев по «военным делам», в деревне стало тесно. Крестьяне попытались поднять цены на квартиры и, что ещё хуже, стали распоряжаться площадью, где жили политические ссыльные. Поэтому мы купили у т. Паиста избушку за 12 рублей и ещё другую у одного крестьянина, которую мы сами перенесли к паистовой избе. Мы сделали её выше, окна увеличили и недурно оборудовали своими силами. Таким образом, мы могли в трёх избах поместить до восьми товарищей.

Мы получали столичные газеты и журналы, а также и книги, из которых составилась недурная библиотека. Времени для чтения было много, в особенности зимой, и

публика читала. Устраивали мы доклады, после чего бывал горячий обмен мнениями, так как среди нас были товарищи, принадлежавшие к разным партиям и различным течениям. Иногда мы устраивали торжественные собрания: по случаю 1 Мая, 22(9) января, 17(4) апреля, в годовщину Московского декабрьского восстания, для встречи Нового года, на которые обыкновенно съезжались ссыльные, жившие в окружности на расстоянии 50—80 вёрст (из Малеева, Яра, Почета и др.).

У Алексея Феофилактова (он погиб в партизанской борьбе с колчаковцами в Енисейской губернии) оказался дирижёрский талант. Он составил хороший хор из товарищей, которые даже не предполагали, что у них имеются голоса. Таким образом, мы кое-как проводили время. Когда же нападала хандра, тоска, что бывало нередко, то публика отправлялась в гости в соседние деревни к ссыльным, невзирая на то, что наш «ангел-хранитель» — стражник Благодатский устраивал погони и привлекал нас за самовольные отлучки.

16 февраля 1917 г. меня присудили за самовольную отлучку к трём дням отсидки. А как, спрашивается, было не хандрить и не тосковать, когда не видишь живых людей, не занимаешься живым делом, хотя ты и «на воле», а кругом тебя 8 месяцев лежит снег, на который глазам больно смотреть, ходить же можно только по дороге, иначе рискуешь провалиться в снег, покрывающий землю на два аршина. А долгожданное лето приносит с собой такое несметное количество комаров и мошек, что без сетки на лице никуда нельзя выйти.

На Ангаре у политических ссыльных была своя организация, имевшая целью оказание материальной помощи неимущим ссыльным, устройство побегов, информацию ссыльных о политической жизни России и пр. Эта же организация разбирала конфликты между ссыльными, пополняла библиотечки и рассылала колониям литературные легальные и нелегальные новинки. Она охватывала все деревни Пинчугской и Кежмской волостей.

Все деревни, которые находились вокруг Федина, составляли Чунский подрайон организации ссыльных Приангарья.

За время моего пребывания в Сибири состоялись два съезда ссыльных Приангарья с участием почти всех имевшихся колоний; на съездах был избран общессыльный ко-

митет Приангарья. Все члены этой организации платили 10-копеечный членский взнос в месяц.

Я был избран секретарём Чунского подрайона и вёл интенсивную переписку с уполномоченным комитета ссыльных. Уполномоченным в 1916 г. был Григорий Аронштам, с которым мне довелось долго работать вместе после Февральской революции в Железнодорожном районе Москвы. От комитета ссыльных мы получали нелегальную литературу, денежные отчёты и отчёты о делах организации.

Так как Федино находилось по дороге из Богучан на Канск, то к нам заезжали как беглецы, так и товарищи, которые заканчивали срок ссылки. Зимой 1916 г. Ида Зильберблат бежала за границу, а летом 1916 г. забрали в солдаты Петриковского и Кнышевского. Многие из поселенцев пользовались правом передвижения и отправлялись на заработки ближе к Канску и в Канск. В Федине опять осталось мало политических ссыльных.

Осенью 1916 и в начале зимы 1917 г. было невыносимо скучно, заниматься всё время стало невмоготу, и поэтому я начал нелегально, так как политическим запрещалось заниматься этим делом, обучать ребятишек одной крестьянской семьи грамоте и участвовать в местной убогой общественной жизни — в создании кооператива, так как даже крестьяне Федина почувствовали последствия войны, выразившиеся в исчезновении с рынка тех немногочисленных предметов широкого потребления, которые они приобретали в городе (керосина, мыла, сахара, посуды и дроби для охоты). Толчок к скорейшей организации кооператива был дан ещё следующим обстоятельством. В Федине открытых лавок не было, но кулаки осенью привозили в деревню керосин, сахар, мыло и спички. За эти продукты они драли страшные цены. Когда им говорили, что дорого, то они отвечали: «Хошь — бери, не хошь — не бери, я это купил для себя». Делать было нечего, и крестьянам приходилось у них покупать. Когда они стали драть уже слишком много, ибо в Канске и Абакане начался товарный голод, возникла в 1916 г. мысль организовать кооператив для Чунского подрайона. Толков было много, пока местные крестьяне решились на это, ибо кулаки были решительно против кооператива.

Мы, политические ссыльные, энергично взялись за организацию кооператива, кооператив был создан, и в него мы также вступили членами. Я и один крестьянин были

сходом избраны уполномоченными на Чунское кооперативное совещание в Яру, которое в свою очередь послало одного политического ссыльнопоселенца на губернское совещание.

Когда касаешься некультурности и бесхозяйственности крестьян, о которой я уже говорил выше, невольно возникает вопрос: неужели политические ссыльные не могли оказать на крестьянство оздоровляющего влияния, находясь всё время с ними в самом тесном соприкосновении? К сожалению, на этот вопрос приходится ответить отрицательно. Больше того, очень часто политические ссыльные сами воспринимали «культуру» своих соседей-крестьян. Правда, крестьяне всё время бывали у нас, и мы много с ними беседовали и толковали, особенно с молодёжью. Они нас внимательно слушали, но потом отправлялись к стражнику и спрашивали его, действительно ли дело обстоит так, как говорят политические ссыльные. Поступали они так потому, что смотрели на нас, как на преступников. Характерно, что после Февральского переворота крестьяне вручили мне свою сельскую печать и все атрибуты стражника и предложили распоряжаться ими по своему усмотрению; с этого момента мы, политические ссыльные, уже не были в их глазах преступниками. При Колчаке фединские крестьяне во главе с оставшимися там политическими ссыльными принимали деятельное участие в партизанской борьбе против колчаковцев.

КАК МЫ УЗНАЛИ О ФЕВРАЛЬСКОМ ПЕРЕВОРОТЕ

1917 г.

Вечером 9 марта 1917 г. у меня было очень плохое настроение. Я целый день хандрил, никуда не ходил, лежал в комнате без огня и никого к себе не впускал, не отвечая на стук в дверь. Поздно вечером послышались в сенях торопливые шаги и частый стук. Не дожидаясь ответа, в дверях показался вышедший в крестьяне политический ссыльнопоселенец Фома Говорек, живший не в нашей деревне, и взволнованно сообщил, что в России революция. Я ему заявил, что мне сегодня не до шуток, на что он мне серьёзно ответил, что жена одного почетского ссыльного была в Канске на большом митинге, на котором присутствовали и солдаты. Жители поздравляли друг друга со свободой и украсили дома красными флагами.

Мы сразу созвали всех ссыльных и стали обсуждать, каким образом узнать, что делается в России и в крупных городах Сибири. Решено было послать по всем дорогам ссыльных для того, чтобы у проезжающих крестьян узнать, что они видели в Канске и в Абакане, и ознакомиться с газетами, если таковые у них окажутся. Если же за ночь мы не добьёмся результатов, решено было отправить Фому в Канск, чтобы разузнать всё толком. Ночью в наших руках очутились прокламации выпущенных из тюрьмы социалистов-революционеров и эсдеков, в которых предлагалось сплотиться вокруг Комитета общественного спасения не то Канска, не то Красноярска. В прокламациях было указано, что царизм пал и что у власти находится комитет Государственной думы.

Целую ночь никто из ссыльных не спал. Обсуждался вопрос о разоружении стражников, об аресте исправника,

которого больше недели стражник и крестьяне поджидали днём и ночью, и о том, что предпринять на сходе. Но самым жгучим был вопрос о том, как бы поскорее выбраться из этой дыры, чтобы примкнуть к революционному движению в России. По всем этим вопросам вносились самые нелепые предложения, вроде поездки по деревням для избиения и ареста стражников, которые находились от нас в 150—200 верстах, вблизи Богучан, где было в 10 раз больше ссыльных, чем у нас. И удивительно то, что такие предложения вносились теми товарищами, которые до революции дрожали перед каждым столкновением с нашим безобидным стражником.

Наутро к нам попала прокламация с указанием состава Временного правительства. Сразу мне бросилось в глаза одиночество «социалиста» Керенского среди кадетских и октябристских зубров, вроде Гучкова и Милюкова. Мне было вполне ясно, что теперь придётся вести борьбу уже против буржуазии.

10 марта, взяв взаймы денег на дорогу, я выехал из деревни Федино. Меня провожала вся деревня. Когда я приехал в Почет, я нашёл там телеграммы из Пензы и из Москвы с извещением об амнистии и предложением поехать туда на работу, а также и денежный перевод. Я ехал лошадьми до Канска, приехал туда утром 12 марта. В Канске существовал уже Совет солдатских депутатов, а Совет рабочих депутатов должен был собраться в день моего приезда — вечером. Работа в Канске кипела. Солдаты с комиссарами производили обыски, водили каких-то людей, в Совете была сутолока, и шли беспрерывные заседания исполкома Совета солдатских депутатов. Мне тогда думалось, что если здесь, в захолустье, жизнь так кипит, то что должно происходить в Питере и в Москве? Я решил ехать в Москву и, не задерживаясь, в ту же ночь выехал в поезде, переполненном амнистированными. С дороги я послал запрос в Питер в ЦК, куда ехать на работу и за какую именно работу взяться. 23 марта, в день приезда в Москву, я уже побывал в Московском Совете, где встретил старых товарищей — Смидовича, Ногина и многих других, в МК, где встретил Землячку, и в Областном бюро Центрального Комитета. Все эти организации находились в одном здании — в Капцовском училище. Когда был получен ответ из ЦК с предложением ехать в Питер, если я хочу, то я уже работал среди московских железнодорож-

ников. Решил не ездить в Питер, а продолжать начатую работу.

После Февральской буржуазно-демократической революции началась новая страница в борьбе нашей партии. Всеми силами и со всей энергией я начал помогать осуществлению задач, поставленных революцией перед нашей партией и рабочим классом.

СОДЕРЖАНИЕ

О. ПЯТНИЦКИЙ Записки БОЛЬШЕВИКА